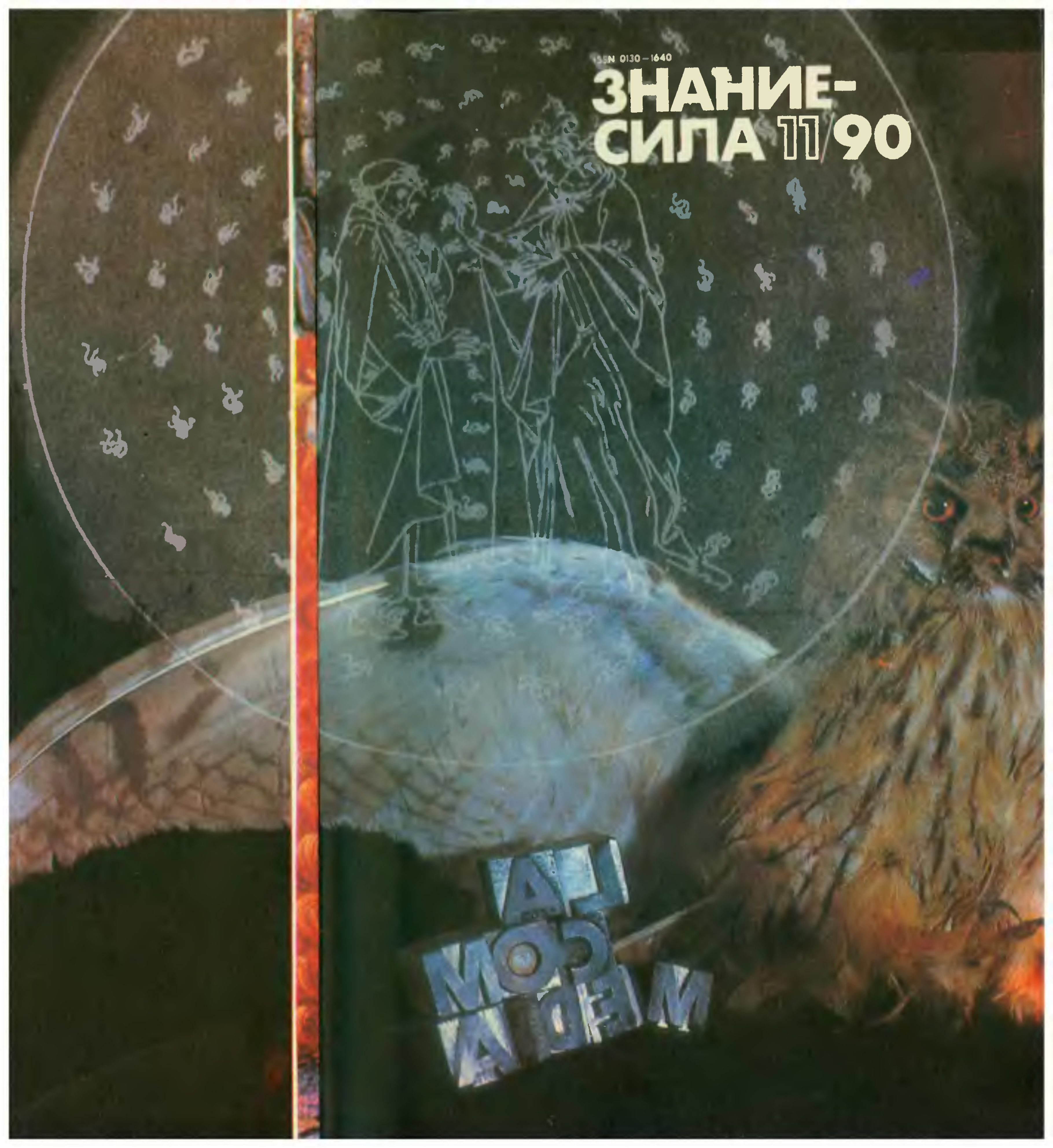

ISSN 0130-1640
ЗНАНИЕ-
СИЛА 11/90

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/90

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Издание ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 11 (761)
Издается с 1926 года



В этом номере — статья Е. Херсонской «Ведя векам грядущим счет...»



Читатель!
В этом номере есть две статьи (здесь и на стр. 70) чьи авторы толкуя каждый о своем, не сговариваясь, выражают единый пафос. Пафос этот в том, что не может быть в государстве разумного хозяйства, научно-технического прогресса, благосостояния, не может быть в обществе законопослушания и свободы политической без права на свободу личностного выбора и личностной ответственности.
Наше общество сейчас делает выбор в пользу такой свободы, быть может, впервые в истории.
Редакция надеется, что эти статьи помогут читателю разобраться в том, что — по одну и что — по другую сторону альтернативы.

И. Прусс

Бремя свободы и безответственность нищеты

Почему сегодня необходимо опубликовать книгу лауреата Нобелевской премии Ф. А. Гаека «Путь к рабству», написанную полвека назад

Кажется, в бурных спорах о рынке обе стороны чего-то недоговаривают. Нынешние его сторонники, по крайней мере наиболее последовательные, имеют в виду не просто развитие товарно-денежных отношений, каковые можно назвать и рынком и каковые мы уже несколько десятилетий подряд все тщились развивать, но как-то не очень получалось. Они все-таки рынком именуют экономическую систему западного образца, основанную на частной собственности. Но уходят от точных формулировок в разговоры о многоукладности экономики и у них, в мире капитала, где с частной соседствуют и переплетаются собственность государственная, собственность кооперативная...

Противники рынка тут же выводят своих оппонентов на чистую воду и, не отрицая высокой эффективности западной экономики (куда уж тут отрицать!), вполне резонно напоминают, что за эффективность эту придется дорого платить. «Рыночники» — об экономике, противники — чаще о душе, о высоких ценностях нашей культуры, которые могут подвергнуться слишком суровому испытанию: дружба и взаимопомощь, открытость и гостеприимство, склонность к книгам и неспешным разговорам.

Они правы, платить придется. Может быть, не обязательно этим, но, возможно, и этим тоже. Но и они лукавят, потому что платить приходится везде, всегда и за все. Платили и мы за свой образ жизни. Нищенским ее уровнем. Но это ладно, с этим никто не спорит.

Ф. Гаек считает, что мы за свою экономическую систему платили свободой. И это тоже разговор о душе.

Не бог весть какая новость, что мы долгие десятилетия были несвободны. Ради одного такого утверждения я бы не настаивала на переводе и массовом распространении этой книги, полвека назад наделавшей много шума. Но Ф. Гаек утверждает (и доказывает), что централизованное планирование — то главное, что отличает нашу экономическую систему от западной,— неизбежно порождает тоталитаризм. Не может его не порождать. И убедительно показывает тот механизм, который от наилучших пожеланий утопистов всех времен и народов облагодетельствовать людей ведет к неминуемому их порабощению.

Гаек, человек «из другой системы», заставляет нас вспомнить почти забытый нами смысл многих слов и понятий. Ведь для нас права человека — это прежде всего право не быть арестованным «ни за что», а свобода — это отсутствие в поле зрения сторожевых вышек и колючей проволоки. Гаек





такие крайности даже не рассматривает. Для него неотъемлемое право человека — это право на самостоятельное решение в любой сфере жизни (и, естественно, готовность на риск, на все последствия ошибки), право выбрать себе любое занятие, вообще право жить как хочется, если ты при этом не мешаешь другим (недавно одна бездомная американка выиграла процесс против властей штата, вознамерившихся насильно вселить ее в дом для бедных).

Но разве, скажете вы, на наших знаменах не написано: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех?» Разве все мы столько лет трудились, приносили огромные жертвы не ради того, чтобы создать материальную базу для свободного и гармоничного развития личности?

Централизованное планирование, выбранное как средство для достижения этой цели, делает ее недостижимой. Заметьте: не произвол дурных вождей, не стратегические ошибки руководства в тот или иной период, не идеология как таковая — хоть ее и принято теперь ругать больше всего,— а придуманный ради повышения эффективности коллективных усилий Госплан.

Исходный тезис очень прост: «Ни один ум не может охватить всех бесконечно многообразных потребностей людей, соперничающих за доступ к имеющимся ресурсам, и четко определить значимость каждой из них... Из этого индивидуалист делает вывод, что людям должно быть позволено внутри определенных рамок руководствоваться своими, а не чужими ценностями и склонностями, что внутри этой сферы верховным законом должна быть индивидуальная шкала ценностей... Государство может полагаться на добровольное согласие граждан только до тех пор, пока его деятельность ограничивается сферой, в которой такое согласие существует. Но как только государство переходит к прямому контролю и принуждению в тех областях, где такого согласия нет, оно оказывается вынужденным подавлять свободу личности».

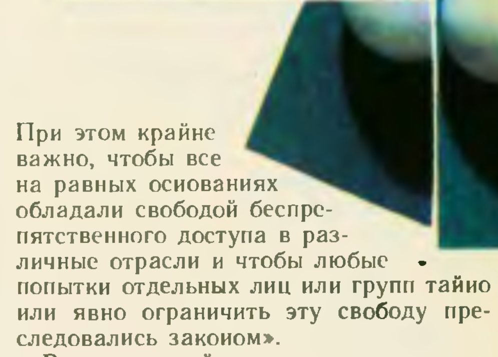
«Ни один ум не может охватить...», и два не могут, и великий совет выдающихся умов, вооруженный компьютерами самого последнего поколения,— не могут они составить такой единый план, в котором нашлось бы место разнообразным потребностям миллионов людей. Эта простенькая мысль никак не внедрится в общественное сознание, вытесняемая иллюзиями о «хорошем», «умном» плане.

Тем не менее, как утверждают специалисты, сбалансированный по всем статьям план — чтобы количество пуговиц соответствовало числу сшитых пальто и рубашек, а количество и сорт металла — тем изделиям, для которых он предназначен,— такой план технически невозможен. И чем сложнее хозяйство, чем больше связей его пронизывает, то есть чем более оно развито, тем меньше остается надежд на дальнейшие успехи компьютеризации плановых органов. Такие надежды вдохновляют «технарей» — тех, кто склонен уподоблять народное хозяйство пусть сложной, но машине (или, выражаясь современнее, относит хозяйство к классу искусственных систем). В них можно все посчитать, все детальки подогнать друг к другу, все связи запрограммировать. Однако с самого начала нашего социально-экономического эксперимента этого не удалось сделать ни разу. Госплан имел вполне достаточно времени и умных людей, чтобы поставить наконец свою деятельность на научную основу, создать научную методологию планирования. Ныне об этом много написано и диссертаций защищено, и студенты что-то такое изучают, а планируем — от достигнутого. Ругаемся, кляним этот «примитив» — и планируем. Потому что это, оказывается, самое надежное. И слава богу, что надежность все-таки предпочли научности, по крайней мере не строим нашу экономику каждые пять лет заново, «более научно», чем прежде, а сохраняем естественно сложившиеся связи.

Заметьте это словечко: «естественно». Тут — суть другого подхода к хозяйству страны как к системе естественной. Она складывается не сверху, из планирующей инстанции, а снизу, от потребностей, которые ищут себе удовлетворения и находят его в обмене услугами.

О первоклеточке системы свободного рынка — частной собственности — Гаек особо и не распространяется. Не потому, что считает ее ненужной или неважной, это само собой разумеется. «Владелец извлекает выгоду из всех полезных услуг, оказываемых его собственностью, и несет убытки от любого ущерба, причиненного третьим лицом в результате использования этой собственности» — вот и все. Попробуйте создать такую систему взаимной ответственности без частной собственности. Впрочем, кажется, именно это мы и хотим попробовать.

Но мало священного принципа частной собственности. «Необходимо, чтобы присутствующие на рынке стороны могли свободно продавать и покупать товары по любой цене, на которую найдутся желающие, и чтобы каждый имел право производить, продавать и покупать все, что может производиться и продаваться.



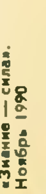
При этом крайне важно, чтобы все на равных основаниях обладали свободой беспрепятственного доступа в различные отрасли и чтобы любые попытки отдельных лиц или групп тайно или явно ограничить эту свободу преследовались законом».

Вот, пожалуй, и весь «катехизис» системы, от имени и во имя сохранения которой выдающийся экономист написал свою книгу. Все принимаемые нами сегодня законы, все обсуждаемые концепции можно считать «рыночными» ровно настолько, насколько они приближают нас к действию этих простых правил.

Но все это только одна сторона дела, можно сказать, техническая. Не менее,— возможно, более — важно другое: централизованное планирование обязательно предполагает систему единственно правильных целей и ценностей, лежащих в основе всеобъемлющего плана.

Как, по каким критериям и принципам отсекают «лишние» потребности и определяют необходимое? Кто и кому дал право этим распоряжаться? Отдать, например, приоритет полетам в космос и загнать в конец медицину?

«К сожалению, вера в то, что власть над экономикой — вещь второстепенная, вера, позволяющая людям легко смотреть на угрозу свободе наших экономических начинаний, совершенно не обоснованна. Пока мы можем свободно распоряжаться своими доходами и имуществом, экономический ущерб лишает нас только одного — возможности удовлетворить наименее важные из наших желаний. Экономическое планирование будет затрагивать не только второсте-





пенные нужды, презрительно именуемые чисто экономическими, у нас как личностей будет отнято право самим решать, что считать второстепенным, а что нет».

Это уже, пожалуй, «о душе». Наука здесь ни при чем. Никакая наука не может сказать, в чем смысл жизни каждого человека, в чем заключено именно его счастье, какие цели Петрова, Сидорова, Гогиладзе важнее, а какими можно хоть на какое-то время пренебречь.

«В качестве «социальной задачи» или «общей цели», на достижение которой необходимо мобилизовать общество,— пишет Гаек,— обычно выдвигаются туманные понятия «общего блага», «всеобщего благосостояния» или «всеобщей пользы». Нетрудно увидеть, что термины эти слишком расплывчаты, чтобы позволить определить какой-то конкретный курс действий».

Логика книги разворачивается как бы одновременно в двух плоскостях — рационально-экономической и этической. Индивидуалиста (он с гордостью называет себя этим браным словом), либерала, поклонника Декларации прав человека, Гаека приводит в ужас сама мысль о том, что некто будет навязывать ему (или любому другому) свои цели и ценности, лишит его права выбора и права самостоятельных решений. Экономист Гаек при этом понимает — и старается объяснить «на пальцах»,— что ничего путного из всеобъемлющего планирования жизни каждого выйти не может, что цели и ценности, навязываемые таким планированием, неизбежно будут выбираться произвольно, некомпетентно и ресурсы страны в результате будут использованы, мягко говоря, не лучшим образом. На собственном горьком опыте мы можем убедиться в его правоте.

Мы уже в общем-то договорились, что провозглашенная и реализованная как цель первостепенной важности индустриализация, ради которой пришлось уничтожить целый класс крестьянства, отказать миллионам людей в праве на человеческие условия жизни и труда, первостепенной целью не должна была быть хотя бы по соображениям нравственным. Мало того, по соображениям экономическим — тоже, иначе сегодня мы не остались бы без собственного хлеба. Но, кажется, мы до сих пор не в состоянии расстаться с идеей, что в принципе можно выстроить правильную систему приоритетов, которая легла бы в основу нового, правильного плана.

Нет, Гаек не против планирования вообще, всякого планирования. Ему даже жаль отдавать это «хорошее слово» противникам. Он не против и того, чтобы государство принимало какие бы то ни было экономические меры, ограничивая свободную деятельность там, где необходимо,— для охраны среды, например. Об этом не стоило бы и упоминать, если бы до сих пор (и сейчас особенно) не шла спекуляция, возможно, полуосознанная, на понятиях «планирование» и «регулирование рынка». Как, вы против планирования?! Но ведь они тоже планируют, в любой фирме! Они тоже регулируют свой рынок, и очень эффективно, куда эффективнее нас,— налогами, кредитами — нам бы у них поучиться!

В рассуждениях таких оппонентов принципиальные различия между двумя системами — наличие или отсутствие частной собственности и конкуренции — смазываются, границы «плывут», и в мозгах конвергенция происходит куда быстрее, чем в действительности, где пока она, честно говоря, вообще не происходит. Спасибо, что хоть слово перестало быть запретным. Что не исключает,— скорее, даже предполагает — новые на нем спекуляции.

«Важно четко осознать, что современное движение сторонников планирования есть движение, направленное против конкуренции»,— предупреждал Ф. Гаек в 1944 году. И хотя он определенно имеет в виду что-то свое, я несколько по-иному начинаю вслушиваться в речи парламентариев — председателей колхозов, представителей министерств и ведомств, воинствующих гонителей кооперативного и фермерского движений и яростных сторонников госзаказа на сто процентов, то есть плана. Конкуренция, по Гаеку,— не только главный нерв эффективной экономики, мгновенно откликающейся на нужды потребителей. Каждый отдельный производитель, вышедший на рынок, преследует свои собственные (по определению, ограниченные) цели и интересы, но, сталкиваясь и переплетаясь, разные интересы и воли создают тот самонастраивающийся механизм рынка, который в результате движет народное хозяйство в нужном направлении, к спросу. Свободные цены тут — ориентиры, куда надо двигаться, свободный перелив капитала делает это движение возможным.

Но Гаек говорит и о другом — о демократичности конкуренции. Он доказывает, что напряженность конкурентной борьбы и неудобства непредсказуемых колебаний цен есть неотъемлемая плата за свободу, а потеря свободы и неэффективность экономики есть столь же неотъемлемая плата за безответственность всех в системе нашего типа.

Чудовищная ответственность, возлагаемая на себя центром, есть в конце концов тоже безответственность, потому что он в принципе не может выполнить взятых на себя обязательств. Разве что во время войны или другого всенародного бедствия, когда все цели отступают на второй план, а вперед выходит одна-единственная — выстоять. Попытки же переложить хоть часть непосильной ноши,— по крайней мере, хоть часть ответственности — на других, «посланцев народа», то есть попытки совместить централизованное планирование с демократией, ни к чему привести не могут. Ф. Гаек убежден, что централизованное планирование и демократия несовместимы. Его рассуждения на эту тему могли бы стать великолепным по точности комментарием к сессиям нашего парламента.

«Даже если единодушное волеизъявление народа состоит в том, чтобы парламент подготовил всеобъемлющий экономический план, это не означает, что сам народ или его представители сумеют прийти к единодушному мнению, что должен собой представлять любой конкретный план. Эта неспособность представительных органов выполнить как будто бы вполне ясный наказ избирателей неизбежно вызовет неудовлетворенность демократическими институтами. На парламенты уже начинают смотреть как на бесполезные «говорильни», не способные или не правомочные справиться с задачами, для решения которых они избраны...

Виноваты в этом не отдельные члены парламента и не парламентские учреждения как таковые, а внутренние противоречия, присущие порученной им задаче...

Парламент может контролировать выполнение задач там, где можно дать четкие указания, где с самого начала существует единодушие относительно цели и перепоручается лишь разработка деталей. Совершенно иное положение возникает, когда перепоручение вызвано отсутствием единодушия относительно целей, когда органу, которому поручено планирование, приходится выбирать между целями, о противоречивости которых парламент даже не осведомлен, и когда самое большее, что можно сделать,— это представить ему на рассмотрение план, который нужно или целиком принять, или целиком отвергнуть. План этот, возможно и даже почти наверняка, подвергнется критике, но поскольку нельзя будет найти большинства, согласного принять какой-то альтернативный план, а кроме того, вызывающие возражения элементы предлагаемого плана почти всегда можно представить как важнейшую и неотъемлемую часть целого, то эта критика не возымеет никакого действия. Обсуждение в парламенте, по всей видимости, сохранится в качестве полезного предохранительного клапана и даже в большей мере как удобный канал, по которому поступают официальные ответы на запросы и жалобы. Парламент, вероятно, даже сможет предотвратить кое-какие вопиющие злоупотребления и настоять на исправлении частных недостатков. Но он будет лишен возможности осуществлять руководство, и его роль сведется в лучшем случае к выбору лиц, облеченных практически неограниченной властью. Вся система будет тяготеть к плебисцитарной диктатуре, при которой глава правительства время от времени подкрепляет свою позицию всенародным голосованием, но располагает при этом полным набором средств, позволяющих направить голосование в нужное ему русло».

(Вам не кажется, что Гаек вместе с нами напряженно следил за парламентскими дебатами и написал это «по свежим следам»? Напомню: это написано почти полвека назад.)

Несовместимо централизованное планирование и с самой идеей правового государства (опять Гаек вступает в спор с нами нынешними, с нашими сегодняшними надеждами и усилиями, и именно сейчас полезно выслушать его доводы). В правовом государстве законы формальны и безличны, то есть предельно общи и безразличны к любым конкретным обстоятельствам конкретного человека, равны для всех — что-то вроде правил



В оформлении статьи использованы гравюры художника Ф. Гонсалеса

дорожного движения: вы можете ехать куда хотите, но только на зеленый свет. В системе централизованного планирования законы в совокупности с подзаконными актами не могут быть ни формальными, ни равными для всех — они по необходимости предписывают, куда вам ехать.

«Плановые органы не могут предоставить неизвестным людям возможности, которые можно использовать в каких угодно целях, и этим ограничиться. Они не могут заранее связать себя формаль-

ными правилами общего характера, помогающими избежать произвола. Они должны удовлетворять реальные нужды людей по мере их возникновения, а затем сознательно выбирать между этими нуждами... Когда правительству приходится решать, какое в стране должно быть поголовье свиней, сколько автобусов... какие шахты эксплуатировать или по какой цене продавать обувь, то все эти решения невозможно принять, исходя из формальных принципов, заранее или на длительный срок вперед. Они неизбежно зависят от обстоятельств, а при принятии такого рода решений всегда необходимо будет взаимно уравновешивать интересы всевозможных лиц и группировок. В конечном счете решение в пользу тех или иных интересов будет зависеть от чьих-то личных взглядов, которые таким образом станут составной частью законов страны. Подобная привилегия приведет к появлению нового различия в статусе, навязанного народу правительственным аппаратом насилия».

(Один из российских депутатов взывал у парламентского микрофона: «У нас на Кубани такой урожай! Такой урожай! А убирать нечем, горючего нет. Сколько же мы будем тратить время на процедурные вопросы, когда надо решать с горючим?!» Вот вам образчик идеологии централизованного планирования: ну, конечно же, и парламент, и правительство существуют для того, чтобы заправлять кубанские комбайны, зачем они еще нужны?)

Дальнейшая логика Гаека понятна. Если центр произвольно выбирает приоритеты, положенные в основу плана, и хочет, чтобы план этот был хотя бы приблизительно выполнен, ему надо убедить всех, что приоритеты выбраны единственно правильные. Организовать тот самый всенародный энтузиазм, который все же не всегда был полной фикцией и имел вполне практическое предназначение — покрывать ошибки начальства. То есть каждый из нас не только должен был (впрочем, почему в прошедшем времени?) ехать в предписанном направлении, но и обязан был считать, что всю жизнь только и мечтал туда ехать. Это касается отнюдь не только нашей производственной деятельности.

Гаек написал свою книгу в тревоге перед растущей популярностью идеи централизованного планирования в Англии в конце второй мировой войны. Я настаиваю на том, что книга не потеряла для нас актуальности, потому что меня тревожит живучесть этой идеологии в нашей стране. Достаточно послушать депутатов, а большинство из них — люди с высшим образованием, прекрасные специалисты в какой-то сфере. Чаще всего технической.

Гаек объясняет и это.

«Теперь пора задуматься о том, почему в первых рядах сторонников планирования оказалось столько технических специалистов. Объяснение этого феномена тесно связано с важным фактом: почти каждый из технических идеалов наших экспертов можно было бы осуществить в сравнительно короткий срок, если сделать его единственной задачей человечества... Всем нам трудно примириться с положением, когда остаются нереализованными цели, всеми признаваемые и возможными, и желательными. Чтобы осознать, что всех этих целей нельзя достичь одновременно, что каждую из них можно осуществить, только пожертвовав остальным, нужно принять во внимание факторы, которые выходят за пределы компетенции любого специалиста и могут быть осмыслены лишь ценой мучительных интеллектуальных усилий. Эти усилия становятся еще более мучительными потому, что они заставляют человека видеть цель своих трудов в более широком контексте и соизмерять ее с другими задачами, которые лежат вне сферы его непосредственных интересов и поэтому меньше его волнуют...»

Вы знаете, кстати, что у нас в Госплане сидят не экономисты, как, казалось бы, должно быть, а инженеры? Что наши партийные руководители если и кончали что-нибудь, кроме ВПШ, так чаще всего технические вузы? Кажется, на всей нашей культуре — не русской, а советской — лежит явственный налет техницизма...

Очень важный довод за, а не против публикации книги то, что она написана не про нас. Ф. Гаек написал ее под впечатлением экономической идеологии и практики фашистской Германии. Мы как-то не любим вспоминать, что немецкие фашисты (и итальянские) тоже строили социализм. При серьезных идеологических расхождениях у нас с ними много общего, в том числе идея централизованного планирования. Если Ф. Гаек прав и этот фактор системообразующий, тогда из него легко выводится и все остальное, нас с ними роднящее. И то, и другое можно бы назвать социализмом централизованного планирования.

Популярность идеи такого планирования в Англии тридцатых — сороковых годов можно понять. Германия, как и все страны Европы, как и Америка, в начале тридцатых была в глубоком структурном кризисе. Гитлер дал ей не только расизм, лишил ее не только демократии. Он лишил ее безработицы, он в короткое время дал сотням тысяч немцев еду, кров, уверенность в завтрашнем дне (если не арестуют, конечно). Это был один из вариантов выхода из кризиса.

Сегодня мы — перед лицом трех кризисов сразу: структурного, конъюнктурного и идеологического — так утверждает экономист Л. Пияшева. И несмотря на почти семидесятилетний опыт централизованного планирования, заведший нас сегодня в тупик, все равно соблазн вырваться из него привычными способами очень велик. Более того, возможно, на время кризиса нам действительно придется пойти не на ослабление, а на усиление централизации. Не берусь судить, правильно ли это, но некоторые специалисты утверждают, что неизбежно.

Во всяком случае, уже видно, что наш провозглашенный путь к рынку не отличается последовательностью. Жизнь вообще непоследовательна. Если уж такой завзятый «рыночник», как доктор экономических наук, мэр Москвы Г. Х. Попов, пошел на карточное распределение товаров среди москвичей — худший вид антирыночного администрирования,— значит, жизнь заставила. И если в стране просто нет лекарств, союзное правительство, тоже тяготеющее к рынку, не может ждать, когда их производство станет выгодным для химических предприятий. Пока вырабатывается новая система экономических отношений, оно просто вынуждено бить по этой будущей системе госзаказом — чтобы люди не умирали.

Г. Х. Попов понимает свои действия как отступление, вынужденность, временную меру. Далеко не уверена, что и остальные понимают это так же. По-моему, велико желание взять «лучшее» из двух противостоящих систем, перемешать, взболтать и получить идеальную смесь из свободы и гарантированных пайков, самостоятельности без собственности, собственности без риска.

Считаю, что книга Ф. Гаека должна стать доступной любому, кто задумывается обо всем этом. Чтобы каждый понял, что платить нам и впредь придется за все. И сознательно выбрал: бремя свободы или безответственность нищеты.

Среди откликов на книгу «Дорога к рабству» был и такой: «Кроме всего прочего, это вежливая книга, в которой противникам нигде не приписывается ничего, кроме интеллектуальных заблуждений». Я бы высоко оценила эту вежливость. До тех пор, пока мы будем искать корни происшедшего с нами в чьей-то злой воле, в чьем-то недомыслии, в чьем-то властолюбии, мы вряд ли сможем понять свойства системы как таковой. Системы, которая так устроена, что порождает и поощряет и злую волю, и недомыслие, и властолюбие. ●

ТЕСТ

Любите ли вы себя?

Вопреки общепринятому мнению положительный ответ на этот вопрос часто предрасполагает к успеху, счастью и хорошим контактам с другими людьми и отнюдь не является выражением эгоизма, как обычно считают.

Отвечая на вопросы нашего теста, можно попытаться разобраться в себе и в отношениях с окружающими.

1. Чувствуете ли вы себя хорошо таким, каков вы есть?

2. Считаете ли, что вас преследуют неудачи?

3. Сообразуетесь ли, совершая какой-нибудь поступок, с тем, что подумают или скажут о вас окружающие?

4. Имеете ли вы привычку вспоминать прежние разговоры и ситуации, чтобы понять, что предпринимали в подобных случаях другие люди?

5. Испытываете ли вы смущение, когда вас хвалят в вашем присутствии?

6. Можете ли вы длительное время находиться в одиночестве?

7. Чувствуете ли несомненную зависимость между материальным положением и душевным комфортом?

8. Часто ли испытываете опасения, что случится самое плохое?

9. Трудно ли вам проявлять свои чувства к другим?

10. Можете ли противостоять человеческой общности, в которой живете?

Подсчитайте баллы. За каждый ответ «да» на вопросы от 2 до 9 вы получите 5 баллов, за ответы «нет» на вопросы 1 и 10 — 5 баллов (соответственно за ответы «нет» и «да» — 0 баллов).

Если вы получили — 35—50 баллов...

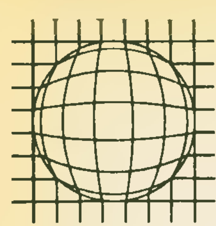
Вы себя любите — значит, любите и других, что в большой степени предопределяет ваши успехи и жизнерадостность. Благодаря этому получаете от окружающих положительные стимулы, и корабль вашей жизни плывет под вздутыми парусами. Чувствуете свою необходимость и считаете, что жизнь имеет смысл, во всяком случае способны придать ей необходимый индивидуальный смысл. Умеете оценивать достоинства других. Помогает вам и то, что вы считаете себя личностью с достоинствами и потенциальными возможностями.

Если вы получили 15—30 баллов...

Трудно сказать, любите ли вы себя. Наверняка вы редко думаете об этом. Вы не всегда используете все свои способности, обращая чрезмерное внимание на свои слабости, а также на слабости других. Это может вызывать у вас минутную неприязнь к самому себе, невозможность отвлечься от собственной личности, дарить другим внимание и любовь.

Если вы получили 0—10 баллов...

Вы определенно не любите себя. Ожидаете, что с вами случится плохое, и, признайтесь, эти ваши ожидания нередко сбываются. Бывают мгновения, когда вы ненавидите себя и в результате принимаете ошибочные решения. Пришло время меняться. Подумайте об этом.



Рука-тренажер

Профессиональное мастерство зависит отчасти от накопленного опыта. Но иногда его приобретение связано с довольно неприятными ощущениями, причиняемыми другим людям. Речь идет о процедурах, которым каждый из нас подвергался,— венозные вливания, взятие крови на анализ и другие. Чтобы облегчить обучение будущего медицинского персонала, английская фирма предлагает оригинальный тренажер в виде человеческой руки с кожей из специальной пластмассы и венами, наполненными синтетической кровью, сделанными из материала, выдерживающего многократные уколы. С помощью искусственной руки будущие врачи и медицинские сестры могут учиться легко находить вены у пациента, не причиняя боли.



Стеклянная защита

Обычные оконные стекла пропускают примерно 5—6 процентов ультрафиолетовых лучей, что нежелательно для экспонатов картинных галерей, выставок, некоторых видов производства. На предприятии «Склотас» в городе Теплице (Ч-СФР) начат выпуск новых оконных стекол, способных пропускать всего 0,7—2,3 процента ультрафиолетовых излучений.

Как искать динозавров

После команды «Стоп! Вот он!» вездеход-искатель останавливается, и все толпятся вокруг маленького прибора, на экране которого ясно очерчены контуры гигантского ящера. Разумеется, это лишь скелет динозавра, находящийся в земле. Находка не бог весть как сенсационна, но палеонтологи в восторге. Именно здесь, в пустыне на границе между США и Мексикой, впервые с успехом испытан новый метод поисков окаменелостей — радаром.

Миллионы лет в костях доисторических животных накапливались некоторые химические элементы. Излучатель, смонтированный на вездеходе, возбуждает в них электромагнитные колебания определенной частоты. Приемник улавливает эти волны, а компьютер рисует на дисплее скрытую в недрах картину. Первый трофей ученых — сорокаметровый скелет, отрытый из-под пятиметрового слоя кремнистого грунта. С помощью нового прибора можно «заглянуть» на глубину до девяноста метров.

Пневматический молот — против... инфаркта

Калифорнийские кардиологи испытывают необычный способ лечения инфаркта и других сердечно-сосудистых заболеваний. В сотрудничестве со специалистами в области электроники и микромеханики они разработали катетер, снабженный источником ультразвука. Его вибрации приводят в действие крохотный пневматический молот, расположенный в головной части катетера. Под действием вибраций, вызываемых таким «отбойным молотком», отложения на стенках склерозированных сосудов устраняются, и восстанавливается нормальный ток крови. Таким же образом удаляются и сгустки крови, закупоривающие сосуды. Американские исследователи считают, что их метод более прогрессивен, чем использование в этих же целях лазерных катетеров, микрофореза или источников тепла.

Что активизирует вирус СПИДа?

Английские ученые выяснили, что безобидный на первый взгляд цитомегаловирус, легко передающийся при ежедневных контактах, например при поцелуе, может вызвать развитие СПИДа у людей, зараженных вирусом этой болезни. Как заявил доктор Пол Гриффитс, это открытие, возможно, позволит разработать метод, задерживающий развитие СПИДа у вирусоносителей.

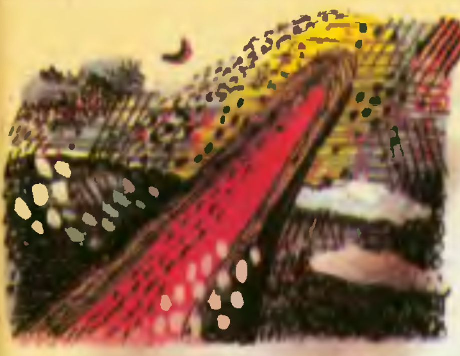
Ученые уже давно бьются над вопросом, почему вирус СПИДа остается в пассивном состоянии в течение многих лет, не вызывая никаких симптомов и не разрушая иммунную систему. Теперь оказалось, что цитомегаловирус делает вирус СПИДа гораздо агрессивнее. Вот почему доктор Гриффитс, получивший всемирное признание за метод экспресс-анализа на цитомегаловирус, пришел к следующему практическому выводу: если предотвратить заражение цитомегаловирусом, развитие СПИДа у большинства зараженных можно будет задержать.

Еще одна озонная дыра

После встревожившего всех истончения озонного слоя над Антарктидой и в меньшей степени над Арктикой ученые обнаружили новую озонную дыру — над Новой Зеландией и австралийским островом Макуори. Пока точный механизм образования ее неясен. Согласно одному из предположений, уменьшение озона в этой части стратосферы связано с передвижением тропических воздушных масс, бедных этим газом.

Новую озонную дыру обнаружили ученые из Новозеландского департамента научных и промышленных исследований и Австралийского метеорологического бюро.





НЛО? Нет, астероиды

В октябре 1988 года мимо Земли и Луны промчался астероид Веста — единственный из его небесных «собратьев», видимый невооруженным глазом. Он заметен на небе благодаря достаточной яркости, обусловленной высокой отражательной способностью его поверхности и близостью орбиты к Солнцу. Всего же с начала прошлого столетия астрономы обнаружили не менее 4000 астероидов. Они движутся по своим орбитам вокруг Солнца, большей частью между Марсом и Юпитером. В последние годы слежение за быстродвижущимися астероидами,— что указывает на их приближенность к Земле,— идет в нескольких обсерваториях мира.

А весной того же года астрономы, занимающиеся наблюдениями астероидов, были встревожены появлением небольшого слабосветящегося объекта, удаляющегося от Земли. Когда по результатам измерений вычислили орбиту этого загадочного объекта, оказалось, что «небесный незнакомец» прошел еще 22 марта всего в 430 тысячах миль от Земли. А это всего лишь вдвое превосходит расстояние от нашей планеты до Луны, чуть было не задетой им. Ведь по сравнению с десятками и сотнями миллионов километров между планетами это совсем-совсем близко. Еще чуть-чуть, и астероид оставил бы на Земле свою роковую отметину.

После Нового года

Что делать с уже высохшими и выброшенными на улицу новогодними елками? Ежегодно с этой проблемой сталкиваются власти почти всех американских городов.

В ряде штатов городские коммунальные службы перерабатывают выброшенные елки в мелкую стружку, которую используют для удобрения газонов. А в Техасе, на побережье Мексиканского залива, елки используют для создания дюн — разбрасывают их на пляжах и засыпают песком.

Не сделать ли нам так же?

Согласно новому государственному закону, американцы теперь имеют право знать, какие именно токсичные вещества используются в их районе и как местные власти планируют защищать население в случае аварии на каком-либо их производстве. По этому закону намечено создать около трех тысяч местных комитетов, которые должны будут представить Агентству по охране окружающей среды подробные планы реагирования на случай химической опасности. Кроме того, промышленные предприятия, имеющие дело с опасными веществами, обязаны составлять и хранить отчеты о каждом случае выделения токсичных веществ в окружающую среду. Жители регионов вправе проверить местный план предотвращения аварийных ситуаций и удостовериться, что он составлен действительно с учетом возможности химической опасности. С отчетов местных химических фирм должны быть сняты копии. Они будут использованы для того, чтобы открыто потребовать снижения выброса токсичных веществ.

И все четыре колеса рулю послушны

Японская автомобильная фирма «Хонда» представила общественности свою новинку — легковой автомобиль, у которого все четыре колеса слушаются руля. По заверениям фирмы, это значительно упрощает движение по узким и кривым улицам, очень облегчает «втискивание» между двумя другими автомобилями на стоянке и переход с одной полосы движения на другую при густом потоке машин на магистрали, гарантирует безопасность на горных дорогах. Система «Хонда 4 ВС» работает с помощью сравнительно простого устройства, соединяющего задние колеса с передними. При незначительном повороте руля передние и задние колеса поворачиваются на одинаковый угол, при крутом — углы поворота передних и задних колес слегка разнятся.

Шуба для здания

В Скандинавских странах заводы, производящие бумагу, строятся в районах, удаленных от населенных мест, в следовательно, на севере. Поскольку здесь много энергии расходуется для обогрева помещений, финские ученые придумали «шубу» для зданий: они покрываются «плащом» из легкого бетона, смешанного с полыми минеральными гранулами. Этот материал зарекомендовал себя как отличное теплоизоляционное средство.

Фобос обречен

Речь идет не о межпланетном аппарате «Фобос», а о самом спутнике Марса. В сентябре 1988 года произошло очередное сближение Земли и Марса, какого не было с 1971 года. Воспользовавшись этим, трое английских астрономов провели сверхточные измерения орбиты Фобоса. Завершенная недавно обработка полученных данных подтверждает существовавшее уже предположение о том, что Фобос постепенно приближается к Марсу.

Сопоставление всей огромной массы наблюдений — со времен открытия Фобоса в 1877 году — недвусмысленно свидетельствует: скорость вращения спутника вокруг Марса постоянно растет, а радиус орбиты уменьшается на 3,6 сантиметра в год. Так что через сорок миллионов лет Фобос налетит на Марс, и на поверхности планеты образуется гигантский кратер диаметром не менее 500 километров.



Рисунки Е. Деулиной и Е. Силиной

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА



НАУКА, ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО

Г. Львов

В красно-зеленых тонах

В прессе и на телевидении, в чинных залах и на ставших за последнее время шумными площадях уже несколько лет идет спор между сторонниками и противниками атомной энергетики. Впрочем, идет ли? Скорее стоит, а если быть совсем точным, движется по замкнутому кругу, не столько заколдованному, сколько порочному.

Каждая из сторон, словно не слыша другую, повторяет аргументы, которые ее противники уже отвели, и задает вопросы, на которые уже давался ответ. Например, так (цитаты идут в хронологическом порядке):

«Горы РАО (радиоактивных отходов.— *Г. Л.*) катастрофически быстро растут, а химической их обработки не происходит, поскольку соответствующие технологии не отработаны» (Б. Куркин, «Московский комсомолец», 10 ноября 1988 года); «Большинство развитых в ядерной области стран обладает технологией... обработки радиоактивных отходов» (Б. Семенов, «Литературная газета», 28 декабря 1988 года).

Или так:

«АЭС функционирует на уровне неприемлемого риска» (К. Муздыбаев, «Риск атомной энергетики», Ленинград, 1988 год); «Риск при получении одного киловатт-часа электроэнергии от ядерного источника во много раз меньше, чем при его получении от традиционных источников» (Х. Бликс, «Правда», 18 ноября 1988 года).

И даже так:

«Демонтаж АЭС — целая наука и целое производство, причем такая наука и такое производство, концепция которых еще не выработана ни за рубежом, ни у нас» (Б. Куркин, «Московский комсомолец», 10 ноября 1988 года); «Уже прекратило свое существование несколько демонстрационных и энергетических реакторов. В том числе один (в США) полностью демонтирован — там теперь стоянка для автомобилей...» (В. Асмолов, «Известия», 14 января 1989 года); «Площадки, на которых стояли станции, невозможно использовать ни под земледелие, ни под вторичное строительство» (Б. Куркин, «Комсомольская правда», 5 мая 1989 года).

Спорящие согласны лишь в том, что нужна максимальная открытость и информированность, но и здесь ситуацию они оценивают по-разному: «Все достоверные данные о радиационной обстановке по мере их выявления немедленно и в полном объеме используются для принятия необходимых решений в интересах здоровья людей... С полной ответственностью заявляю, что эти данные всегда, без всяких урезаний и изъятий, доводились и до жителей тех населенных пунктов, которых они касались» (М. Ковалев, «Правда», 11 февраля 1989 года); «...А положение даже через три года после взрыва в Чернобыле непростое. И с гласностью, и с безопасностью... Приказом Минздрава СССР в сентябре 1988 года создан Центральный межведомственный экспертный совет по установлению причинной связи заболеваний с участием в работах по ликвидации аварии. Похоже, что главная цель его — отрицать такую связь» (А. Иллеш, «Известия», 2 апреля 1989 года).

Почему же «красные» и «зеленые» (так для краткости обозначим участвующие в споре стороны, подчеркнув во избежание обид, что эти цветовые определения абсолютно условны) глухи к доводам друг друга? У такого феномена множество причин. Увы, иногда они не из самых почтенных. Так, некоторые из «красных», отстаивая интересы своей профессии, ведомства или даже свои личные, делают это крайне грубо, не боясь оказаться уличенными во лжи (скажем, возглавлявший правительственную комиссию чиновник заявляет в интервью журналу «Наука в СССР»: «Масштабные исследования, проведенные органами здравоохранения и медицинской наукой, и полученные данные показывают, что нет никаких оснований опасаться не только какого-либо ближайшего непосредственного воздействия радиации, но и отдаленных медико-биологических последствий»). С другой стороны, среди «зеленых» встречается достаточно безответственных людей, и не только журналистов, которые в погоне за эффектом не стесняются использовать в выступлениях поспешные суждения, непроверенную информацию, а то и прямую подтасовку фактов (например, в газете «Огни Алатау», в статье директора физического института члена-корреспондента АН Казахской ССР, можно прочесть такое удивительное утверждение: «Соприкосновение любых предметов с радиоактивными веществами делает их также радиоактивными»).

Но условимся не рассматривать такие крайние случаи, как безграмотность, ложь и личные интересы, хотя именно эти причины, к сожалению, во многом определяют конфронтацию «красных» и «зеленых». Задумаемся, почему не понимают друг друга разумные, неэкстремистски настроенные противники атомной энергетики и честные специалисты (оспаривать, что те и другие составляют большинство в обоих лагерях, могут только люди, входящие в меньшинство).

Для начала попытаемся последовательно изложить позиции сторон. В сжатом и, увы, неизбежно упрощенном виде они выглядят так:

«Красные»

1. Достижение экономических целей перестройки невозможно без роста производства энергии вообще и электроэнергии в особенности. Техническое перевооружение отраслей, освоение прогрессивных материалов и технологий, улучшение нашего быта и массовое строительство жилья потребуют дополнительной энергии (даже с учетом энергосбережения).

«Зеленые»

1. Затратный механизм экономики в нашей стране обусловливает чрезмерное потребление энергии. Развитые страны, к примеру США, расширяют производство, не увеличивая расхода энергии, а современные энергосберегающие технологии в некоторых случаях даже позволяют в целом по стране резко сократить его.

Иллюстрация С. Деулина, фото В. Бреля

2. Электроэнергия, вырабатываемая на АЭС,— одна из самых дешевых, даже если учесть дополнительные расходы на повышение безопасности атомных блоков. Если же принять во внимание автономность АЭС, дешевизну перевозки топлива и особую географическую ситуацию в нашей стране (истощение близких месторождений традиционных видов топлива и огромные расстояния до новых), у атомной энергетики и вовсе не будет конкурентов.

3. Из всех источников энергии наименьшее вредное влияние на окружающую среду оказывают атомные электростанции. Нетрадиционные возобновляемые источники в ближайшие десятки лет будут обладать слишком малыми возможностями, чтобы о них стоило говорить всерьез (исключение составляет, быть может, только солнечная энергетика, но она пока все же остается слишком дорогой). Традиционная же тепловая энергетика, помимо выбросов сажи, пыли, вредных окислов серы и азота, несет опасность «парникового эффекта».

4. Атомную энергетику поразил «синдром Чернобыля». Однако в действительности ситуация не так уж плоха (3 серьезных аварии на 10 000 реакторо-лет эксплуатации). Если посчитать, каким образом можно спасти больше людей — вкладывая деньги в повышение безопасности АЭС или, например, дорожного движения, то предпочтительным окажется второй путь. Тем не менее, как показывает вероятностный анализ безопасности, можно в ближайшие же годы снизить риск крупных аварий до 10^{-7} на реакторо-год (эта цифра принята из расчета, что при десятикратном росте атомной энергетики за ближайшие 50 лет во всем мире не случится ни одного нового Чернобыля).

5. Неспециалисты очень часто говорят о проблеме переработки и захоронения радиоактивных отходов, а также демонтажа станций, выработавших ресурс. Однако специалистам известно, что никаких непреодолимых преград для решения этих проблем нет: связанные с ними физические процессы изучены очень хорошо, и вопрос лишь в выборе достаточно дешевых технологий. Если же учесть, что радиоактивных отходов образуется мало, все они концентрируются и хранятся под непрерывным контролем, тогда как другие отрасли выбрасывают в атмосферу, выливают в реки, сваливают в терриконы огромные горы отходов, то окажется, что атомная энергетика — одна из технологий, наиболее близких к безотходным.

6. В атомную науку вложены огромные силы и средства, создана сеть исследовательских центров с высоким потенциалом, накоплен бесценный опыт. Технологии, связанные с атомной энергетикой, уже применяются во многих областях — научных исследованиях, медицине, контроле за качеством промышленных изделий, на флоте, в космосе. Они могут и должны применяться еще шире. Было бы преступно, поддавшись пусть благородным, но невзвешенным эмоциям, растерять все это. Наоборот, нужно активно развивать атомную науку, одновременно усиливая конверсию в этой области.

7. Атомная энергетика предъявляет очень строгие требования к культуре производства, а контроль за уровнем этой культуры в ней хотя и не абсолютный, но все же выше, чем в любой другой отрасли. Именно здесь удалось сконцентрировать кадры техников и рабочих, отличающихся высокой квалификацией и дисциплиной. Поэтому развитие и расширение атомной энергетики приведет со временем к подъему производственной культуры всего нашего общества. Хотя бы только поэтому атомную энергетику не следует сворачивать.

2. В стоимость электроэнергии АЭС не включаются огромные расходы на научные исследования, а также затраты на другие стадии ядерного топливного цикла — добычу и обогащение урана, изготовление топливных сборок, переработку и захоронение отходов, демонтаж станций. С учетом всех этих затрат атомная энергетика становится несравненно более дорогой, чем любой другой вид производства электроэнергии.

3. Атомная энергетика оказывает сравнительно малое воздействие на природу только при идеальной работе АЭС и только на стадии производства электроэнергии. Если же вспомнить о всех стадиях ядерного топливного цикла (особенно о добыче урана и захоронении отходов) и об авариях, то нужно ли будет доказывать ее вред? Стоит только огромные средства, которые сейчас уходят на обращение с радиоактивными веществами, направить в тепловую энергетику — и удастся уловить все вредные выбросы. Впрочем, использование любых невозобновляемых источников энергии грозит планете тепловым кризисом, и потому надо вкладывать средства в возобновляемые. Тогда они быстро станут и мощными, и дешевыми.

4. Аварии на АЭС происходят постоянно (за 30 лет их случилось несколько сотен), и любая может стать новым Чернобылем. Расчеты вероятностного анализа безопасности высосаны из пальца, им ни в коем случае нельзя верить. Невозможно рассчитать халтуру, разгильдяйство, безответственность. Сравнения же числа жертв ядерного топливного цикла с числом жертв угольного цикла или дорожного движения если и достоверны (а скорее всего нет), то просто аморальны. Жизнь каждого человека бесценна, и принимать решения, взвешивая будущие смерти, а следовательно, заранее планируя их, преступно — это типичное проявление холодного и бесчеловечного технократического мышления атомщиков.

5. Проблема радиоактивных отходов пока в принципе не решена и вряд ли будет решена в будущем. Отходы остаются опасными миллионы лет, и никто не даст гарантии, что через миллионы лет сегодняшние хранилища будут невредимы, а геологические пласты, в которые производится захоронение, неизменны. АЭС постоянно увеличивают суммарную радиоактивность Земли, а так как радиоактивность неуничтожима и все, что соприкасается с радиоактивностью, становится тоже радиоактивным, горы радиоактивного мусора растут в геометрической прогрессии. Да, сегодня радиоактивные отходы контролируются, но никто не может сказать, что будет с этими противоестественными веществами через миллионы лет, поэтому у нас нет морального права оставлять их потомкам.

6. Чернобыль показал, что гордые слова о приоритете советской атомной науки — ширма, за которой прятались безответственность и волюнтаризм в принятии решений экономических, монополизм — в принятии научных. В довершение всего здесь расцвели секретность, противоречащая гласности и демократии, ведомственные интересы, борьба за миллиардные субсидии. Атомная энергетика и промышленность со сложившейся в них структурой управления (отсутствием гласной ответственности за принятые решения) становятся сегодня недопустимыми или даже опасными как социальный феномен.

7. Даже если допустить, что в принципе научные проблемы атомной энергетики разрешимы и она может быть рентабельной, нельзя не учитывать вопиюще низкий уровень производственной культуры наших конструкторов, монтажников, операторов. Если Бельгия или Франция могут позволить себе строить АЭС в густонаселенных районах, то мы вообще пока недозрели до атомной энергетики. И пока уровень производственной культуры и гражданской ответственности наших людей кардинально не изменится, строить новые втомные станции — безумие.

Как видим, позиции сторон расходятся абсолютно во всем. Можно ли без раздумий, с ходу предпочесть одну из них? Любой непредвзятый читатель ответит: «Нет». Похоже, ни одну из позиций нельзя принять целиком и в неизменном виде, но это означает, что спор может идти до бесконечности, поскольку взгляды сторон в нем не сближаются.

Что же мешает найти такую точку зрения, такую оценку аргументов, с которой согласились бы и «красные», и «зеленые»? Да именно то, что и обусловливает само существование этих двух лагерей,— совершенно разная психология их представителей. Поэтому, чтобы выбрать платформу для плодотворных переговоров, придется набросать хотя бы весьма условные и приблизительные психологические портреты типичных представителей противоборствующих сторон.

«Красные»

При знакомстве с типичным представителем «красных» (разумеется, не начальствующим чиновником, а крупным специалистом) вы с первых же мгновений испытываете к нему симпатию и уважение — это спокойный, серьезный, уверенный, интеллигентный человек. Он готов внимательно выслушать любые ваши вопросы и обстоятельно, с цифрами и фактами, дать все нужные объяснения, причем в достоверности каждой цифры можно не сомневаться. Вы сразу почувствуете в нем истинного профессионала, привыкшего отвечать за свои слова, и разделите его возмущение любыми формами самонадеянной некомпетентности. Но по мере того, как при общении с «красными» вместо предвзятых «лоббистов атомной мафии» вы будете встречать лишь новых и новых грамотных и порядочных специалистов, все неотступней будет преследовать вас простой вопрос: почему

же стала возможна чернобыльская трагедия — общепризнанный символ непрофессионализма и безответственности?

«Красные» абсолютно правы в том, что развитие атомной энергетики не сдерживается никакими принципиально непреодолимыми трудностями технического или физического характера, о которых так любят рассуждать «зеленые». Особые свойства радиации отличают ее от других явлений лишь настолько, чтобы вызывать особое психологическое отношение к ней, но не более того (об этом мы еще поговорим).

Ядерная физика, радиохимия, материаловедение и другие науки сегодня достаточно развиты, чтобы предложить надежные и не вызывающие сомнений принципы добычи и обогащения урановой руды, конструирования безопасных реакторов, переработки топлива и захоронения отходов. Но едва речь заходит о конкретной реализации этих принципов, мы из области чистой науки,— где понятия и задачи однозначно определены и четко решаемы,— переходим в область сложнейшего современного производства,— где немедленно сталкиваемся с клубком взаимозависящих и зачастую неопределенных экономических, технических, организационных и даже психологических проблем. Насколько применимы аксиомы чистой науки к нашей далекой от научных идеалов действительности, всегда ли теоретическое «должно быть» мы превращаем в практическое «есть»? Похоже, над этими вопросами многие из специалистов-«красных» стараются не задумываться.

Нередко приходится слышать, что такая узость взгляда — следствие технократического мышления. Другое частое объяснение — это результат развития ядерной науки и промышленности в условиях закрытости и милитаризации, характерных для времен сталинизма и застоя; дескать, отсутствие гласности и материальные привилегии привлекали в эту область лишь бездарных карьеристов и приспособленцев.

Истинные причины, по-видимому, все же сложней и глубже. Не вполне ясно, обозначают ли в данном случае слова «технократическое мышление» какой-то особый вид ограниченности или это просто эффектный ярлык. Если подразумевается профессиональный подход «красных» к сложным проблемам, то очевидно, что ничем, кроме конкретности, точности и ответственности за порученную, пусть даже узкую, область, он не грозит. Что касается влияния сталинизма и застоя, то его действительно можно обнаружить, хоть и не на поверхности.

В годы сталинской автократии, да и в условиях пресловутой административно-командной системы, ученые и специалисты, даже весьма приближенные к ответственным лицам, почти не имели возможности целенаправленно влиять на принимаемые решения — их советы выслушивали, но поступить могли как в полном соответствии с ними, так и прямо противоположно. Такая отстраненность фактически снимала с ученых-экспертов ответственность за происходящее, и единственное, в чем они могли искать моральную опору,— профессиональное и добросовестное выполнение своей части работы. При этом они предпочитали не интересоваться, насколько грамотно она дальше будет использована, либо — чаще — предполагать, что и остальные в цепочке выполняют свои обязанности столь же добросовестно. Такое предположение в сочетании с привычкой физиков и инженеров к точным и однозначным расчетам заставляло «красных» относиться к сложным решениям (к примеру, о целесообразности расширения сети АЭС или об их размещении) как к столь же точным и однозначным, а не как к экспертным оценкам, зависящим от ситуации и личности оценивающего (чем они в действительности являются).

Сегодня ситуация меняется. Нет, еще нельзя сказать, что решения принимаются исключительно научные и обоснованные, но наряду с мнением высокопоставленных лиц важную роль начинает играть мнение общественности. И здесь, во многом в результате Чернобыля, «красных» ожидал неприятный сюрприз: общественность, вместо того чтобы стать их союзником в борьбе с волюнтаризмом руководства самого разного уровня, оказалась их противником, возложив на них часть ответственности за происшедшее и зачислив их в тот же лагерь «атомной мафии».

Многие из «красных» оказались не готовы в нужной мере пересмотреть свои позиции, считая, что их задача — разными способами убедить «зеленых» в своей правоте, а не что-то вместе с ними понять. Пока ученые не признают, что в позиции «зеленых» находит выражение некая особая истина — пусть и не облеченная в строгую форму расчетов, но важная,— они не добьются внимания и к своим справедливым аргументам.

«Зеленые»

Почти каждый представитель «зеленых» начинает свою аргументацию с оговорки: «Я, конечно, не специалист, но...» Однако в этом признании обычно вовсе не заметно смущения — напротив, отсутствие специальной подготовки в области, о которой он будет рассуждать, говорящий считает чуть ли не преимуществом, залогом правоты. Отказ «зеленых» от систематического изучения предмета, как правило, носит принципиальный характер — они словно боятся, что, изучив его так же досконально, как «красные», приобретут и идеологию «красных».

Такая позиция весьма удобна — можно делать ошибки и не отвечать за них. В споре «красных» и «зеленых» у последних есть фора: чем больше неточностей в аргументах специалиста (а «зеленые» не преминут обнаружить и показать их), тем меньше к нему доверия, но в то же время ошибки «зеленого» не слишком вредят ему в общественном мнении: «Конечно, он не знает деталей, но искренне беспокоится об общем благе». Кроме того, можно задавать множество самых разных вопросов, смешивая важное и второстепенное, а значит — постоянно наступать, вынуждая противника постоянно защищаться. Да и свидетелям дискуссии это нравится больше — они любят эффективные, хлесткие выпады и не выносят скучных, подробных разъяснений, подозревая в каждой фразе типа «если, то» или «да, но» попытку скрыть истину и уйти от ответа. По-видимому, именно этим, а не предубежденностью средств массовой информации объясняется, что газетные полосы и время телеэфира гораздо чаще предоставляются сегодня противникам атомной энергетики, чем ее сторонникам.

Другая характерная черта «зеленых», за которую их часто критикуют,— неконструктивность предложений. В тех редких случаях, когда они говорят не «нет», а «да», их слова становятся крайне общими и расплывчатыми (экономить энергию, использовать нетрадиционные источники — солнце, ветер, биогаз). Как нетрудно выяснить в дальнейшем разговоре, немногие из них представляют реальные возможности таких технологий, еще реже они способны оценить экономическую сторону подобных предложений, а уж численные расчеты для ситуаций в конкретном регионе не делает практически никто. Это и неудивительно: позитивные предложения для большинства «зеленых» — не самоцель, а только контраргументы в споре, да и то вынужденные.

Конечно, «зеленых» нетрудно обвинить в безответственности. Но вспомним: только что безответственностью же, пусть вынужденной, мы объясняли узость взглядов атомщиков. Если противоречие здесь и есть, то кажущееся — конкретные решения, даже очень важные, от ученых могут не зависеть, но общую линию во многом определяют они, без успехов ядерной физики не было бы и речи об атомной энергетике. Поэтому, хотя особые разновидности безответственности можно обнаружить и в том, и в другом лагере, «красные» обычно тверже стоят на реальной почве.

Наконец, еще одна черта «зеленых», особенно усилившаяся в последнее время,— борьба с развитием атомной энергетики в том или ином конкретном месте. Для ее обозначения в английском языке даже появилась специальная аббревиатура — NIMB (not in my backyard), что можно перевести как «стройте, но только не здесь». Эту позицию можно оценивать по-разному: одни видят в ней реальную защиту интересов населения данного региона, другие — проявление группового эгоизма. Однако нельзя не заметить, что если даже в некоторых случаях она оправданна, то в принципе выглядит не слишком благородно — полное и абсолютное неприятие атомной энергетики, по крайней мере, честнее. Да и все равно в конце концов эта позиция приводит к нему же. В каждом месте найдутся свои, особые основания для возражений, и, напротив, наверняка нигде не окажется идеальных условий для АЭС — устойчивой чистой природы, малонаселенной местности и одновременно острой потребности в электроэнергии. Где же тогда вообще их строить?

Безусловно, во многих случаях отказ от строительства АЭС совершенно оправдан, поскольку площадки для них выбраны крайне неудачно. Безусловно, решение о размещении станции должны сначала принимать местные власти, а уж затем Центр. Безусловно, каждый проект АЭС должен проходить тщательную и независимую экспертизу. Однако общественность не должна поддаваться влиянию столь модного сейчас «регионального мифа»: «Мы живем плохо потому, что кормим других; если бы все, что производится в нашем городе (области, крае,) потреблялось здесь же, мы бы жили лучше шведов». Стоит откровенно сформулировать этот тезис — и его нелепость становится явной. Можно ли утверждать, что Эстония, в которой нет атомных станций, обирает Литву, имеющую Игналинскую АЭС с самыми мощными в стране реакторами, или что Днепропетровская область с развитой металлургией эксплуатирует Запорожскую, где рядом с Днепрогэсом разместились пять атомных блоков? Соблюдение энергетического баланса внутри области или края и отказ от продажи электроэнергии за их пределы (принципы, на которых иногда настаивают «зеленые», возражая против строительства новых станций) — типичное порождение «регионального мифа».

И все же, повторим, в позиции «зеленых» есть своя правда. Ведь они выражают настроение очень многих людей, которое не требует никаких обоснований — оно само по себе есть важнейший факт социальной жизни.

Это утверждение ни в коем случае нельзя расценивать как призыв снизойти к «неразумию» масс и не раздражать их непопулярными мерами. Конечно, история уже показала, что никого нельзя осчастливить насильно, и даже если бы строительство АЭС бесспорно гарантировало атомный рай, по такой дороге мы бы в него не пришли. Но в действительности ситуация еще сложнее: атомный рай не так уж бесспорен, и неутихающие споры о Чернобыле доказывают это. «Красные» постоянно проигрывают их, потому что продолжают безуспешные попытки говорить о науке отдельно от социально-экономической системы, в которой ее достижения реализуются. В данном случае позиция «зеленых» прозорливей — в ней выражаются не только субъективные желания народа, но и объективная правота, основанная на интуитивном учете всех привходящих (зачастую совершенно ненаучных) обстоятельств.

В сущности протесты «зеленых» против монополии атомных ведомств на принятие решений — проявление желания рядовых людей взять все, что касается их жизни, в свои собственные, пусть и не достаточно опытные руки. Это желание имеет очень высокую ценность не только в политическом, но и в практическом отношении — опыт западных стран убеждает, что только общественный контроль, заставляющий учитывать несформулированные и порой даже неосознанные потребности людей, обеспечивает эффективное и безопасное развитие такой по необходимости централизованной отрасли, как атомная энергетика. Рано или поздно это желание придется удовлетворить, и чем позднее, тем больше будут потери. Как бы ни раздражали отдельные ошибки и некорректности «зеленых», нужно понять, что это неизбежная плата за демократизацию нашей сложной жизни.

Разумеется, экстремизм и другие издержки «зеленого» движения отчасти объясняются недостатком демократических структур в стране и малым политическим опытом народа. В наше бурное и смутное время, когда заметно возросла неуверенность в завтрашнем дне и одновременно появилась возможность безбоязненно выражать собственное мнение, у многих усилилась потребность участвовать в политической борьбе. Но грамотная политическая деятельность — это поиск оптимального пути в крайне сложной обстановке, тогда как многолетняя история приучила нас только к простым решениям. Мы привыкли к героической борьбе за уничтожение одного вполне определенного врага. И в качестве такого врага как нельзя кстати пришлись радиация, АЭС, атомные ведомства.

Но почему объектом для столь массированной атаки стала именно атомная энергетика, а не, скажем, химические заводы или внешняя политика? Ответ на этот вопрос достаточно интересен, чтобы рассмотреть его подробнее. ●

Окончание в следующем номере

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Захоронили... А дальше что?

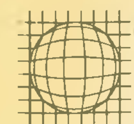
Вопрос о захоронении радиоактивных отходов возник в США еще во время разработки и создания атомной бомбы. Тогда же было решено: все отходы, химикаты и даже одежду и обувь сотрудников специальных лабораторий смешивать с бетонной массой, загружать в контейнеры и топить в океане. Но на практике довольно скоро тысячи контейнеров стали затапливать в неглубоких местах Массачусетского залива в непосредственной близости от Бостона. И сегодня в сети сейнеров нет-нет да и попадет нежелательный улов — разрушающийся контейнер.

Еще в 1959 году Национальная академия наук США признала, что такое захоронение в контейнерах ненадежно, ибо просачивающаяся в них с годами морская вода выносит зараженные отходы в океан. А ведь такие химические элементы, содержащиеся в них, как цезий, плутоний, америций, будут представлять опасность еще многие сотни и даже тысячи лет.

В 1970 году в США был введен мораторий на выброс контейнеров с отходами химической промышленности в воды океанов. Но... к этому времени в Атлантическом и Тихом океанах их накопилось уже около девяноста тысяч. Конечно, глубоководные рыбы рано или поздно оказываются в зоне радиоактивного заражения и в итоге обязательно включаются в пищевую цепочку «зараженная рыба — человек».

Выпадая из контейнеров, цезий, плутоний и другие изотопы с большим периодом полураспада создают опасную радиоактивную зону. Ученые вычислили, что к 1990 году на дне океана должно находиться примерно 24 тысячи тонн опасных отходов. Особую тревогу у американцев вызывает тот факт, что данных о местах захоронения радиоактивных веществ и об их составе явно недостаточно. Захороненные многие годы назад на дне океана радиоактивные отходы вызывают в наши дни обоснованную тревогу.

ВО ВСЕМ МИРЕ



Как вращается Солнце?

Солнце — не твердое тело, а сгусток плазмы. Поэтому говорить о его «поверхности» можно только условно. Известно, что разные внешние участки этого сгустка вращаются с различной скоростью: те, что лежат около солнечного экватора, совершают один полный оборот значительно быстрее, чем находящиеся у полюсов. Однако до сих пор никто как следует не измерял скорость вращения солнечной материи, составляющей не поверхность светила, а его недра.

Недавно такие исследования провел американский астрофизик Кеннет Либбрехт из Калифорнийского технологического института. Он первым и установил, что скорость вращения нашей ближайшей звезды вокруг ее оси изменяется как с широтой «местности», так и с подповерхностной глубиной точки. Внутренние две трети массы светила, вращаясь довольно однородно, совершают полный оборот примерно за двадцать семь суток. А у внешней его трети (это приблизительно 210 тысяч километров от поверхности) на это уходит, а зависимости от приближенности к полюсам, от двадцати пяти до тридцати шести дней.

Заглянуть в солнечное нутро помог анализ так называемых «акустических мод», звуковых волн, пронизывающих все тело светила. Дело в том, что по непонятным еще причинам Солнце все время содрогается и, подобно колоколу, возбуждает волны, сходные с акустическими. Такие волны вызывают на его поверхности выступы и впадины, что позволяет судить о многом, что творится в недрах. Сравнение того, как распространяются там звуковые волны, бегущие с запада на восток, то есть в том же направлении, куда вращается дневное светило, с волнами, двигающимися ему навстречу, дает возможность установить скорости вращения различных глубинных областей этого раскаленного плазменного шара.

Итак, Солнце вращается весьма неравномерно. И это не просто любопытный факт. Солнце интересно для ученых как ближайшая к нам звезда, единственная, данная нам для непосредственных наблюдений. Более того, науке еще предстоит доподлинно выяснить, как именно происходящие там процессы оказывают воздействие на физическое состояние Земли и всех ее обитателей.

«Десятилетие мозга»

Согласно решению Конгресса США девяностые годы нашего века объявлены «десятилетием мозга». Комиссия по научно-технической политике считает, что наиболее актуальная проблема нашего времени — изучение анатомических, биохимических и медицинских аспектов мозга и его деятельности. Исследования в этой области будут контролироваться научным советом Национального института неврологических заболеваний.

Что же это?

Красивая скульптура, изображающая молитвенно сложенные руки? На первый взгляд кажется так. На самом деле этот снимок сделан с помощью электронного микроскопа и демонстрирует лопнувшую почку дерева, из которой показались молодые нежные листочки. Объект увеличен в 120 раз.



Автор микрофотографии — Майкл Вишневски, специалист по физиологии растений из исследовательского отдела Министерства сельского хозяйства США. За этот снимок он получил специальную награду Международного конкурса моментальной микрофотографии, организованного фирмой «Полароид».



Рисунок Е. Силиной

Мидии в роли фильтров

Голландские специалисты используют в экологических целях пресноводных мидий, которые питаются загрязняющими воду веществами. Сети, «обросшие» мидиями, устанавливают перед стенами водохранилищ и шлюзами, чтобы они играли роль своеобразных фильтров для очистки воды от токсичных веществ и тяжелых металлов. По мере «обогащения» раковин вредными веществами сети будут периодически заменять новыми.

Больше загрязнение — активнее вредители

Давно замечено, что многие виды растений при загрязнении атмосферы чаще поживаются насекомыми. Однако поведение вредителей до сих пор представляло собой загадку. Объяснить ее удалось в последнее время американскому энтомологу Патрику Хьюзу. «После проникновения в организм вредных веществ растения начинают производить особое вещество — глютатион, которое защищает ткани растений, но в то же время делает их более привлекательными для вредителей»,— поясняет Хьюз.

Механизм этих изменений достаточно прост: глютатион нейтрализует некоторые вещества, с трудом усваиваемые насекомыми. При этом вредители поедают больше листвы, быстрее растут и размножаются. Хьюз установил также, что глютатион способствует выработке у насекомых устойчивости к пестицидам.

Есть ли логика в отечественной истории

Среди проблем русской истории, оказавшихся в центре общественного внимания, одна из ключевых — логика нашей, отечественной истории, соотношение случайного и закономерного, проблема единства исторического процесса. Обостренный интерес к этим проблемам имеет свои причины. Стремясь осознать природу и истоки драматической истории нашей страны в XX веке, публицисты, философы, историки задаются этими вопросами. Для разговора на эту тему редакция пригласила философов, историков, культурологов. В нем приняли участие: писатель, историк Роман ПОДОЛЬНЫЙ, философ Григорий ПОМЕРАНЦ, историк Владимир КОБРИН, этнограф Сергей АРУТЮНОВ, историк, писатель Натан ЭЙДЕЛЬМАН, культуролог Игорь ЯКОВЕНКО. «Круглый стол», который мы предлагаем вашему вниманию, состоялся осенью 1989 года. Позже участники дискуссии возвращались к итогам этой встречи, уточняя и разворачивая свои позиции. Однако это удалось не всем... Ведущий встречу сотрудник редакции Роман Подольный и Натан Эйдельман не дожили до сегодняшнего дня. Мы посвящаем эту публикацию их памяти.

К. Н. Горский. «Император Петр I несет на руках малолетнего Людовика XV».

Автор неизвестен. «Лжедмитрий у польских иезуитов».

К. Маковский «Боярская свадьба».

В. В. Беляев «Отдых».

Утопия — не чисто русский соблазн, но и всеобщий...

Р. ПОДОЛЬНЫЙ: — Итак, есть ли в истории России — от Рюрика до Горбачева — единая логика? И если есть, в чем она заключается? Или можно вычленить несколько таких логик отдельно для каждого из крупных этапов, на которые традиционно делится исторический путь русского народа,— Киевской Руси, московской, допетровской, петербургской и, наконец, Советской России? Можно ли говорить о том, что переход от одного периода к другому сопровождается принципиальным, фундаментальным преобразованием народного бытия и сознания? Или в России мы встречаемся с проявлением общих закономерностей развития, одинаковых для Англии, Сибири, Новой Гвинеи?

Г. ПОМЕРАНЦ: — Каждый вектор истории обладает своей логикой. Но векторы, тенденции сталкиваются, и все время происходит то, что юристы называют «конфликтом законов»: один закон разрешает, требует, а другой запрещает. И поэтому свободная воля личности или просто случай как бы поворачивает стрелку, и весь состав истории попадает на фактически осуществившуюся линию (одну из нескольких возможных, иногда вовсе не самую вероятную). Если мерить историю тысячелетиями, поворотные минуты теряют значение. Все дороги ведут в Рим. Но с птичьего полета сглаживается и все индивидуальное, духовное, придающее истории ценность и смысл. Пушкина могло бы не быть, России могло бы не быть... Остаются безликие накопляющиеся сдвиги — дифференциация культуры, социальная дифференциация, рационализация отношений с природой, рост производительных сил, рост населения.

С конца XVIII века все это вместе называют прогрессом. Сейчас радость просветителей кажется несколько наивной. Производительные силы суть одновременно разрушительные силы, дифференциация культуры делает ее неустойчивой, взрывоопасной. Духовные глубины перестают быть достоянием каждого (как у примитивного племени, в котором каждый, во время обряда совершеннолетия, постигает всю мудрость). Цивилизация требует от человека повышенной ответственности за судьбу всего общества, всего человечества, а он этого не понимает и, как чеховский злоумышленник, отвинчивает гайки с рельсов. Можно говорить о прогрессе нравственных задач и о росте разрыва между задачами и реальным поведением. Индейцы были потрясены несоответствием между заповедями христианства, которые им проповедовали, и поведением испанских конкистадоров.

Можно рассматривать историю как накопление потерь. Применительно к культуре эту точку зрения развил Мандельштам. Поэтому прямая линия между Эсхилом и Шекспиром, между Архимедом и Галилеем может быть проведена только на графике. Реальное движение истории ближе к зигзагу.

Развитие расшатывает единство общества и тождество человека с самим собой. Деревенский житель, попавший в космополитический город, теряет духовные и нравственные ориентиры. Выходом из подобного кризиса около двух тысяч лет назад было становление мировых религий, воссоединивших человека с собственной глубиной и разноплеменных людей друг с другом. Переменились мифы. Прометей, Одиссей, Геракл уступили место Богоматери и святым. Данте отправил Одиссея в ад. А в рай вела Беатриче... Это умонастроение тянулось примерно полторы тысячи лет. Потом колесо истории снова повернулось. Произошло возрождение античности, ее интереса к внешнему, к географическим и научным открытиям, и несколько веков процессы дифференциации, рационализации, роста шли в ускоренном темпе. Пока не уперлись в духовный и экологический кризис.

Такое развитие можно назвать маятниковым, волновым, зигзагообразным, спиральным — подходит любая метафора. Но оно не сразу далось человечеству. Большинство цивилизаций прошлого, оказавшись в кризисе, не находило из него выхода и гибло. Образ их движения — круг. Как сказал восточный мудрец из рассказа Анатоля Франса, «они рождались, страдали и умирали». Только четыре коалиции культур, опираясь на мировые религии, доказали свою способность переносить кризисы. Это западный христианский мир, мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока. В этих цивилизациях покамест центростремительные, объединяющие и сохраняющие силы оказались сильнее, чем логика, ведущая к развалу,



Итальянская икона XV века.

И. Н. Федоров «Последний день Наполеона в Москве».

А. П. Рябушкин. «Сидение царя Михаила Федоровича в его государевой комнате».

М. Л. Боткин. «Голова монахини».

А. А. Карелин. «Царев приказ».

В оформлении статьи использованы репродукции работ русских и зарубежных исторических живописцев XIX века.

к апокалипсису. Но опасность развала очень велика, особенно в самой динамичной, западной цивилизации, ставшей сегодня мировой. Нет никаких гарантий, что пророчество Иоанна Богослова не осуществится (не в I веке, так в XXI).

Очень многое зависит от нашего иммунитета к лжепророкам. В кризисной ситуации всегда появляются люди, чувствующие себя призванными свыше вывести народ (или все человечество) из тупика. Они «знают, как надо» (А. Галич) и увлекают своей уверенностью в себе. Явление это описано М. Вебером и Л. Н. Гумилевым. Вебер создал теорию «харизматического руководства» («харизма» — благословение каких-то непостижимых сил, не обязательно светлых). Харизматиками он считал Кромвеля и Наполеона. Однако больше всего харизматических вождей оказалось в наш век. Очень редко они действительно выводили (как Ганди), по большей части скорее заводили. И вели из кризиса к катастрофе.

Дело не меняется, если описать процесс в терминах Л. Н. Гумилева. Любимое его слово «этнос» я не склонен здесь принимать всерьез. То, о чем говорит Гумилев, скорее общественная группа или движение, созданное страстно увлеченными (и увлекающими других) вождями, «пассионариями». Побеждая, движение теряет свою пассионарность, становится инерционным (у Вебера это называется рутинизацией харизмы: каждый папа по должности обладает харизмой святого апостола Петра). Но попасть в рутину — это еще счастливый жребий, подавляющее большинство пассионарных движений XX века ведет к катастрофам. Страсти, помрачающие разум, приводят к бессмысленным массовым убийствам. Мы достаточно испытали это в своей стране.

Что же особенного в русской истории, помимо общих закономерностей? Во-первых, Россия складывалась не внутри коалиции, а на общей окраине западного мира, византийского мира и степи (постепенно вошедшей в мир ислама). Положение навязывало ей задачу нового вселенского синтеза и не давало ни времени, ни сил сосредоточиться на этой задаче (отсюда метания П. Я. Чаадаева между неограниченной верой в Россию и отчаянием). Перекресток цивилизаций был открытым, без естественных границ, с огромными возможностями внешнего расширения и огромной уязвимостью для нашествий. Непомерно много сил уходило в ратное дело. Гипертрофия охранительной функции подавляет культуру. Самодержавие выковывает единство страны и одновременно сковывает ее.

С XVII века угроза со стороны степи уступает место угрозе со стороны военно-технического превосходства Запада. Самодержавие Петра становится на путь европеизации. Методы Петра вызвали ряд неблагоприятных последствий, отчасти специфически российских. Но основные болезни развития повторились двести лет спустя во всех странах Азии и Африки, захваченных вестернизацией. Всюду возникает беспочвенная интеллигенция, раскол на западников и почвенников, проблема диктатуры развития, которая легко становится диктатурой застоя...

Сохранилась ли непрерывность русской истории в советский период? Я думаю, что да. Самая склонность к прыжкам в утопию обнаружилась впервые еще в XVI веке, в опричнине. Это не просто разгул зла и не просто террор, в ней была идея перенести, по крайней мере в часть державы, тот порядок, который Иван Грозный видел в монастырях, создать царство-монастырь во главе с царем-игуменом. А то, что получилось безобразие и пьяный разгул, по-видимому, тоже не случайно. Практика утопии всюду унижает ее идею.

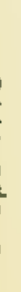
Утопия — не чисто русский соблазн, но и не всеобщий. Для нее нужен, во-первых, разум, оторвавшийся от традиции, разум прожектера и, во-вторых, привычка к «административному восторгу». В Индии такой привычки не было и утопий тоже не было, в Китае утопии создавались и были попытки осуществить их. На Западе эмансипированный разум сочинил множество утопий, но они оставались интеллектуальной игрой. Там не было достаточной силы административного восторга. В России неустойчивость традиции (несколько раз менявшей свою ориентацию) и неограниченность власти создавали идеальные условия для утопического эксперимента. Тенденция к нему прорывается в крайностях петровских реформ, в затеях Павла, Аракчеева...

Большевистский прыжок в утопию был достаточно «почвенным», укорененным в традиции, хотя удача его и те или иные конкретные формы зависели от сочетания множества — в том числе и случайных — факторов. Но то, что было,— было. И все равно опять выплывает общее для послепетровской России — интеллигенция, западничество и почвенничество, проблема диктатуры...

Преодоление общинного сознания — самое главное в нашей жизни

В. КОБРИН: — Прежде всего — о тоталитарной направленности власти. С XV века она проявляется очень четко, отчасти даже в XIV, но первоначально, в киевский период, еще нет. Владимир принимал христианство до разделения церквей, поэтому Русь органично вошла в систему европейских держав. Читая «Повесть о взятии Батыем Рязани», я проделал один мысленный эксперимент. Вместо «Рече князь великий боярам своим» поставил «И сказал король своим баронам», и так далее. Один к одному повторялась европейская рыцарская повесть. Нас смущает только то, что рыцарскую повесть мы читаем в переводе на современный русский язык, а свою — на языке архаизированном. Хотя не будем забывать, что и Западная Европа до крестовых походов — это все-таки черт-те как освещенные замки, где бароны с красивыми именами типа Раймонда рвут руками мясо и кости бросают под стол собакам. Они были не более дикими, чем мы, но и не более культурными: если Русь и запаздывала за счет того, что позже приняла христианство, то незначительно.

Что же так изменило природу власти? Причин, я думаю, много, и мы совершаем ошибку, когда по старой привычке бросаемся искать одну отмычку там, где много замков и много ключей. В нашей истории, конечно, сыграли свою роль и иго, и «военный стан» для противодействия степной угрозе. Но еще до ига, при Андрее Боголюбском, на Северо-Востоке впервые отмечается особый характер власти, об этом подробно пишет



А. Юрганов*. Здесь вассал превращается в подданного.

Заметим, что на Руси не было воспринято римское право. Удивительное изобретение — непонятно, как это до нашей эры придумали то, что работает сегодня! И поэтому во французской деревне XIII века самым уважаемым человеком был нотариус, а в русской он не стал уважаемым до сих пор.

Плюс эффект колонизации (движение из Киевской Руси на северо-восток). Наконец, сыграло свою роль и то, что у нас не было городов, в европейском смысле слова, городов, противостоящих феодалам, кроме Новгорода, хотя вольности новгородцев тоже были вольностями землевладельцев новгородской округи, а не ремесленников и купцов. Отсюда следует, что идея законности, правового государства никогда не была для простого народа «своей»; обычное же право на Руси — это обычное общинное право, а общину я никак не склонен идеализировать. Чтобы сохранить себя, она подавляет индивидуализм своих членов по принципу «Не высовывайся!», а ведь только на основе уважения к индивидуальности и складываются законность и правопорядок. Недаром же русская посадская община XVII века закрепостила сама себя: челобитные посадских людей привели к тому, что в Уложении 1649 года был запрещен свободный выход из посада.

Так что преодоление общинного сознания, по-моему, самое главное в нашей жизни. И еще один вопрос — о продолжении русской истории в советское время. Да, был прыжок в утопию, но это наш (а не чужой) прыжок в нашу утопию, если хотите — в общинную утопию, во «все взять да и поделить», и недаром в советский период начинается возрождение имперского сознания, опричнины, чинопочитания и прочих традиций, уходящих с корнями в далекое прошлое.

С. АРУТЮНОВ: — Логика в российской истории, конечно, есть, поскольку есть логика в истории вообще. А специфика ее, как здесь уже говорили,— в географическом положении, в промежуточности между Севером и Югом («из варяг в греки») и между Востоком и Западом. Поэтому наша история — это постоянные попытки взрастить европейское, гибнущее и угасающее под очередным наплывом Азии. Если обыватель сегодня говорит «Не нужно демократии, давай колбасу!»,— это азиатчина, потому что англосакс, европеец понимает, что без демократии колбасы не будет. Но это не мышление японца или корейца, которые колбасу (в своем варианте) считают обязательной, и сегодня им удобнее получать ее через демократию (своеобразную!), но в принципе они допускают, что для получения колбасы могут быть другие способы. Хотя, как вы знаете, сегодня и в Корее появляются люди, которые убеждены, что демократический путь — наилучший. Что же касается прыжков в утопию, мне кажется, что мировая история насчитывает их три. Первый — македонское движение с всемирной идеей Александра о синтезе Европы и Азии, которая вылилась в эллинизм, тихонько заглохший через пару веков. Второй — крестоносное движение с той же судьбой. И третий — его мир переживает в XX веке.

Резюмируя сказанное, отмечу, что сейчас мы переживаем очередную попытку насаждения европейскости, и дальнейшие судьбы России зависят от того, сможет ли она (что до сих пор не удавалось) прекратить сидение на двух стульях и твердо усесться на стул европейский,— как говорит Горбачев, «войти в европейский дом» — или не сможет.

* «У истоков деспотизма», «Знание — сила», 1989 год, № 9.



Н. А. Лаперецкий. «Модель статуи императора Александра III».

Н. ЭЙДЕЛЬМАН: — Логика всякой истории есть уже в том, что человеческую жизнь определяет относительно постоянный набор обстоятельств — жилище, необходимость питаться, географический фактор, климат и так далее. Поэтому смысл вопроса для меня заключается в том, есть ли логика в переменах.

Поразмыслив над историей не только России, но и любой страны, мы можем отметить, что с самых древних времен социально-экономический, национально-религиозный, культурный уровень куда более консервативен, инертен, чем уровень «высокой» политики. Взгляните на наш XVIII век: какие живые перемены на престоле и около него и как мало отражаются они на «низших слоях». Это явление заметно во всех странах, но здесь было сказано — и справедливо сказано — об особой роли власти в России. Иван Грозный был не хуже — и не лучше — Генриха VIII Английского, но он мог больше.

Получается, что самый подвижный фактор истории в России наиболее самостоятелен, если сравнить с другими странами; следовательно, особенностью русской (и советской) истории является повышенная роль случайности. Это тоже логика — повышенная роль случайности как логика данной системы. Павел I был человеком достаточно экстравагантным, и его экстравагантность чрезвычайно влияла на жизнь страны. В Англии в то же время Георг III просто сошел с ума, и ничего страшного — парламент его сумасшествие блокировал. Герцен заметил такую особенность русской истории: Мина Ивановна — любовница Адлерберга, который был фаворитом Александра II,— мерзка нам, но мы должны ее изучать потому, что она примерно равна большому наводнению или нашествию персиян.

Игра случая, которая пронизывает русскую историю и делает ее — увы! — особенно романтичной. Постоянно возникает вопрос: «А что если бы? А если бы Павла не убили?» Основоположник такого взгляда, кстати говоря, Николай I. «Самое удивительное,— говорил он,— это то, что я жив остался после 14 декабря 1825 года». Да, вполне могли выстрелить и в него, как в Милорадовича, а дальше уже началась бы игра вихрей, которая могла привести к неожиданным результатам. Вообще в этой особенности российской истории проявляется определенная неразвитость общества, не способного контролировать случайные факторы. Овладение случайностями — признак более высокой общественной организации.

Э. Барлах. «Голова русского крестьянина»

К. Н. Горский. «Встреча императора Петра I с малолетним Людовиком XV».

В. В. Евреинов «Тревожные вести».

Что касается революции, то ее предсказывала вся русская литература: Радищев, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Блок. Может быть, это странный аргумент, но я верю русским классикам. Если они утверждали, что в России будет революция и оказались правы, значит, революция закономерна. И эта логика проложила себе дорогу сквозь все нагромождения случайностей в русской истории. А вот какая именно революция — другой вопрос.

...Что определило Россию «после Филофея»

И. ЯКОВЕНКО: — Итак, есть ли единая логика в русской истории или можно говорить о логиках разных этапов? Если справедливо второе, то улавливание различных логик в истории означает очень простую вещь: мы лучше ощущаем те явления и аспекты природы русского феномена, которые различаются, и значительно хуже освоили то общее и единое, что объединяет русскую историю на всех ее этапах.

Сам я решительный сторонник единства нашей истории и воспринимаю ее как сугубо закономерный процесс. Если сосредоточиться на фундаментальных,

определяющих специфику культуры и национального сознания моментах, видишь чистую преемственность, которая только маскируется отрицанием предшествующих этапов и внешними различиями. Русская история закономерна и определяется системным качеством того феномена, который мы называем «Россия».

Другое дело, что это качество сложилось не сразу, что, кстати, общеисторическая закономерность, потому на ранних этапах русской истории мы фиксируем мощные проявления контртенденций. Но возьмем эталонное общество западной демократии — Соедииеиные Штаты. Там на раннем этапе стаиовления нации была такая мощная и достаточно устойчивая тенденция, как бостонская теократия. По своему духу, по целям она разительно противостояла итоговому системному качеству, тому, что возобладало и определило собой физиономию американского общества. Так вот, рядом с теми явлениями, которые мы фиксируем в Киевской Руси, Новгороде, существовали другие, доминирующие, которые в конечном счете побеждают и определяют собой окончательное структурирование этнокультурного единства. С этого момента история развивается как достаточно целостный процесс. По моим ощущениям, системное качество начинает складываться где-то на переходе от Киева к Москве. Я бы задал такие хронологические рамки — от князя Андрея Боголюбского до инока Филофея, автора концепции «Москва — Третий Рим».

Следующий вопрос: что же было системообразующим моментом, что определило Россию «после Филофея»? Здесь мой ответ оказывается в русле огромной философской и историософской традиции: это православие в той конкретной модификации, как оно сложилось в России. Конфессия определила самый тип цивилизации, сформировала национальный характер и предопределила историческую судьбу. В частности, исторические судьбы России в XX веке.



Г. Гросс. Рисунок в газете «Правда», 1924 год.

Если мы наложим политическую карту XX века на карту распространения мировых религий, то обнаружится, что во всех православных странах за единственным исключением, я имею в виду Грецию, к власти пришли коммунисты и все они пережили этап построения социализма. Причем Греция дважды, в конце сороковых и шестидесятых, была первый раз на грани, а второй достаточно близка к такому переходу. И если даже учесть во многом насильственный характер насаждения социализма в Европе, достаточно сравнить послевоенную историю православной Болгарии с историей Венгрии или Польши, чтобы увидеть существенно более органический характер проживания этапа социализма. А в Югославии коммунисты пришли к власти и удерживали ее вообще без чьей-либо помощи. Это наблюдение обесценивает в моих глазах все рассуждения о случайном или внешне обусловленном заемном характере Октября и всего того, что в официальной публицистике называют сейчас социалистическим выбором. Мир православной цивилизации не создал собственных моделей перехода от феодального, или традиционного, к индустриальному обществу. И в ответ на внешний для этого мира исторический императив, в ответ на общемировую технологическую революцию православные общества сваливаются, трансформируются в социалистические и в этой форме проходят этап начальной модернизации.

А теперь попытаемся сформулировать сущностные, структурообразующие моменты, заложенные в нашу культуру. Вообще говоря, системообразующими для всех культур являются одни и те же вещи. Это модели понимания и отношения к некоторым фундаментальным сущностям. Разные культуры дают как бы различные ответы на одни и те же вопросы: о природе и статусе власти, природе и статусе истины, ее критериях, о статусе обыденной жизни и ее ценностей, природе и статусе личности, статусе и природе аксиологии, то есть морали, нормативно-ценностных структур. Из всего этого уже складывается структура ментальности, национальная психология, доминирующие механизмы мышления. В самом кратком, предельно обобщающем виде эти ответы будут такими.

В русской национальной традиции необычайно глубоко закрепилось особое, сакральное отношение к власти. В системе традиционного сознания власть ни в коей мере не является социальным институтом, она — сакральна, а носитель высшей власти, то есть ее воплощение,— «помазанник божий». В традиционной культуре власть выступает как сила, онтологизирующая бытие. Все в социальном космосе обретает статус бытийственности только через соотношение с социальной инстанцией, то есть властью.



П. А. Суедомский. «Шайка революционеров».

Власть — источник истины и тождественна истине. Таким образом, источником истины является авторитет, в пределе — сакральная инстанция. Истина и власть спаяны в единое целое, назовем его «истиноблаго». Истина дается в откровении, не подлежит интеллектуальному анализу, то есть закрыта от «умствования». Практика в системе традиционного сознания слабо соотносится с истиной и ни в коей мере не является ее критерием.

Источником нормативности (морали) является высшая власть, выступающая в данном случае в ипостаси священной истины. Причем сама власть не подлежит моральной оценке. Моральные регулятивы действуют на горизонтальном уровне и сверху вниз. Всякое обличение вышестоящего не как частного человека, но как носителя власти граничит с ересью Высшая власть в принципе вне оценок.

Статус обыденной жизни, то есть место и роль ценностей отдельной человеческой жизни, ее радостей,— один из ключевых моментов, определяющих лицо всякой культуры. Утвердившийся в нашей, отечественной культуре социальный идеал может быть охарактеризован как аскетический; блага и радости жизни, вообще говоря, находятся под подозрением. Богатство находит единственное оправдание в высоком социальном статусе, и это — достаточно распространенная схема в средневековом сознании: власти надлежит быть блистательной. Причастность к властным структурам обрекает человека на роскошь и достаток. Такая жизнь есть уклонение от общего идеала, но такова специфика служения, бремя власти. Поэтому потребление, его уровень строго статусны. Стремление к достижению своими силами уровня потребления, богатства, не соответствующего социальному статусу, «не по чину», греховно и встречает жесткое осуждение.

Отдельной, полностью выделившейся личности в традиционной культуре быть не может. Каждый субъект осознает себя лишь как частица социальных общностей — православного мира, светского общества, общины, рода, семьи. Присущие человеку тенденции к обособлению, личностному выделению рассматриваются как греховные и подавляются как самим носителем этих тенденций, так и его окружением.

Еще один ключевой момент в русской культуре можно сформулировать так: постоянная воспроизводимость синкретичности сознания и синкретичного, слаборасчлененного мира как зеркального отражения этого сознания. Особое, целостно нерасчлененное состояние сознания воспринимается как высшая ценность. Бегство от аналитичности, глубоко заложенное исступленное стремление к нерасчлененности — мало осознаваемый, но огромной важности момент нашей культуры. А в социальной жизни эта установка сознания рождает восприятие социальной нерасчлененности как идеала. Отсюда все традиционные крестьянские утопии. И, соответственно, распад традиционного «мира», выделение автономизирующейся личности воспринимается носителями этого сознания как катастрофа, победа хаоса.

Вот те принципиальные ответы на ключевые вопросы бытия, которые четко просматриваются как в современном обыденном сознании традиционной части общества, так и в доминирующем потоке истории отечественной культуры. И если такое системное целое существует, оно наделено способностью к самовосстановлению в ответ на трансформирующее воздействие внешней среды. Начиная с эпохи Александра II, Россия была вынуждена пойти по пути буржуазного развития, и в обществе стала складываться полностью отрицающая традиционное

целое сила, тенденция. И в тот момент, когда объемные характеристики этой силы приблизились к критическому порогу, за которым — перерождение системного целого, произошла, скажем так, саморегуляция. Когда над патриархальной целостностью нависла смертельная опасность и выделение автономной личности из социального абсолюта стало угрожающе частым, народ, то есть носитель системного качества, поднялся, воспринял новую идеологию, которая на этом историческом этапе отметала любые проявления автономности и, что самое главное, могла эффективно им противостоять, и вырезал всех носителей деструктивного качества.

В истории действует принцип минимизации изменения. Суть его состоит в том, что из всех возможных вариантов трансформации реализуется тот, который позволяет адаптировать общество к заданным ему объективно условиям при минимальном изменении в системе социокультурного целого. То, что реализовалось в результате революции, и было минимальной трансформацией.

В. КОБРИН: — Петр Бернгардович Струве рассматривал Октябрьскую революцию как реакцию эгалитарных низов на европеизацию России, уходящую корнями в стрелецкие бунты.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ: — А Бердяев предупреждал, что русская революция может быть только социалистической. Как объяснить такой феномен: многие интеллигенты, которые были, без всякого сомнения, автономными личностями, весьма далекими от идей «уравниловки», считали, что Россия обречена на социализм?

И. ЯКОВЕНКО: — Русский интеллигент — существо двойственное. В нем автономный, секулярный рационалист борется и часто проигрывает традиционному российскому субъекту. Кроме того, я, к примеру, принципиальный противник «уравниловки» и также убежден в том, что Россия была обречена на социализм.

Н. ЭЙДЕЛЬМАН: — Не получается ли у вас та же самая схема революции, которой нас учили,— «низы» против «верхов»? А ведь тот процесс «индивидуализации», о котором говорит Игорь Григорьевич, захватил на рубеже XIX—XX веков и кадровых рабочих, и крестьян. благодаря П. А. Столыпину двадцать шесть процентов их вышло из общины. В целом ваша идея мне нравится, только хотелось бы уточнить, что борьба в ряде случаев происходила внутри социальных слоев, а не только между ними.

И. ЯКОВЕНКО: — Да, вы правы; говоря о народе, я имею в виду не крестьянство или рабочий класс, а огромный слой носителей определенного, традиционного качества сознания. Эти люди в разных пропорциях были распределены во всех слоях общества. Разделение идет не по социальной грани, а по культурной ориентации, типологии сознания и жизнедеятельности. Рубеж проходил между Штольцем и Обломовым.

Если говорить об Октябрьской революции подробнее, то она задана двумя процессами. Один я описал, а другой связан с взрывной урбанизацией, происходившей в начале века. Сейчас много говорят о специфическом типе популистского и охлократического характера, о люмпене с его агрессивным отношением к культуре как ведущем персонаже сталинской эпохи. Откуда же взялись массы людей такого характера? Причиной всему этому — перемещение огромных масс из села в город. Исследования показывают: мигрант в первом поколении — человек с жестким типом сознания. Как правило, он утрачивает лучшие элементы традиционной сельской культуры и не осваивает всего богатства регулятивов культуры зрелого города. Этот слой чрезвычайно восприимчив к популистским лозунгам и сам порождает авторитарных лидеров. Миграция в города и ассимиляция мигрантов — константа мировой истории. Однако когда архаическая целостность стала размываться и в город хлынули массы людей, эти потоки превысили ассимиляционные возможности города. Мигрант возобладал. Я думаю, что борьба за уничтожение русской деревни, которую вел Сталин, в какой-то мере определялась и тем, что в города выталкивался идеальный для тоталитарного общества человеческий материал — без роду и племени. Из него можно было лепить все что угодно.

Нормальный путь — это концерт наций и концерт культур

Н. ЭЙДЕЛЬМАН: — Логика истории выражается в традиции, и здесь нельзя не сказать об имперской традиции особого, подозрительного отношения к иностранцам и «инородцам» в соединении с преувеличенной ролью государства. Ксенофобия — не просто проявление шовинизма, но и своего рода самозащита.

Чем очевиднее реальность, тем громче хочется кричать: «Изыди! Мы самая богатая и культурная страна в мире! Мы не заложили душу за импорт».

С. АРУТЮНОВ: — Наши претензии на уникальность беспочвенны. Как востоковед, долго работавший в Индии, могу заметить, что она находится в таком же бедственном положении, как и мы, — там представлены все наши глупости и уродства. Что касается популярных сегодня Сингапура, Гонконга, Тайваня, то это китайские общества на ограниченной территории, поэтому им легче взять все позитивное из китайского культурного наследия и в то же время не оказаться задавленными сверхмассой населения.

Г. ПОМЕРАНЦ: — Обращаясь к примерам модернизации в Азии, надо помнить, что Азия делится на три великие культурные системы — ислам, Южная Азия и Дальний Восток. Успехи в европеизации пока демонстрируют только окраинные дальневосточные общества. Все остальные, даже если у них и получаются реформы, упираются в психологию. И для нас особо интересны те общества, где удалась модернизация. Япония — единственная азиатская страна, которая сумела догнать и даже перегнать Европу. Но когда начинаешь ее изучать, отмечаешь: вот это похоже на Россию, и это похоже. А дальше? Дальше — островная страна, маленькая, легко обозримая. Страна, прошедшая реформы без «резания бород», сохранившая свои национальные традиции. И японский самурай ближе к европейскому рыцарю, чем русский помещик. Может быть, Япония и показывает пример, да поздно...

С. АРУТЮНОВ: — И еще нам не хватает японского национального характера, отличающегося удивительной пластичностью. Заметьте: одна из самых воинственных стран вдруг стала пацифистской. И японская деревня воспитывает совершенно иной тип личности, чем русская, — там нужно очень аккуратно двигаться, вести себя чрезвычайно сдержанно, иначе и дом развалишь, и вытопчешь свой надел. Так что японский крестьянин тоже ближе к европейскому. При этом национальный характер — вещь реальная, но весьма гибкая и изменчивая. На него действуют географические условия, но не прямо, а опосредованно — через производственные отношения. Поэтому, например, грузинский национальный характер конца XIX века, совершенно не коммерческий, за сто лет так сильно изменился.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ: — Предлагаю несколько изменить тему. Можем ли мы сказать так: на протяжении русской истории неоднократно возникали ситуации, когда политические формы опережали свои социально-экономические предпосылки, что для большинства других стран нехарактерно?

И. ЯКОВЕНКО: — Роман Григорьевич говорит о том, что политические формы опережают свои предпосылки. Но это стыкуется с идеей о священной власти. Если власть священна, то она и творит, не дожидаясь предпосылок. От нее исходит импульс, направляющий историю, она плодит социальные структуры и, естественно, обгоняет время, поэтому ей необходим террор как способ самореализации.

Н. ЭЙДЕЛЬМАН: — Главная цель коллективизации — не экономическая, а духовно подавляющая, логика, на первый взгляд, «бессмысленных» преступлений Калигулы и Нерона.

В. КОБРИН: — А предположим на минуту, что во внутрипартийной борьбе победил бы не Сталин. Установилась бы тоталитарная диктатура, хотя и менее кровожадная, — разница в десятки миллионов жизней. Но мы не знали бы о сталинском варианте, а знали бы только те лозунги, под которыми Сталин боролся против Троцкого и Зиновьева, и не исключено, что сегодня мы говорили бы: «Ах, если бы в двадцать пятом году победил тот, про кого Ленин говорил "чудесный грузин"!»

Н. ЭЙДЕЛЬМАН: — А вообще утопия — обычное явление истории. Человек шел в одну комнату — попал в другую. Люди создают идеальный план, а получается — в одной системе отсчета «все провалилось», а в другой — «все в порядке», а на самом деле — нечто третье. Сегодня у нас идея перестройки. Что-то выйдет!

Г. ПОМЕРАНЦ: — С тех пор, как западная цивилизация доказала свою способность быть мировой, поворачиваться к мировой цивилизации спиной — безнадежное дело. Поэтому наше развитие с 1917 года, когда Россия под предлогом утопической цели горделиво замкнулась в себе, — путь тупиковый. Нормальный путь — это концерт наций, формирующийся сегодня в Европе, и концерт культур. Отсюда не следует, что все должны заговорить по-английски (американизация, на мой взгляд, — явление поверхностное и временное), вспомним, что лучшее для русской культуры время — это XIX век, когда создатели ее осознавали себя европейцами, но создавали не какую-то усредненную европейскую, а русскую европейскую культуру.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ: — Итак, возвращаясь к общей теме: при всех особенностях логики нашей истории она настолько тесно связана с историей мировой, что не только крах всеобщей истории означает крах истории частной, но и наоборот.

●



А. А. Карелин. «Лжедмитрий I».

Снеговая разведка

Мы привычно представляем себе труд геологов — разведчиков недр — летним, сезонным. Зимой они, следовательно, отсиживаются в лабораториях, обрабатывают результаты летних экспедиций, строят планы и готовятся к новым походам и т. п. Однако кое-что, видимо, можно делать и зимой. Почему? Потому что выдыхаемый из земных глубин попутный месторождениям газ метан лучше всего накапливается и сохраняется именно в снегу. А поскольку почвенные микроорганизмы в зимнее время «спят» и не добавляют собственных продуктов обмена, включая тот же метан, то снежные пробы должны быть и наиболее информативными — газы в них точно пришли снизу, из недр.

Пробную «съемку по снегу» решили провести над одним из известных угольных месторождений в Западной Сибири ученые из Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. В феврале, когда толщина снежного покрова не превышала тридцати сантиметров, они собрали пробы снега на разведочных линиях в районе города Ленинск-Кузнецкий. Пробы брали из середины слоя, помещали их в баночки и перевозили в лабораторию. Здесь снег растопили и проверили, что за газы выделяются из него. Это были метан, этан, пропан, этилен, пропилен. Метана — больше всего, и он явно был приурочен к залеганию углей. Его концентрация достигала максимума прямо над угольным пластом, хотя тот и залегал глубоко внизу, в десятках метров от поверхности земли.

Если новый метод разведки получит признание, то реальными станут постоянные зимние геологоразведочные экспедиции, и нам придется пересмотреть традиционное представление о сезонном характере труда в геологических партиях.

Дейтерий на Земле

В обычной воде есть некоторая примесь «тяжелой воды», где вместо водорода присутствует его изотоп — дейтерий. Содержание «тяжелой воды» мало, но весьма устойчиво для вод любых морей и океанов. Интересно другое. Во всех природных материалах, где имеется вода, дейтерия всегда меньше, чем в морской воде. Это справедливо для живых организмов, дождя и снега, органики почв, нефти и газа, глин и осадочных пород, минералов и базальтов. Причина тут простая. Дейтерий тяжелее и потому химически менее активен, чем его легкий собрат, водород-протий, и в условиях свободного выбора в ходе реакций в структуру вещества естественно больше отбирался водород обычный, легкий. Все это так, но почему, например, в алмазе, наоборот, дейтерия больше, чем в морской воде?

Этот вопрос возник, когда в Институте геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского АН СССР проверили состав водорода в алмазах из Якутии. Надо сказать, что выделить газ из драгоценного камня оказалось не так-то просто. Для этого пришлось прогреть камень в вакууме при температуре 500 градусов, а затем сжечь. Когда от алмаза остался один только дым, из него выделили водяной пар, разложили его на водород и кислород, а потом уже определили изотопный состав водорода на масс-спектрометре. Вот после всего этого и обнаружилось, что в алмазном водороде слишком много дейтерия. Откуда он там?

Исследователи провели расчеты, моделирующие различные пути и способы накопления этого тяжелого изотопа, и склоняются к такому выводу. По одной из гипотез, алмазы формировались из природного газа метана в ходе так называемого кавитационного сжатия. При их кристаллизации в недрах земной мантии легкий водород успевал частично улетучиваться. Тогда то, что оставалось, и должно было иметь избыточное содержание тяжелого водорода — дейтерия.

Дейтерий в космосе

Углистые хондриты, встречающиеся в разных метеоритных коллекциях, часто содержат некие тугоплавкие включения. Как показывает специальный анализ, это наиболее древние частицы в метеоритных телах, сложившихся позже. Очень вероятно, что частицы образовались миллиарды лет назад, еще при рождении самой Солнечной системы, из первичного газопылевого облака. Поэтому ученые из МГУ и Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского АН СССР решили воспользоваться этими свидетелями древних эпох, чтобы определить, каково было соотношение между изотопами водорода в «самом начале времен» — в исходном протопланетном облаке.

Довольно сложными лабораторными методами из метеорита выделили одно такое включение, выпарили из него воду, разделили ее на кислород и водород, а дальше изучили водород на масс-спектрометре. Результат был получен неожиданный. Дейтерия здесь оказалось намного меньше, чем в основном метеоритном теле. Более того, его содержание было даже ниже, чем в морской воде, служащей для таких исследований контролем, и примерно равнялось концентрации тяжелого изотопа в земных мантийных породах. Значит ли это, что мантийный материал унаследовал соотношение водород — дейтерий еще с незапамятных времен образования прото-Земли? Интересно, что близкая величина этого соотношения обнаружена для метана в атмосфере Юпитера. Но тогда, если содержание дейтерия сохранилось практически неизменным в составе пород разных планет и частиц метеоритов со времен образования Солнечной системы, то почему в земной морской воде оно осталось повышенным?

Ученые предполагают, что, возможно, легкий водород больше улетучивался в космос, а тяжелый оставался и накапливался. Значит, Мировой океан — гигантский природный накопитель тяжелого водорода. И процесс этот, по-видимому, продолжается и сегодня.



(К. Воннегут «Бойня № 5»)

Иллюстрация С. Деулина, фото В. Бреля

В. Барашенков,
доктор физико-математических наук

Машина времени

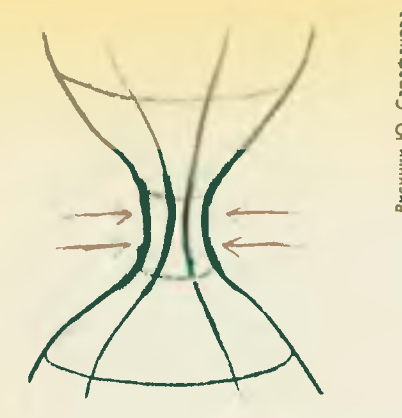
Вперед в прошлое или назад в будущее

Вместо предисловия

Теоретическая физика подсказывает, что в пространстве могут быть своеобразные провалы-воронки, соединенные каналами, похожими на червячные или кротовые норы*. Это напоминает подземный уличный переход. Различие лишь в том, что «нора»-канал соединяет не только отстоящие друг от друга пространственные области, но и разные времена. Двигаясь вдоль такого канала, можно попасть в отдаленный участок Вселенной и в другую временну́ю эпоху. Космическая система «кротовых нор» могла бы служить своеобразной транспортной сетью, быстро переносящей нас из прошлого в отдаленное будущее и обратно — в наше настоящее и в прошлое. Однако насколько надежны выво-

*Читайте статью автора в предыдущем номере журнала.

«Знание — сила». Ноябрь 1990



Рисунки Ю. Сарафанова

Вселенную, состоящую из двух миров, может соединять тонкий переходной канал. При его сжатии возникают огромные гравитационные поля, и из сильно искривленного перенапряженного пространства, как снежинки из переохлажденного осеннего воздуха, рождаются гамма-кванты, электроны, потоки нейтронов и другая смертоносная для живых организмов радиация.

ды физиков-теоретиков? Существуют ли такие «норы» в действительности или же это всего лишь нереализуемая природой теоретическая возможность? Но тогда почему она не реализуется, ведь опыт убеждает нас в том, что в мире воплощается все, что не противоречит законам природы? А если нет готовых «кротовых нор», нельзя ли создать их искусственно, хотя бы в отдаленном будущем, когда наша цивилизация станет достаточно развитой и мощной? Правда, при этом сразу же хочется спросить: почему же тогда нас не посещают гости из будущего? А может, посещают? Может, это как раз и есть те таинственные НЛО, о которых так много говорят и пишут в последнее время?

Все эти вопросы — на грани с «чистой фантастикой», и до недавнего времени их местом были страницы научно-фантастических книг и журналов. Однако сегодня их серьезно обсуждают и сами ученые, поскольку это помогает лучше понять особенности современной теории и представить себе гипотетические возможности космических цивилизаций.

Серьезный анализ требует математики, поскольку ее формулы — единственный «зонд», позволяющий прощупывать воображаемые миры и сложные пространственно-временные структуры. Посвященные этим вопросам статьи физиков-теоретиков похожи на лес математических символов, где формул зачастую больше, чем слов. Тем не менее если не претендовать на большую строгость и пользоваться наглядными образами, то общая постановка вопросов и результаты исследований доступны и далеким от теоретической физики людям. Недаром известный советский физик Д. И. Блохинцев любил повторять, что проблему можно считать понятой лишь в том случае, если ее можно объяснить первому встречному солдату.

Наше путешествие по дебрям теоретических статей мы начнем с того, что ближе всего к опыту,— с вопроса о естественных, то есть изготовленных самой природой, «кротовых норах».

Микроскопические пузырьки и норы

Читатель, наверное, уже не раз слышал о том, что пустое пространство только кажется пустым. При очень большом увеличении оно похоже на шевелящуюся мягкую губку или кипящую мыльную пену, где вспыхивают и мгновенно гаснут всплески полей, а окружающее пространство под действием их тяготения искривляется и скручивается в микроскопические пузырьки и раковины, в которых возникают многочисленные воронки и ручки «кротовых нор». Правда, размеры их очень малы — примерно 10^{-32} сантиметра. Это во столько же раз меньше танцующих в солнечном луче пылинок, во сколько они сами меньше размеров видимой нами части Вселенной. Трудно вообразимая величина! Ни один прибор не может зафиксировать столь мелкие объекты. Увидеть их можно лишь силой воображения.

И тем не менее физики уверены в их существовании, поскольку они появляются в их расчетах как следствие самых основных соотношений квантовой теории. Трудно говорить о конкретных деталях их строения, для этого нужна более совершенная теория, но сам факт их существования не вызывает сомнений.

Возможно, какая-нибудь технологически могучая цивилизация научится подводить к этим «микродырам» мощные потоки энергии и растягивать их до нормальных макроскопических размеров, когда в них уже можно будет разместить не ультрамикроскопическую, а вполне реальную, пригодную для наших путешествий транспортную систему. Картина, конечно, фантастическая, но у нее есть один неожиданный аспект. Некоторые пространственные пузырьки только извне, для внешнего наблюдателя, выглядят как ультрамалые объекты, а изнутри, измеренные с помощью их собственных эталонов длины и времени, представляют собой огромные космические миры — полузамкнутые вселенные. В принципе, хотя с первого взгляда это кажется совершенно невероятным, может выйти так, что наш мир — один из таких пузырьков. Во всяком случае, Общая теория относительности допускает такую возможность. А раз так, то в нашем мире могут быть уже готовые «кротовые норы» космических размеров. Поэтому, возможно, нам не придется вытягивать их из вакуума, вместо этого нужно поискать их в окружающем пространстве.

Где же они могут быть?

Ворота в иные миры и эпохи?

Когда речь идет о поиске «кротовых нор», первое, что обращает на себя внимание,— это жерла «черных дыр». Об этих удивительных космических объектах написано много статей и научно-популярных книг, и мы сейчас не будем останавливаться на их свойствах. Заметим лишь, что наброшенную на «черную дыру» петлю нельзя стянуть в точку: поле тяготения «дыры» настолько велико, что время вблизи нее не просто замедляется, как около любого массивного тела, а вообще останавливается, и все процессы, в том числе и стягивание петли, замирают, становятся бесконечно долгими. Заарканить и удавить «черную дыру» не удастся ни одному космическому охотнику. А это — первый признак «кротовой норы».

Не являются ли воронки «черных дыр» входными отверстиями «кротовых нор»? Если бы это было так, то можно попытаться приспособить их для путешествий в пространстве и времени, ведь время в их окрестностях останавливается лишь для внешнего наблюдателя, а для космонавтов, устремившихся в жерло «дыры», все будет идти своим чередом, и никакого замирания процессов они не заметят.

Эта гипотеза становится особенно привлекательной, если учесть предсказание теории о том, что наряду с «космическими пылесосами» — «черными дырами», втягивающими в себя окружающее вещество,— в космосе могут существовать объекты с прямо противоположными свойствами, неудержимо извергающие вещество, так называемые «белые дыры». Проглоченный «черной дырой» звездолет был бы «выплюнут» ее белой сестрой в какую-нибудь пространственно-временную область нашего мира или совсем в другую вселенную, связанную с нашей лишь тонкой горловиной «кротовой норы».

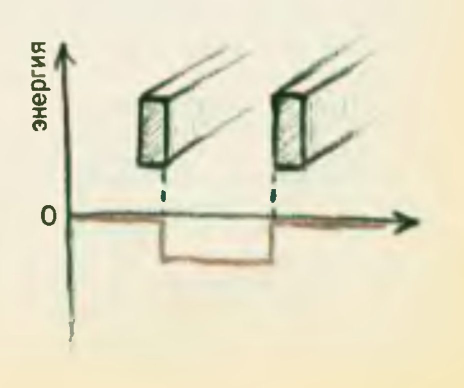
Правда, экипаж звездолета ничего не смог бы сообщить на родину — обе «дыры», черая и белая, как клапаны насоса, работают только в одну сторону; но это уже другой вопрос. Движимые научным любопытством отважные космонавты, возможно, решились бы на путешествие «без права переписки», тем более что их родственники (внешние наблюдатели) до конца дней своих могли бы успокаивать себя видом звездолета, живого и невредимого, неподвижно зависшего в густом времени у ворот «черной дыры». Кроме того, если им повезет, путешественники могут найти еще одну «нору» — с обратным расположением черной и белой дверей, и нырнуть сквозь нее обратно, в наш мир и наше время. Подобные сюжеты эксплуатировались многими писателями-фантастами (фантазировать так фантазировать!).

К сожалению, можно с уверенностью утверждать, что подобные путешествия невозможны. Ни туда, ни обратно. Дело в том, что гравитационные поля в сужающемся жерле «черной дыры» (равным образом и «белой») неимоверно велики и быстро растут по мере того, как звездолет втягивается внутрь канала. Они сначала вытянут корабль, а вместе с ним и тела космонавтов в длинные макаронины, а затем разорвут их на мельчайшие частички — кванты. Даже в земных условиях, где тяготение сравнительно невелико, силы притяжения на поверхности планеты и на орбите спутника значительно отличаются. На поверхности Земли они вызывают многометровой высоты приливы и отливы, ну а в жерле «черной дыры» перепады гравитационных сил просто чудовищны. Им не могут противостоять, распадаясь на части, не только атомные ядра, но и элементарные частички. И спастись никак нельзя, обратного пути нет, ведь «черная дыра» не выпускает даже лучей света. Что в «рот» к ней попало, то безвозвратно пропало!

И это только одна из многих смертельных опасностей, поджидающих космонавтов внутри «черной дыры».

Одно время были надежды на вращающиеся «черные дыры». В этом случае связанные с вращением центробежные эффекты отчасти компенсируют притяжение, и это может сделать тоннель проходимым. Однако более детальные расчеты показали, что при этом он становится крайне неустойчивым, под действием стягивающих гравитационных сил быстро «схлопывается». Сквозь него нельзя проскочить; даже если двигаться со скоростью света, все равно не успеешь! К тому же происходящие внутри него процессы перестройки вакуума порожда-

Между металлическими пластинами образуется вакуум с пониженной энергией.



ют мощные потоки смертоносной радиации.

Когда-то «отец кибернетики» Норберт Винер мечтал, что в будущем высокоразвитые наука и техника смогут исчерпывающим образом записать структуру человеческого организма и содержание его мозговых клеток на языке электромагнитных импульсов. Тогда «человек-телеграмма» в виде серии электромагнитных волн мог бы со скоростью света преодолевать огромные расстояния и быть синтезированным в своем естественном обличье в точке приема. Однако сквозь жерло «черной дыры» нельзя протолкнуть и такой мертвый бестелесный слепок. Его упорядоченная структура будет полностью разрушена и превращена в хаос происходящими там радиационными процессами.

Как видим, «черная дыра» — неподходящая деталь для машины времени. Но если нельзя воспользоваться естественными «норами» в пространстве, вероятно, удастся сконструировать их искусственно? И, может быть, их уже создала какая-нибудь сверхмощная космическая цивилизация?

Зодчие «кротовых нор»

Все опять началось с научной фантастики. Несколько лет назад известный американский астроном Карл Саган написал роман «Контакт». Его герои обнаружили на Земле таинственное сооружение, которое неожиданно перенесло их в окрестность звезды Веги. Сопоставив факты, они пришли к выводу, что им посчастливилось открыть «кротовую нору» — часть гигантской космической транспортной системы, когда-то очень давно построенной могущественной цивилизацией, обитавшей в нашей части Галактики. Однако путешественники были образованными учеными и отлично знали о тех грозивших им неминуемой смертью предостережениях теоретиков, которые упоминались в предыдущем разделе нашей статьи. И тем не менее факт оставался фактом: путешественники преодолели тоннельный «прокол» пространства и остались живыми и невредимыми. Как же это могло произойти, какой тайной владела исчезнувшая цивилизация? Поиском ответов на эти вопросы и занялись на оставшихся страницах романа герои Сагана...

Они знали не только о «черных дырах». Им было также известно, что еще задолго до открытия этих объектов (открытия их «на кончике пера» физики-теоретики), сразу же после того, как Д. Гильберт и А. Эйнштейн вывели уравнения Общей теории относительности, венский физик Л. Фламм нашел для них решение, описывающее два мира, соединенных «норой-каналом». Позднее такие решения изучал сам Эйнштейн и особенно подробно — американский физик Дж. Уилер в связи с теорией элементарных частиц и пенообразного микропространства. И все эти работы завершились выводом, что, образовавшись естественным или искусственным путем, соединяющий миры канал будет сначала расширяться до некоторого максимального размера, а затем сожмется, сколлапсирует в тонкую нить, причем — как в рассмотренном выше случае вращающихся «черных дыр» — все это произойдет чрезвычайно быстро, проскочить сквозь него не успеет даже луч света.

В общем, для путешественников, которые пожелали бы воспользоваться каналом, связывающим один мир с другим, ситуация мало бы отличалась от падения в кратер «черной дыры» — и то и другое непроницаемо для материальных тел.

Чтобы нейтрализовать убийственные выводы теории, герои романа Сагана выдвинули гипотезу о том, что цивилизация Космических Предтеч использовала для стабилизации созданного ими транспортного канала какое-то неизвестное силовое поле, которое в отличие от гравитации не притягивает, а, наоборот, расталкивает тела,— что-то вроде антигравитации. Такое поле должно обладать отрицательной энергией, компенсирующей энергию тяготения. Чтобы связать концы с концами, в фантастических романах часто делаются самые невероятные допущения. Ну а для того чтобы в остальном быть как можно ближе к теории, Карл Саган послал рукопись своего романа знакомому физику-теоретику Кипу Торну с просьбой посмотреть, нет ли в рассуждениях его героев еще каких-либо неточностей.

Торн много занимался гравитационными расчетами, и решить уравнения Гильберта — Эйнштейна для экзотического антигравитирующего вещества ему не составляло труда (теперь это решение опубликовано одним из американских журналов вместе с рассуждениями героев Сагана как упражнение для студентов-физиков). Результат вычислений получился именно таким, как и предсказывали герои романа,— изготовленный из антигравитирующего вещества переходной канал был устойчив, а действующие в нем силы по своей величине лишь незначительно превосходили те привычные для нас силы тяготения, с которыми мы имеем дело на Земле. Правда, для этого конструкция канала должна удовлетворять определенным условиям, но это уже дело техники. Важно, что физические законы не запрещают создания таких конструкций, остальное — задача космических зодчих будущего, если, конечно, в их распоряжении будет экзотический антигравитирующий материал с отрицательной энергией, а иначе прокалывающие пространство «норы-каналы» так и останутся на страницах научно-фантастических произведений.

Сверхтрудная задача

А можно ли создать такое вещество, которое будет обладать свойством антигравитации и иметь отрицательную энергию? Из школьных учебников мы помним, что энергия — это запасенная работа. Ее можно перевести в тепло, нагрев окружающие тела. Отрицательная энергия связана с поглощением тепла. Если снова перейти на язык научной фантастики и предположить, что в наших руках граната из вещества с отрицательной энергией, то ее взрыв резко понизит температуру в окружающем пространстве. Помнится, я где-то даже читал рассказ о таком фантастическом оружии — «Иней на пальмах».

Энергия вещества слагается из энергии, связанной с массой составляющих его частиц (вспомним известную формулу Эйнштейна: энергия равна массе, помноженной на квадрат скорости света), и энергии давления и натяжений, связанной с внутренними взаимодействиями. В одних случаях,— скажем, в баллоне сжатого газа — она положительна, в других, например в ядре атома железа, отрицательна; как известно, для расщепления ядра на части необходимо совершить определенную работу. Однако во всех обычных веществах — твердых, жидких, газообразных — энергия, связанная с массой, больше энергии взаимодействий, и суммарная энергия вещества всегда положительна. В экзотическом же веществе, которое нужно для сооружения «кротовых нор», первое место занимает отрицательная энергия внутренних натяжений.

Средневековые алхимики искали философский камень, цари в русских народных сказках посылают своих слуг искать живую воду, чудо-кольчугу, волшебный меч... Но это все детские забавы по сравнению с задачей найти материал для «кротовых нор».

Еще совсем недавно физики были убеждены в том, что подобных веществ просто не бывает. И это, по-видимому, так, если оставаться в рамках классической, неквантовой физики. Однако в области квантовых явлений ситуация иная. Благодаря всплескам спонтанных полей, рождению пар частиц и античастиц на очень короткое время энергия может стать несколько большей или меньшей ее среднего, классического значения, и если последнее близко к нулю, полная энергия может стать отрицательной. Даже в вакууме, который обычно, как само собой разумеющееся, принимается за нулевой уровень энергии, есть области с положительной и области с отрицательной энергией. Нуль получается лишь «в среднем».

Конечно, все эти флуктуации происходят на уровне микроскопических, ультрамалых масштабов, а для построения «кротовых нор» нужны большие, скорее всего даже очень большие, космические количества вещества с отрицательной энергией. Однако в определенных условиях квантовое снижение энергии может захватывать огромные области. Например, в вакууме между двумя металлическими пластинками не могут рождаться кванты электромагнитного поля с длинами волн, бо́льшими расстояния, разделяющего эти пластины. Образно говоря, для них там просто нет места — между пластинами умещается лишь часть волны. Значит, по сравнению с обычным состоянием вакуума, в пустом пространстве между металлическими пластинами меньше квантов, и, следовательно, энергия вакуума там тоже занижена, то есть имеет отрицательное значение и может скомпенсировать часть гравитационной энергии.

Таким образом, в качестве строительного материала космические зодчие могут использовать пустоту — вакуум! Скажем прямо: вывод парадоксальный.

Расчеты Торна и его коллег показали, что если каждый из двух концов «норы» окружить шарообразной металлической оболочкой, то соответствующее снижение энергии вакуума внутри канала вполне достаточно для того, чтобы удержать его от схлопывания и сделать проходимым для путешественников.

Так была решена, казалось бы, совершенно безнадежная задача. Опубликование в одном из ведущих научных журналов выводов американских физиков поразило даже видавших виды теоретиков. Не зря говорят, что современная наука фантастичнее любой научно-фантастической книги.

Конечно, проблемы этим не исчерпаны. Нужно еще придумать сам способ построения «кротовой норы». Может, для этого придется воспользоваться гравитационным коллапсом массивного тела, так, как это имеет место при образовании канала «черной дыры», прикрывая образующиеся в пространстве вмятины-воронки металлическими заглушками, которые предохранят от полного схлопывания. А может быть, космические инженеры изобретут какие-то новые подходы...

Путешествие в прошлое

Размышляя над свойствами «кротовых нор» и приключениями героев романа Сагана, Торн и его коллеги придумали простую конструкцию машины времени (если только слово «простая» применимо к космическим сооружениям), позволяющую путешествовать в любых направлениях во времени — в будущее, в прошлое, куда угодно.



Картина, которую увидят путешественники, пройдя сквозь канал с вокзала Альфа на вокзал Бета.

Поскольку лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, представим себе, что мы отправляемся в путешествие с помощью одной из таких машин. Это поможет нам нагляднее понять принцип ее действия.

Машина соединяет «кротовой норой» два космических вокзала — Альфа и Бета, расположенных где-то между Землей и Марсом на сравнительно близком расстоянии друг от друга. Скажем, на расстоянии, которое можно за пару часов преодолеть на обычной ракете, а если воспользоваться «кротовым тоннелем», то из Альфы в Бету можно спокойно попасть за одну-две минуты. В космических масштабах экономия времени не так уж велика, но не в ней дело. Машина Торна предназначена для путешествий во времени, а не в пространстве, и в этом ее отличие от открытой героями романа Сагана транспортной системы Космических Предтечей.

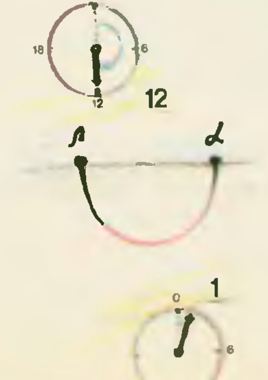
Допустим далее, что так же, как на железных дорогах и аэродромах, на космических станциях установлено единое мировое время. Пусть, например, стенные часы и наши ручные хронометры, когда мы прощаемся с друзьями и входим в люк «кротовой норы» на станции Альфа, показывают ровно полночь — ноль часов. Такое же время и на стенных часах вокзала станции Бета. Выглянув на этой станции из тоннеля, мы зафиксируем на наших хронометрах и на вокзальных часах несколько минут первого. Однако открывать люк и выходить из «норы» мы не будем — нас ждет еще одна важная особенность машины Торна.

Наверное, каждый из нас не раз бывал в туристских походах. Главное там — уметь смотреть по сторонам, чтобы в памяти остались не тяжесть рюкзака и усталость в ногах, а пейзажи и достопримечательности. Вот и мы, прежде чем двинуться дальше, задержимся на несколько минут, чтобы внимательнее оглядеться. Мы уже знаем, что входное и выходное отверстия «кротовой норы» представляют собой воронкообразные искривления пространства. А теория Эйнштейна говорит, что пространственные искривления всегда сопровождаются возникновением гравитационного поля, то есть им всегда сопутствует определенная энергия, а следовательно, и масса (вспомним еще раз формулу, связывающую массу с энергией). Другими словами, воронка «кротовой норы» на станции Бета — это закрытый шарообразным металлическим люком сгусток силового поля, который ведет себя подобно массивному телу. Его можно привести в движение: сначала ускорить, затем замедлить и вернуть на место. Для этого можно использовать, например, силу тяготения астероида с укрепленными на нем реактивными двигателями. Воронка «кротовой норы» будет следовать за ним, как железная гайка за магнитом.

Вспомним теперь, что движущиеся часы отстают от неподвижных. Поэтому, когда мы, совершив путешествие в кабине разогнанного до больших скоростей конца «кротовой норы», вернемся на исходное место и выйдем на вокзале станции Бета, наши часы покажут меньшее время, чем вокзальные.

Пусть скорость и время движения были таковы, что наши ручные часы показывают ровно час, а вокзальные часы на станциях Альфа и Бета — полдень. Это означает, что мы сдвинулись в будущее на целых одиннадцать часов.

И вот тут мы подходим к самому главному: сдвиг в будущее произошел лишь во внешнем пространстве, где от Альфы к Бете и обратно летают обычные ракеты. Если же смотреть сквозь «кротовую нору», то никакого сдвига нет, ведь наши ручные хронометры и стенные часы на вокзале Альфа все время оставались неподвижными относительно друг друга («нора» передвигалась, но внутри нее никакого движения не было) и должны поэтому показывать одинаковое время. Иначе говоря, мы видим сразу два состояния вокзала Альфа: в бинокль из



Картина, представшая глазам путешественника после часового петлеобразного космического вояжа в «кротовой воронке» с вокзала Бета.

люка тоннеля на станции Бета наблюдаем за тем, что происходит там в полдень, а через тоннель рассматриваем события, происходившие там в час ночи. Это как при купании в реке: смотришь на воду — одна картина, чуть присел и посмотрел ниже ее уровня — совсем другая, искривленная.

«Кротовая нора» соединяет теперь разделенные одиннадцатью часами прошлое и настоящее станции Альфа. С точки зрения здравого смысла, этому трудно поверить — одно и то же место, но сразу в два различных момента времени! К тому, что можно видеть два различных места в одно время, мы привыкли с детства. Ваза на столе и книги в шкафу, интерьер комнаты с часами на стене и видимая из ее окна часть улицы, где часы, укрепленные на фонарном столбе, показывают точно то же самое время,— для нас это естественный порядок вещей. Но вот чтобы из одного окна была видна улица, освещенная полуденным солнцем, с массой машин и прохожих, а из другого — пустынная ночная улица! Это всякому пребывающему в здравом уме человеку кажется просто невозможным. Несмотря на железную логику формул теории относительности, здравый смысл восстает против такого «абсурда»!

Впрочем, что такое «здравый смысл»? Ведь это всего лишь закрепленная многократным повторением привычка. Современную физику нельзя просто понимать, к ее выводам нужно еще и привыкнуть. Должен сознаться, что я и сам далеко не сразу осознал, как это можно — одним глазом видеть, что происходит на улице днем, а другим — что творится на ней ночью. Для этого мне пришлось не раз, рисуя на бумаге графики, совершать мысленное путешествие из Альфы в Бету и обратно.

У читателя теперь есть две возможности: поверить логическим рассуждениям, как говорится, на слово и, вопреки «здравому смыслу», признать, что на любую вещь можно смотреть не только с разных пространственных, но и с разных временны́х сторон, либо постараться выработать у себя новый «здравый смысл», рассматривая прилагаемые к статье рисунки и вычерчивая им подобные.

Туда и обратно

Чтобы лучше понять, как работает машина времени, предположим, что билетный кассир со станции Альфа желает исправить сделанную им несколько часов назад ошибку. Для этого ему следует побыстрее перелететь ракетой на станцию Бета, а затем, воспользовавшись тоннелем, вернуться на свой вокзал. При этом он сдвинется в прошлое. Насколько — зависит от настройки машины времени, от того, каковы были скорость и

Такова картина, которую увидит кассир с вокзала Бета, если отправится ракетой в 15.00 с вокзала Альфа и ракета летит ровно два часа. По сравнению со временем старта — 15.00,— вернувшись на вокзал Альфа через «кротовую нору», он сдвинется в прошлое на 9 часов.



время петлеобразного движения ее конца Бета.

Такое движение воронка Бета должна совершить всего лишь однажды, и машина будет настроена. Далее ею можно пользоваться сколько угодно раз и в каком угодно направлении — из настоящего и будущего в прошлое и обратно. Нетрудно сообразить, что свое единственное космическое путешествие воронка Бета может совершить, управляемая автоматами, без всяких пассажиров, с огромной скоростью и за короткое время. И тогда машина будет соединять времена, разделенные тысячелетиями и еще большими интервалами.

Вернемся, однако, к нашему кассиру-путешественнику. Если, возвратившись на свой вокзал Альфа, он снова перелетит на станцию Бета и еще раз перейдет на свой родной вокзал Альфа тоннелем, то обнаружит себя сдвинувшимся еще на один интервал в прошлое. Ну а если вместо этого он перейдет с вокзала Альфа на вокзал Бета тоннелем и вернется домой на станцию Альфа пассажирской ракетой, то возвратится в свое настоящее. Повторив такую петлю еще раз, сдвинется в будущее и так далее.

Сознание с трудом воспринимает эти выводы, но логические рассуждения



А вот картина, которую увидит этот кассир с вокзала Бета, если, вернувшись из первого путешествия в 6 часов утра, немедленно отправится в повторное. Выйдя из тоннеля на станции Альфа, он обнаружит себя в 21.00 вчерашнего дня.
Если машина настроена по-другому, то временные сдвиги будут иными. Читатель может сам придумать различные конструкции машины.

убеждают в их справедливости. Казалось бы, гениальное изобретение! Но нет ли тут все же каких-либо «подводных камней»?

Как быть с причинностью?

Благодаря машине времени будущее может вмешиваться в прошлое, изменяя уже сложившийся ход событий. Используя такую машину, мы каждый раз деформируем историю. При этом неизбежно возникают такие же парадоксальные ситуации, как и в случае сверхсветовых лучей, о которых шла речь в предыдущей статье. Кассир может убить сам себя в прошлом, и тогда все последующие связанные с ним события станут беспричинными: нельзя будет установить, что стало в его жизни исходным — прошлое для будущего или будущее для прошлого. Наступит хронологический хаос.

Можно сказать, что в мире, где действует хотя бы одна машина времени, события могут развиваться вперед в прошлое и назад в будущее. Вот уж поистине — где тут начало того конца, которым кончается это начало!

В случае со сверхсветовыми лучами нам было ясно, как поступать. Такие лучи — всего лишь гипотеза, теоретическое предположение. Ее противоречивые следствия однозначно говорят, что она неверна и следует просто ее отбросить. Иное дело — машина Торна. От нее нельзя отделаться так легко, поскольку для ее сооружения не нужно никаких дополнительных гипотез, все, что требуется, — это известные нам физические законы. Ни один из них не запрещает ее построения, а значит, и разрушающего причинность влияния будущего на прошлое. И вместе с тем интуиция подсказывает нам, что здесь что-то не так. Но что? Ответа на этот вопрос пока нет.

Может быть, дело тут в необходимости какого-то нового, более глубокого понимания причинности? Подобные переоценки в науке случались уже не раз. А может, мы просто не понимаем чего-то весьма важного в существующих теориях и машина Торна — сигнал об этом? До сих пор физики были уверены в том, что их теории не нарушают причинности, а теперь мы видим: дело обстоит не так просто. Не исключено, что современную физику придется дополнить какими-то новыми принципами, которые как раз и запретят нарушающие причинность временные петли. Пока это вопросы для размышлений.

Как бы там ни было, придуманная Торном и его коллегами машина времени — интересная логическая конструкция, своеобразный мысленный эксперимент, помогающий нам лучше понять свойства пространства и времени. ●

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ



Продолжайте анализ сталинизма

Ю. ВАРАКСИН (*Москва*): Я с наибольшим интересом читаю в вашем журнале материалы, связанные с техникой, экономикой, и все, что имеет отношение к Сталину.

Считаю, что настала пора перейти от эмоционально-публицистической волны, на которой зачастую разоблачается культ личности, к объективному анализу его. Образцом эмоциональной критики, по-моему, стала статья Г. Померанца в номере 5 журнала, но теперь, после того как опубликованы не известные ранее исторические документы, на одной эмоциональности далеко не уедешь.

Что касается завещания Ленина, то оно сейчас хорошо известно широкой публике и его можно проанализировать. Сталин по сравнению с остальными членами Политбюро выглядит не так-то уж плохо, во всяком случае, слова Ленина о грубости и нетерпимости генсека (после недавних жестокостей гражданской войны) не кажутся уж такими страшными (к тому же всем известны его же слова о «чудесном грузине»). Считаю, что характеристика, данная Лениным Бухарину, который серьезно не учился марксизму, звучит гораздо страшнее. Ничем не лучше и характеристики других членов Политбюро. Так что из «Завещания» никак не видно, что Сталин — нравственно чужеродное тело в руководстве партии.

В. РАКОВСКИЙ (*Тюменская обл.*): «Знание — сила» уже многое сделал на пути анализа такого явления отечественной истории, как сталинизм. Однако в последнее время ваш критический пыл стал угасать. Думаю, что это неверно.

Суть вопроса вот в чем. Известно, что идеологической базой репрессий стал лозунг Сталина об усилении классовой борьбы с продвижением к социализму. Серьезных публикаций, посвященных анализу именно этого лозунга, еще не было. Хотелось бы прочитать в журнале и о других оценках конца двадцатых — начала тридцатых годов. Особый интерес представляет мнение репрессированных оппонентов Сталина — Троцкого, Бухарина, Рыкова, Раковского, Крестинского, Томского, Каменева, Зиновьева.

И вообще, как удалось Сталину набрать факты для своей «гипотезы»?

А. ВИНОГРАДОВ (*г. Хабаровск*): Странное впечатление оставляет статья Криворотова «Утраченные альтернативы» («Знание — сила», №№ 2,3 за 1990 год). Казалось бы, автор все прекрасно видит и понимает, но как только речь заходит об истоках и основоположниках, так сразу начинает действовать защитная реакция обеления и оправдания Маркса и Ленина. А на самом деле их идеи — главный источник всех наших бед. У Маркса и Ленина до сих пор много защитников, которые стараются переложить ответственность с них на Сталина. Сталин был всего лишь учеником Маркса и Ленина, и он лишь довел их идеи до логического конца.

Выдвинутся новые лидеры

В. ИРБИС (*Минская обл.*): Не буду судить о всех молодых людях, читающих журнал, но мне, семнадцатилетнему выпускнику школы, он интересен. Интересен потому, что часто предлагает задуматься о прошлом, о настоящем, о будущем. Журнал соответствует своему названию. Особо важна нравственная направленность издания. Особенно интересны в этом плане статьи, автором которых является Г. Померанц, в частности «Нравственный облик исторической личности» (№ 5 за 1990 год). Хотя написана она в годы, названные застойными, многие ее моменты актуальны и сейчас. Личности отрицательного склада, стоящие у власти, стремятся уничтожить духовные, нравственные начала. И в этом причина того положения дел в обществе, к какому страна пришла сейчас.

Годы, когда люди не были знакомы с истинными идеалами, накопленными обществом за тысячелетие, не знали, что такое культура дискуссий, привели к тому, что сейчас молодежь духовно опустошена и приемлет любые теории, даже самые правые, лишь бы они отличались от официальной, коммунистической. Невнимание к нравственному, духовному началу в течение долгих лет выразилось теперь в резком росте преступности. Этого не было бы, если открыто можно было бы провозглашать христианские принципы добра и справедливости. Пусть создаваемые и существующие организации, тот же комсомол, обратят внимание на нравственный аспект жизни, на повышение культурного уровня молодежи, ее духовное обогащение путем знакомства с мировыми и национальными ценностями. И тогда выдвинутся новые лидеры, способные примирить людей разных взглядов.

Войну — мистицизму!

В. ГУБКИН (*г. Тюмень*): Хоть я и не являюсь подписчиком на ваш журнал, но регулярно покупаю его в киоске и читаю. Хочется сказать вам большое спасибо за то, что вы стоите на реальной материалистической основе, вдалеке от мистицизма, который во все времена служил для того, чтобы элите легче было управлять простым народом, властвовать над ним.

У нас в стране, похоже, народ совсем запугали. 72 процента населения верит в НЛО и прочие явления. Не пора ли объявить войну мистицизму, а конкретно — тем людям, которые в своих корыстных целях — богатство, власть — одурманивают людей всякой чертовщиной?

В этом смысле ваш журнал — единственный в стране противостоит мистицизму. За это вам большое спасибо!

Журнал не восхищает

В. ПОНОМАРЕВ (*Калужская обл.*): Обещание редакции (номер 2 за этот год) вознаградить верных читателей говорит о пренебрежении ими. Интересным не вознаграждают, а привлекают. Раньше я ценил «Знание — сила» за внутреннюю свободу.

Историко-политические статьи прежних лет, и не только они, ценнее нынешних разрешенных, ибо торили дорогу. Информативная, достойно оформленная, захватывающая статья И. Усвицкого «Глазами физика» в № 9 за 1984 год может стать примером. Искусство и физика едины. Но большинству читателей мысли не нужны, требуются лишь примитивные рецепты из отрывных календарей или смакование подробностей известного, как в «Огоньке». Поэтому ваш журнал привлекал меня и был не похож на другие издания. Теперь — иллюстрации низкого качества, деревянное изложение, самолюбование авторов. Это не восхищает. Как и вторичность материала.

Для фантастики должен быть характерен полет мысли. Оживят журнал прикладные рубрики: «Школа быстрого чтения», «Рукопашное единоборство древних славян», «История и развитие холодного оружия», «Забытые идеи», «Духовный мир человека из глубины веков до наших дней», «Старинные русские лечебники», «Экономическое развитие как результат политических свобод» и другие.

Темы статей — на Бейсике

В. ГАНОПОЛЬСКИЙ (*Москва*): «Знание — сила» я выписываю давно и собираюсь делать это впредь, несмотря на предстоящее подорожание прессы. Уверен, что вас не может не беспокоить судьба предстоящей подписки. Поэтому мне хочется предложить любимому журналу одну идею, которая, я надеюсь, поможет в такое трудное время не только удержать, но и увеличить тираж. Идея эта основывается на всем известном факте — огромном интересе общества ко всему, что связано с компьютерами.

Итак, идея: практически в каждом номере журнала есть статья, тему которой можно смоделировать с помощью несложной программы на любом из универсальных языков, проще всего на Бейсике. Такие «игровые» иллюстрации статей можно делать практически на любую тему, даже на историческую. Такой подход, кроме того, поможет лучше понять и идею статьи, так как появляется возможность «поиграть» параметрами. Думаю, это привлечет к журналу любознательную молодежь.

С. Сперанский,
доктор биологических наук

Что говорят о нас мыши, или Эффект консервации эффекта

Я думаю, трудно найти более ложное представление о науке, как о **спокойном** виде деятельности. Смею заверить, что научная работа, если она только достойна этого названия, полна самого острого драматизма, высокого эмоционального напряжения, восторгов и разочарований, которые одновременно являются условием получения так называемого «объективного результата» и таят в себе опасность его искажения. Об одном таком драматическом эпизоде (из собственной практики) я и хочу рассказать.

Итак, я проводил токсикологические опыты на белых мышах. Именно тогда и выяснилось, что искусственно сформированные экспериментатором сообщества со временем перестают быть простой суммой случайно отобранных особей. Каждое такое сообщество как бы обретает собственное «лицо», отличное от других. Для мышей внутри сообщества устанавливается сходный тип реагирования на внешние факторы, тогда как между сообществами различия бывают очень значительными*.

Отталкиваясь от этого факта, мы рассуждали следующим образом. У совместно проживающих мышей формируются надындивидуальные общности. Очевидно, это происходит благодаря информационным отношениям между мышами. Но как они реализуются? Быть может, наряду со слухом, зрением, осязанием, обонянием существуют особые информационные каналы, действующие по типу телепатической связи?

Допустим, мы правы и такие каналы есть. Тогда как доказать их существование?

Ответ, казалось бы, лежит на поверхности. Сложившееся сообщество надо разбить на две части и разместить их на разных территориях. Далее реализуется знакомый принцип: мы воздействуем с помощью какого-то фактора на одну часть, а наблюдаем за второй. Если в ней фиксируются изменения, то информационные каналы — реальность.

Таковы были общие предпосылки нашего исследования, которое мы предприняли с целью изучения энергоинформационных отношений между животными.

Теперь следовало выбрать форму опыта, точнее, такой его вариант, который давал бы наиболее четкие результаты. Разумеется, здесь важно, что́ взято в качестве воздействующего фактора. Мы выбрали... голод.

В каждой серии экспериментатор имел дело с двумя сообществами по двадцать самцов. Эти сообщества формировались не менее чем за неделю до опыта. Животные в разных сообществах (назовем их А и Б) имели и разные метки.

Всех мышей подвергали исходному шестичасовому голоданию. Затем из каждого сообщества выделяли по десять особей, но так, чтобы общий вес животных из различных сообществ был одинаков. Их объединяли в одной ванночке, давали пищу и оставляли в виварии. Прочие (соответственно, из сообществ А и Б) переносились в институт. Здесь животные из сообщества А продолжали голодать, тогда как самцы из Б получали корм.

Затем экспериментатор возвращался в виварий и там ежечасно сортировал животных по меткам и взвешивал их. По сути, шло исследование «товарищей голодных мышей» и «товарищей сытых»**: сначала десять мышей из сообщества А (вместе), потом десять из Б (тоже вместе). После каждого взвешивания мыши возвращались в общую ванночку.

По такой схеме мы поставили несколько десятков серий опытов — в разное время года, в течение шести лет. И наше терпение было вознаграждено. Мы обнаружили эффект, который проявлялся настолько ярко, что не оставлял места никаким сомнениям. «Товарищи голодных мышей» (из А) более интенсивно прибавляли в весе, чем «товарищи сытых» (из Б)!

* С. Сперанский, «Феномен Сарнова и что с ним делать». «Знание — сила», № 9 за 1990 год.

** Приносим извинения за странно звучащие (применительно к мышам) словосочетания: «товарищи сытых» и «товарищи голодных». Мы не вкладываем в это какого-либо антропоморфного смысла. Они лишь заменяют пространные описания, когда речь идет о сравнении животных из разделенных сообществ.



Фото В. Бреля

Различие этой направленности наблюдалось во всех без исключения сериях. Оно достигало максимума через три-четыре часа после начала опыта (в среднем на 6,0 г), потом уменьшалось.

Разумеется, мы провели контрольные опыты, в которых удаленные мыши находились в равных условиях. И те и другие получали пищу. Опыты с воздействием разительно отличались от контрольных.

Выводы казались мне очевидными. Полученные результаты я трактовал так: чувство голода передается от одних членов сообщества другим на расстоянии, минуя известные каналы восприятия. С такой трактовкой я опубликовал в 1975 году накопленные к тому времени данные. Некоторые исследователи повторили наши опыты, получив аналогичные результаты.

Здесь необходимо остановиться на вопросе, который при изложении «объективных данных» выносится за скобки, никогда не обсуждается в статьях и отчетах: с каким **настроением** экспериментатор приступал к опытам? Для меня это было радостное предвкушение удачи, гурманского наслаждения от еще одного подтверждения найденной прекрасной закономерности. Где-то на заднем плане, быть может, присутствовала тревога: а вдруг на этот раз не получится? Но она таинственным образом лишь усиливала мажорное эмоциональное напряжение, и вот награда — недаром старался, недаром переживал. Такова примерно была гамма чувств.

И вот в 1980 году я получил письмо от В. Л. Ратнера, сотрудника Института биофизики в Пущине. Он сообщал, что поставил значительное число серий на специально заказанных для этой цели мышах и не наблюдал заявленного эффекта. Ратнер предлагал: он приедет в Новосибирск, и при нем я проведу несколько серий. Потом мы совместно обсудим результаты. Это предложение я принял.

Я поставил восемь серий опытов в при-

сутствии В. Л. Ратнера. Мой оппонент держался безупречно: никаких знаков иронии или недоверия — спокойный, доброжелательный наблюдатель. Единственная «поправка» к моей форме опыта — жеребьевка перед разделением мышей: какой из двух выравненных по весу групп быть «товарищами сытых», а какой — «товарищами голодных». Однако мое состояние изменилось радикальным образом. От мажорного настроя, такого привычного при работе без «экзаменатора», не осталось и следа. Доминанта была: «Какой ужас, если не получится!» И не получилось. Во всех восьми сериях эффект не наблюдался.

После отъезда Ратнера я поставил еще несколько серий. Результат оказался почти нулевым, лишь слабый намек на тот, который я многократно фиксировал ранее.

И здесь у меня возникла новая идея.

Мы просто-напросто неправильно трактовали все результаты. Дело не в отношениях между мышами, а во мне самом! Скорее всего, «телепатической» передачи информации между мышами не существует. Видимо, во время экспериментов происходило воздействие **моей собственной** установки на животных. Именно поэтому до приезда Ратнера все опыты удавались, а после, когда сомнение было посеяно, — нет.

Чтобы проверить возникшую идею, я поставил восемь серий опытов. Все они проводились на коротком отрезке времени — за два дня. Я торопился: для проверки новой гипотезы главную роль играло мое психологическое состояние. Пока, как и требовалось, фон моей эмоциональной заинтересованности в подтверждении новой гипотезы был очень высок. Ведь если бы она **не подтвердилась**, исключалось бы разумное объяснение всей совокупности полученных данных, и моя добросовестность как исследователя осталась бы сомнительной (в глазах критиков)...

Новая форма опыта была чрезвычайно простой.

После дозированного голодания внутри «старых» сообществ выделялось две группы по десять мышей одинакового суммарного веса.

Обе группы находились вместе и одновременно получали пищу. Жребий определял, в какой из них желательно развить большой аппетит. Беря в руки мышь из группы «приговоренных к многоедению», я внушал себе (ей?), что она сильная, здоровая, с отличным аппетитом. И наоборот (если мышь оказывалась из другой группы) — что она слабая, больная, будет есть мало. Разумеется, при этом ежечасно производились сортировка и групповое взвешивание животных, как и в ранее описанных опытах. Отличие было в том, что теперь я при каждой сортировке **сознательно** старался воздействовать на мышей.

Результаты оказались очень похожими на те, которые я получал до приезда Ратнера. Через три часа после начала опытов наблюдался максимум эффекта. Направленность его во всех случаях совпадала с запрограммированной. Иными словами, мыши, которых я «уговаривал» есть больше, действительно насыщались интенсивнее, чем животные другой группы. Среднее отличие в прибавках массы по трехчасовому определению составляло 6,2±0,6 грамма. О высочайшей достоверности этого отличия говорить не приходится — она очевидна.

Спустя два месяца я воспроизвел еще раз аналогичные эксперименты. Эффект, как я и ожидал, отсутствовал. Но теперь никакого разочарования я не испытывал. Напротив, такой результат придал моей новой трактовке логическую завершенность.

По-видимому, все или, по крайней мере, многие люди в принципе способны оказывать влияние на животных в соответствии с установкой на определенный эффект. Однако это возможно лишь на фоне высокой эмоциональной заинтересованности и веры в результат.

Я приступил к опытам с исходной гипотезой о наличии энергоинформационной связи между мышами. Желание, чтобы моя гипотеза подтвердилась, присутствовало при проведении каждой серии опытов. Оно и только оно обусловило все наблюдавшиеся сдвиги. Совершенно очевидно, что имело место не взаимодействие мышей, а воздействие на них человека.

Письмо Ратнера, его приезд, само присутствие скептически настроенного наблюдателя изменило наше психологическое состояние. Даже после отъезда Ратнера сомнение, посеянное им, осталось, «настрой на результат»* был подорван. Он возник опять лишь на короткий срок вместе с рождением иной гипотезы. Как только недоумение разрешилось и моя новая трактовка нашла подтверждение в опытах, эффект «настроя» исчез*.

Чтобы избавиться от последних сомнений, мы провели еще одну группу опытов. Их цель была прямо противоположна начальной. Теперь я хотел окончательно убедиться в том, что между самими мышами энергоинформационная связь отсутствует. Понятно, что заинтересованный человек не мог принимать участие в таких опытах. Вот почему мне пришлось прибегнуть к помощи ничего не подозревающей лаборантки.

*Я пользуюсь случаем, чтобы выразить Владимиру Лазаревичу Ратнеру искренюю признательность за его участие в установлении истины.

Мы использовали самую первую форму эксперимента. Лаборантка же ничего не знала о цели опытов и не интересовалась ею. Она была, в полном смысле слова, техническим исполнителем заданных программ. Мы поставили в общей сложности около полусотни серий опытов. Результат, как и следовало ожидать, оказался нулевым.

Так завершилось наше исследование. Чего же мы добились? Обнаружить дистанционное взаимодействие между мышами нам так и не удалось. Однако к феноменологии связи «человек — животное» наши эксперименты добавили элементы нового знания.

Прежде всего — о самих фактах. Они наглядно демонстрируют громадные возможности экспериментатора по получению тех эффектов, которые ему нужны. Именно здесь скрывается одна из постоянных причин получения добросовестными исследователями ложной информации. На основании проведенных опытов они делают вывод о «достоверном» влиянии исследуемых факторов на биологические объекты. В действительности же зачастую такие факторы «воздействуют» на животных (и, по-видимому, на растения) лишь вторично — через установку человека. Видимо, этим объясняются результаты многих биологических экспериментов, которые воспроизводимы у одних авторов (первооткрывателей «явления») и не получаются у других.

Кроме того, обнаруженные нами факты могут найти и практическое применение, правда, несколько неожиданное.

Речь идет о тестировании потенциальных (или уже доказавших свои способности) экстрасенсов. Возможность прямого энергоинформационного воздействия человека на аппетит белых мышей позволяет количественно оценивать необычные способности (контролируя массу тела подопытных животных)*.

Кстати, выдающиеся экстрасенсы могут влиять на аппетит белых мышей и бесконтактно. Такое влияние мы наблюдали.

И все же главный итог исследования я вижу в другом.

Обычно энергоинформационные воздействия капризны, неустойчивы, имеют явно выраженную тенденцию к спаду. В наших же опытах эффекты данного типа были стабильны на протяжении нескольких лет.

Возникает вопрос: в чем причина столь удивительной стабильности? Она, на первый взгляд, парадоксальна: необходимо сочетание двух, казалось бы, взаимоисключающих условий. С одной стороны, требуется эмоциональная заинтересованность индуктора в конкретном результате. А с другой — его убежденность в том, что сам результат зависит не от его установки, а от иных, «объективных» факторов.

При соблюдении таких условий эффект как бы консервируется, то есть сохраняется очень долго, возможно, неограниченно долго. Именно поэтому я предлагаю дать обнаруженному феномену не совсем обычное название: «эффект консервации эффекта».

Лишь сугубо стрессовая «экзаменационная» ситуация способна его разрушить. Но как только происходит **осознание** связи эффекта с установкой, вступают в силу общие особенности энергоинформационных отношений. На высоте эмоционального подъема, своеобразного вдохновения, успех возможен, но удержать «высоту» чрезвычайно трудно. Такое удается лишь немногим, особо одаренным экстрасенсам.

Здесь уместно привести случай, о котором я узнал от Х. М. Алиева. (Этот замечательный исследователь занимается регуляцией функций организма через движение.) Его рассказ был реакцией на мое сообщение об «эффекте консервации».

Когда-то Алиев работал в клинике, где применялось лечение электросном. За процедуру отвечал врач, функция которого сводилась, как он полагал, к включению аппарата, генерирующего нужные волны. Вилка вставлялась в штепсель, сигнальная лампочка загоралась, и через несколько минут группа пациентов засыпала.

Так продолжалось довольно долгое время. Но вот кто-то из сотрудников заявил, что аппарат списанный: он не работает, включается только лампочка. Проверили. Так и оказалось. На летучке врачу сказали: «Все дело — в тебе! Ты усыпляешь пациентов. Но поскольку цель достигается, продолжай в том же духе». Врач согласился. Однако после летучки на первом же сеансе (разумеется, при соблюдении ритуала) никто не заснул...

Какой же вывод?

В «эффекте консервации эффекта» я вижу ключ к изучению феноменов энергоинформационного обмена. Явления такого типа удастся стабилизировать, если обеспечить индукторам ритуалы, якобы ответственные за реализацию воздействий. Вероятно, со временем эти искусственные подпорки можно будет устранить — при сохранении стабильности эффектов. Тут, в сущности, мы имеем дело с задачей педагогики для экстрасенсов — области знаний, еще недостаточно разработанной, но у которой, несомненно, большое будущее.●

* Важно, что мыши в этих опытах фактически не расходуются. В дальнейшем их можно использовать в любых других экспериментах.

По страницам журнала «Америкэн сайентист»

Журнал «Америкэн сайентист» выходит с начала нашего века. Это научно-популярный иллюстрированный журнал, знакомящий читателей США и других стран с последними событиями в научной жизни, новейшими открытиями, гипотезами. Статьи ведущих ученых Америки охватывают все области науки. В журнале также печатается раздел новинок научной литературы и реклама. Мы предлагаем подборку рефератов, сделанных по наиболее интересным, на наш взгляд, статьям журнала за 1989 год.

Муравьи-коллективисты

Муравей — одно из самых простых насекомых. Сто муравьев, помещенных на гладкую поверхность, будут ходить кругами, пока не умрут от истощения. Но в больших количествах они представляют совсем другую картину.

Одна колония лесных муравьев, обитающих в Южной Америке, насчитывающая 500 000 членов, способна сделать из собственных тел гнездо и поддерживать в нем температуру с точностью до одного градуса. За день колония может пройти путь в 200 метров по тропическому лесу, ни на градус не сбившись с пути. Муравьи могут создавать специальные команды, которые переносят очень тяжелую добычу. И даже матку они выбирают вполне демократическим путем.

Своим поведением муравьи демонстрируют способность, несомненно большую, чем у любого другого вида (кроме человека), решать коллективно проблемы, не подвластные одной особи. Американский ученый Найджел Фрэнкс сравнивает колонию муравьев с человеческим мозгом, состоящим из ств миллиардов нейронов, каждый из которых в отдельности не способен на простейшую операцию.

Колонии муравьев позволяют решать сложнейшие проблемы взаимодействия до пяти миллионов особей, и у каждой из них — менее ста тысяч нейронов. Таким образом, колония представляет собой универсальную модель сознания, ибо любое сознание, естественное или искусственное,— это система взаимодействующих элементарных процессоров для манипулирования символической информацией.





Снова на Луну?

Почти двадцать лет прошло с тех пор, как люди в последний раз побывали на Луне. Сегодня в США подумывают о том, чтобы возобновить полеты на Луну, в частности для добычи полезных ископаемых.

Во многих отношениях Луна может показаться наименее пригодным для этого местом во всей Солнечной системе. Она крайне обделена ценными химическими элементами по сравнению с Землей, Марсом, Венерой и астероидами. Некоторые ученые считают, что на Луне есть только горы шлака, пригодного лишь для изготовления сувенирных пепельниц, и что на проекты добычи на ней полезных ископаемых не стоит тратить время. Другие же, в том числе американский геолог Дональд Берт, считают, что сто́ит. Основания для этого — близость Луны к Земле, относительно небольшое притяжение (легкость выхода в космос), возможное использование Луны как базы для научных исследований и испытания оборудования для полетов на другие планеты, а главное — возможность добычи из лунного грунта основных компонентов химического ракетного топлива: водорода и особенно кислорода, содержащегося в лунном грунте в больших количествах.

За все в ответе

Меняющиеся условия жизни на планете требуют новых правовых норм. Представительница Общества права Джорджтаунского университета Эдит Вайс, выступившая на симпозиуме по вопросам экологии в Колорадо, считает, что все люди на Земле, включая еще не рожденных, — ее равноправные владельцы. Поэтому каждое поколение обязано предоставлять следующему компенсацию за все негативные изменения, происшедшие в окружающей среде в результате его деятельности. Этому могут служить особые «фонды для последующих поколений», создающиеся за счет налогов на некоторые отрасли промышленности. Например, предприятиям, работающим на твердом топливе, придется платить за увеличение количества углекислоты в атмосфере.

Примеры такой компенсации уже известны. Например, добровольное решение компании, строящей мощнейшую тепловую электростанцию в Гватемале, выделить гватемальским фермерам 2 миллиона долларов для посадки 52 миллионов деревьев.



Чем болели ящеры?

В последнее время активно развивается палеопатология, занимающаяся изучением болезней вымерших животных. Современные методы и оборудование позволяют на основе исследования ископаемых остатков и скелетов поставить диагноз не менее точный, чем при обследовании живых пациентов.

Палеонтология располагает обширнейшей информацией об анатомии и даже о внешнем виде вымерших животных — полагают, что школьник, перенесенный машиной времени на 20 миллионов лет назад, смог бы узнать их и дать современные научные названия наиболее живописных представителей животного мира. Но об их поведении, пище, врагах раньше можно было лишь предполагать. Ценность исследований палеопатологов в том, что они дают об этом точные сведения.

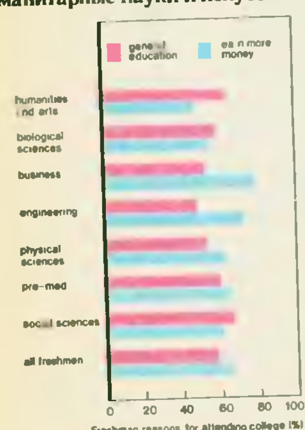
Так, при исследовании патологических изменений скелета морского ящера, обитавшего в позднем меловом периоде, было установлено, что они возникли в результате кессонной болезни. Ящеру приходилось слишком глубоко нырять, преследуя добычу.

Лучше быть богатым...

Ежегодные исследования, проводимые Американским советом по образованию и сотрудниками Колумбийского университета, в последнее время обнаружили некоторые негативные тенденции в высшем образовании.

Число первокурсников, решивших серьезно специализироваться в каком-либо предмете, резко упало за последние двадцать три года. В точных науках оно снизилось вдвое.

С небывалым ростом прагматичности стремительно падает у студентов интерес к теоретической науке, а более всего их привлекает сфера бизнеса: с 1972 по 1988 годы число студентов, решивших заниматься бизнесом, возросло с 10,5 до 23,6 процента. Три четверти студентов считают своей главной целью разбогатеть — это по сравнению с двумя пятыми в 1972 году. Мнение, что зарабатывать больше денег — важнее, чем получить высшее образование, не разделяют лишь студенты, изучающие общественные, гуманитарные науки и искусство.



Из жизни омаров

Всякому наблюдательному человеку, который когда-либо видел омаров, и, уж конечно, любому гурману известно, что клешни у омаров неодинаковые: одна легкая и тонкая,



с маленькими острыми зубцами, другая — мощная, тяжелая, с зубцами большими и тупыми. Факт же, известный не всякому гурману, но слишком хорошо ловцам омаров, — то, что это членистоногое может молниеносно и глубоко «цапнуть» легкой резательной клешней (она может закрыться за 20 миллисекунд, что в несколько раз быстрее любого человеческого рефлекса), другая же сжимается медленно, но обладает большой силой и достаточной твердостью, чтобы ломать ракушки моллюсков. То есть различия между клешнями не только во внешнем строении, но еще и в строении и силе мышц, толщине панциря и деятельности определенных участков нервной системы. Легкая клешня используется в основном для защиты, тяжелая — для добычи пропитания.

Если выращивать омара в неволе в определенных условиях, то клешни так и останутся одинаковыми. Ученые обнаружили, что клешни становятся разными, если поместить в аквариум с омарами несколько ракушек или пластиковых пуговиц, либо держать двух омаров в одном аквариуме.

Так кто же прав?

В США нарастает новая волна борьбы в защиту животных — против проведения над ними опытов. Официально исследовательские институты и компании руководствуются Актом Конгресса о защите животных 1966 года, требующим определенных условий содержания подопытных животных, применения обезболивающих средств при экспериментах. Но со времени принятия в закон был внесен ряд изменений, позволяющих компаниям обходить его.

В среднем в Америке используются для опытов двадцать миллионов животных ежегодно. Участники движения требуют уменьшения количества опытов, запрещения испытания на животных промышленной продукции, бытовых веществ.

Особенно активные выступления рождают противодействие: ученые выходят на демонстрации под лозунгом «Подопытные животные спасают людские жизни» и требуют введения более строгих мер по отношению к тем, кто громит лаборатории.

Напряженная борьба последних лет дает положительные результаты: найден ряд альтернативных решений, таких, как использование компьютеров, проведение опытов на бактериях и другие методы, которые позволяют в дальнейшем свести количество опытов над животными к минимуму.

Человек без воспоминаний

Тридцатилетний американец К. С., проходящий курс лечения в одной из психиатрических больниц, страдает необычной формой потери памяти. В результате мозговой травмы, полученной десять лет назад в автокатастрофе, после которой К. С. пролежал трое суток без сознания, он не может вспомнить ничего из того, что с ним происходило в прошлом. Вместе с тем больного никак не сочтешь умственно отсталым, его знания довольно обширны, хотя и недостаточны для здорового человека. Он помнит и события собственной жизни, но рассматривает их с точки зрения скорее наблюдателя, чем участника, — все его воспоминания носят отвлеченный характер. Ему известно, что у его семьи есть дом и что он сам жил там, но К. С. не помнит, как дом выглядит. Умеет играть в шахматы, но не помнит, играл ли в них когда-либо в прошлом.

Больной не может также создавать в воображении образы будущего, поэтому он живет в постоянном настоящем.

Этот случай ярко иллюстрирует тот факт, что у человеческой памяти есть две подсистемы — эпизодической информации, то есть личные воспоминания, и семантической информации. Подсистемы тесно взаимосвязаны, первая зависит от второй и частично подчинена ей, но имеет, как мы видим, важное самостоятельное значение.



В номерах 4, 6 и 7 журнала была опубликована серия статей Б. Равдина под общим названием «История одной болезни». В публикуемой ниже статье автор подводит итог исследованию обстоятельств болезни В. И. Ленина. Свою точку зрения на исследование Б. Равдина излагают доктора исторических наук В. Лельчук и В. Старцев.

Б. Равдин

История одной болезни

Глухая исповедь?

Героям, находящимся на пороге смерти, русские писатели часто отводили время и страницы для подведения итогов, осмысления пройденного пути. Такая же возможность — более полугода — была предоставлена В. И. Ульянову (Ленину). Сумел ли он распорядиться ею? Можно ли проникнуть во внутренний процесс, дешифровать фрагменты поведения?

Размышления, связанные с приближающимся финалом, стали проявляться впервые не позднее второй половины 1921 года. К этому же времени относится и фиксированный сдвиг в его мироощущении, вызванный и нежеланием России покорно следовать в уготованные кущи, и неспособностью советской администрации эффективно управлять страной, и отсутствием реальных признаков приближающейся мировой революции.

Давно решенные вопросы — кто виноват? что делать? — вновь выплывали из небытия. И было не совсем понятно, в каком плане их решать: в кардинальном или частном. Судя по тому количеству мелочных дел, которые, к удивлению окружающих, занимали Ленина в 1921—1922 годах, он очень хотел увидеть в этих вопросах их частное происхождение: виноваты, скажем, чиновники — наказать, проконтролировать, сменить, еще раз проконтролировать, карать... Виновато временное структурное несовершенство аппарата — улучшить, усовершенствовать, реорганизовать, перестроить на знакомых основаниях.

Однако сколько ни бился Ленин над разрешением проблем, которые он долго не хотел признавать лишь производными, сроки реализации конечной программы приходилось отодвигать все дальше и дальше, ее контуры должны были становиться все более зыбкими, а вопросы — все более четкими. И одновременно пришла быстрая утомляемость, постоянная раздражительность, гневливость, повышенная чувствительность к шуму, температуре, участились приступы бессонницы. Осенью 1921 года Ленин говорил брату о «нежелании работать».

Последний феномен нельзя объяснить только развивающейся болезнью, как считал Д. И. Ульянов. Когда партнером Ленина выступала заграница — дела о концессиях, международные конференции, эпизод со Всероссийским комитетом помощи голодающим...— трудоспособность и энергия Ленина немногим отличались от прежней. Но там, где дело касалось внутренней жизни страны и партии, он уже не всегда понимал, как следует распорядиться находящейся в его руках (и уходящей из его рук) властью, в каком направлении следует эту власть использовать. Похоже, он начинал понимать, что эффект его коротких и требовательных записок, телефонных звонков, устных распоряжений, комитетов, совещаний, комиссий был столь невелик, что им можно было пренебречь, по крайней мере временно пренебречь. А высвобожденное время попытаться употребить для решения проблем ближайшей и отдаленной перспективы. С небольшими перерывами отпуск, взятый им в середине лета 1921 года, продолжался до конца мая 1922, до первого серьезного приступа болезни. Нельзя сказать, чтобы отпуск был использован Лениным плодотворно: задуманная разработка теории «государственного капитализма» развития в эти месяцы не получила. Теория «не задалась», возможно, потому, что требовала чрезмерных отступлений от принятой концепции социализма, и время, отведенное для разработки новых идей, Ленин все чаще и чаще отдавал «будированию» текущих вопросов, какую-то часть времени отнимали размышления о смерти.

Ленин приближался не столько к тому возрасту, сколько к самовосприятию, осложненному дальними симптомами болезни, когда мысль о смерти, о собственной смерти, вплеталась в любую другую мысль. Во второй половине августа 1921 года он беседует со старым большевиком А. Г. Шлихтером по поводу отъезда последнего за границу на дипломатическую работу. И вдруг Ленин, прерывая собеседника, замечает: «А вы уже знаете, Саммер умер? Еще один...» Шлихтер: «Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича. Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся на первый взгляд все тем же давно знакомым Ильичем, в действительности был в этот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то упорно думающим в то время, как мне казалось, что он слушает меня».

Несколько месяцев спустя, в конце ноября, подобным образом развивалась последняя беседа Ленина с М. Ф. Андреевой, которая, как и Шлихтер, собиралась в долгий отъезд,— беседа разворачивалась в жанре прощания, позволявшем некоторую открытость. Говорили о кинематографе. «По обыкновению я волновалась, горячилась,— вспоминала Андреева в январском 1924 года письме Горькому,— он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: «Какая вы еще, М. Ф., молодая! (И. А. Саммер и Ленин — одногодки, Андреева — двумя годами старше.— *Б. Р.*) Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я уставать стал. Сильно уставать». И так мне жалко его стало, так страшно. Мы крепко обнялись с ним, и я вдруг почему-то заплакала, а он, тоже отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо».

Надо полагать, что пугала Ленина не столько сама смерть, сколько ожидание ее в условиях перелома идей и надежд. В 1918 году, после покушения, он был в большей степени готов к смерти. Уйти в ситуации, пусть на сегодняшний день сложной для революции, но убежденным в ее ближайших ослепительных результатах; к тому же уйти смертью Марата — в таком положении смерть можно встретить легко и с достоинством, можно даже не бежать ее. В мае 1922 он или мрачно встречает врачей, или наступает на них, ища ответа на вопрос о характере и возможном развитии болезни:

«Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?»

Крупская говорила, что Ленин «...с самого начала болезни попросил достать ему медицинские книги, обложил себя ими и принялся за изучение своей болезни — больше всего по английским источникам». Чтение медицинской литературы в сочетании с реальными признаками болезни, кажется, все более убеждало Ленина в правоте его собственных предположений о конечном результате болезни, о том, что ему грозит паралич. Эта идея становилась навязчивой. Зиновьев рассказывал, что Ленин «...еще в 1922 году иногда говорил близким и друзьям: «Помяните мое слово, кончу параличом». «Мы десятки раз пытались превратить все это в шутку. Но он, ссылаясь на примеры, говорил, как бы не окончить так же, как такой-то имярек, а может быть, еще и хуже».

Надежда на выздоровление все же не покидала его, по крайней мере после удара 1922 года. А вдруг действительно причина болезни исключительно в переутомлении, «нервы сдают», стоит как следует отдохнуть — и все наладится?

А если выйти из игры? Революция и гражданская война выиграны — этих очевидных заслуг не скинуть со счетов. Следующий этап развития революции должны взять на себя другие. Может быть, выйти из игры?

Летом 1922 года эта идея на время завладела Лениным. Не только окружающим, но и себе все можно было объяснить болезнью, рекомендациями врачей. М. И. Ульянова приводит его резюме лета 1922 года: «Если нельзя заниматься политикой (...), буду заниматься сельским хозяйством». Ленин собирался выписать семена из Америки и Канады; образцы растений, выведенных отечественным селекционером И. Мичуриным, были доставлены в Москву и весной следующего года должны были быть высажены в Горках. В прогулках по парку Горок Ленин с М. И. Ульяновой «...прикидывали и обсуждали, где что можно будет рассадить, где надо устроить питомник и пр.» «Пусть ни один клочок земли не останется здесь неиспользованным»,— входил в роль будущего сельского хозяина Ленин. Г. Клемперер, находившийся летом 1922 года в Горках, вспоминал, что после первого удара его пациент стал присматриваться к выращиванию шампиньонов и уходу за кроликами.

К осени 1922 Ленин, оправившись несколько от болезни, ушел от проблем селекции и вернулся к более знакомому селекционному материалу. Но все же, настигнутый в декабре 1922 очередным приступом, заканчивая ликвидацию своих дел, он поручает разобрать книги в своей библиотеке и литературу по сельскому хозяйству просит передать М. И. Ульяновой. И еще одна деталь растениеводческих увлечений Ленина: горшочки с пшеницей, просом, ячменем, овсом, гречихой в его доме в Горках.

В 1922 году для Ленина, размышлявшего о своей болезни, в ожидании паралича, существовал еще один выход. В характерной для него манере он думал о нем в 1911 году под влиянием известия о самоубийстве Лафаргов. Делился тогда с Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги». Еще до первого серьезного приступа Ленин взял со Сталина слово доставить ему в случае угрозы паралича цианистый калий.

30 мая 1922 он настоял на вызове Сталина и заявил ему, «...что время исполнить данное раньше обещание пришло». Расцеловались. Но, переговорив с М. Ульяновой и Бухариным, Сталин вернулся к больному, сказал, что можно подождать, что врачи убеждены: не все еще потеряно. Ленин согласился, дал себя убедить в том, что майский приступ — еще не «звонок». Известно, что и в зимние месяцы 1923 года тема паралича не покидала Ленина. После мартовского приступа вернуться к просьбе он не мог уже физически, да, возможно, и не хотел. Та энергия, с которой Ленин стремился в конце своей жизни преодолеть болезнь, может свидетельствовать о том, что в эти дни у него не было стремления опередить естественный ход событий.

В июне 1922 года Ленин говорил врачам, наложившим временный запрет на работу: «Надо, чтобы мне дали возможность чем-нибудь заняться, так как, если у меня не будет занятий, я, конечно, буду думать о политике. Политика — вещь, захватываю-

щая сильнее всего, отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, а его нет».

Во второй половине 1923 — январе 1924 года Ленин, кажется, был близок к тому, чтобы такое занятие обрести.

Направление интересов Ленина в последние месяцы жизни при всей ограниченности его возможностей было довольно многообразным: партийная дискуссия и конференция, революция в Германии, политическая активность населения России, развитие сельского хозяйства и прочее. Но чудится, что все эти проблемы рассматривались теперь Лениным в первую очередь в качестве аргументов оправдания собственной жизнедеятельности или перспектив ее оправдания потомками.

В последние два-три месяца жизни, подстегнутый полупрощальной поездкой в Москву, он, кажется, несколько расширил спектр аргументации, несколько скорректировал ее с тем, чтобы обрести желанный результат — оправдать свой путь, который уже давно и бесповоротно был оправдан ближайшими соратниками.

Источник наших почти эфемерных предположений можно попытаться найти в том внимании, которое Ленин стал уделять «Лениниане».

В 1920 году отмечалось его пятидесятилетие. В те юбилейные дни Ленин активно и, похоже, искренне демонстрировал пренебрежение к «вящей славе». В эти же дни он деловито просмотрел немногочисленную юбилейную литературу, точнее, даже часть ее, отметил фактические ошибки и наверняка забыл о ней.

На закате своих дней он вновь обращается к юбилейной литературе 1920 и других годов, но на этот раз уже более пристально. Об этом, в частности, говорит письмо Крупской Троцкому, писанное ею по окончании траурных торжеств:

«Дорогой Лев Давидович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам».

В письме Крупской речь, очевидно, шла о статье Троцкого «Национальное в Ленине», впервые опубликованной в юбилейном номере «Правды» за 23 апреля 1920 года. За границей Троцкий опубликовал письмо Крупской и снабдил его комментарием, подчеркивавшим основную мысль статьи: «В книжке, которую Владимир Ильич просматривал за месяц до смерти, я сопоставлял Ленина с Марксом. Я слишком хорошо знал отношение Ленина к Марксу, полное благодарной любви ученика, и — пафос дистанции. Я нарушил в своей статье традиционный пафос дистанции. Маркс и Ленин (...) были для меня двумя предельными вершинами духовного могущества человека. И мне было отрадно, что Ленин незадолго до кончины со вниманием и, может быть, с волнением читал мои строки о нем, ибо масштаб Маркса был и в его глазах самым титаническим масштабом человеческой личности».

Второе письмо Крупской адресовано Горькому — письмо от 25 мая 1930 года: «И все вспоминалось мне,— я раз уже писала Вам об этом,— как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал».

Что вновь привлекло внимание Ленина к статье Горького «Владимир Ильич Ленин», которую он в 1920 году, в момент публикации, резко осудил, пожалел о невозможности конфисковать номер журнала, внес в Политбюро следующий проект решения: «Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» статей Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но много а н т и коммунистического». В журнале Горький развивал свою идею периода «Новой жизни» (1917—1918), что «для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных», что в грандиозных планах Ленина — социального реформатора, народ России «должен пережить все драмы и трагедии», на которые он, впрочем, и обречен «по логике бездарной истории своей».

В условиях 1920 года статья Горького была абсолютно вредна тактически и заслуживала осуждения. Когда вопросы тактики были уже сняты с повестки дня, в статье могли обнаружиться иные строчки, важные для Ленина конца 1923 года, например: «Сторонник теории, утверждающий, что роль личности в процессе развития культуры ничтожна, В. И. Ленин — источник энергии, без влияния которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею». Статья Горького и в 1923 году не укладывалась в марксизм, но в ней теперь могли угадываться другие достоинства.

В другом письме Горькому упомянута еще одна работа, привлекшая внимание Ленина. Ее автор — А. Гильбо, один из «советских французов», социалист. В ноябре 1919 Гильбо известил Ленина о своем намерении в рамках Бюро III Интернационала подготовить брошюру о «руководителях большевистской революции и строителях Советской республики». На полях письма Ленин ответил: «Не стоит о лицах». Но в конце 1923 года эмоциональный подъем Ленина при свидании с недавно вышедшей восторженной книгой был столь глубок, что он, лишенный в болезни активного словопроизношения, без длительных повторных упражнений произнес несколько раз: «Ильбо, Ильбо».

Работа Гильбо была закончена в январе 1923 года. Возможно, ее направление было уже заранее известно Ленину или с книгой в общих чертах его могла ознакомить А. И. Ульянова-Елизарова, просматривавшая русский перевод. Эта первая «толстая» биография Ленина только в 1924—1925 годах вышла пятью изданиями. П. И. Лебедев-Полянский в своей рецензии так отозвался о ней: «Это дифирамб товарищу Ленину и его учению о диктатуре пролетариата и захвате рабочим классом государственной власти. (...) С каждой страницы веет глубоким настоящим чувством уважения, любви, если хотите, преклонения перед могучей мировой фигурой товарища Ленина».

Крупская говорила, что в последний период жизни Ленин активно «интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами». Одно из приветствий-пожеланий он долго не выпускал из рук: «Ты, имя которого, как знамя,— гласил адрес рабочих,— как путеводная звезда, с любовью хранится в сердце не только каждого члена РКП(б), не только каждого члена РКСМ, но и каждого рабочего и крестьянина, ты нужен нам теперь, в момент развивающейся германской революции, как нужен ты нам во дни труда, во дни горя, в дни радости. Мы следим с напряженным вниманием за ходом твоей болезни и с радостью встречаем каждый шаг улучшения в твоем здоровье. Мы уверены, что твой мощный дух поборет злой недуг, и с нетерпением ждем дня, когда раздастся радостный клич во всем мире: „Великий кормчий вновь здравый у руля корабля революции. Привет тебе, дорогой товарищ и вождь, здравствуй на многие годы"». Подобная словесная реакция народа никогда не воспринималась Лениным всерьез, но теперь он, видимо, нуждался в специфической психотерапии, иначе трудно объяснить его внимание к этому письменному доказательству «связи-любви».

Трижды перечитывали Ленину статью Н. И. Бухарина, в которой многократно повторялся тогда еще новый термин — «ленинизм». Что важнее было для Ленина в этой статье — полемика «Правды» с Троцким или терминологический рефрен «ленинизм»?

Откуда у Ленина возникла такая мощная потребность в косвенных доказательствах истинности своего бытия? Нельзя ли предположить, что в последние месяцы своей жизни, исследуя пройденный путь, он не нашел в нем достаточных оснований для самоутверждения, для предсмертного покоя и тишины. Закат революционного движения в Европе, сомнительность лелеемых революций на Востоке, неопределенность внутреннего положения в России, нэп — далеко не лучший аргумент для развития мирового революционного процесса, тяжелое наследство, оставляемое им ближайшим товарищам по партии, которые ждут его смерти, партийный аппарат, «порабощенный бюрократией»,— все могло привести его к чувству неудовлетворенности собой и миром, который он оставлял.

Но негативная самооценка, пытаемся утверждать мы, показалась ему настолько неверной, несправедливой, обидной, неутешительной, что он отказывался от дальнейших поисков истины путем самоанализа и в целях самооправдания, компенсации или даже сверхкомпенсации, предпочел ему другие, беспроигрышные приемы. Прежде он почти никогда не искал подтверждения своей правоты в посторонних отзывах и готов был одиночкой противостоять большинству. Лесть раньше ему была не нужна, а значит, и чужда. Он действительно был скромен, поскольку его политическое честолюбие сопрягалось с той грандиозной картиной мирового революционного пожара и почти автоматически наступающего вслед за очистительным огнем царства истины и справедливости для заслуживших это царство. Но когда мировой революционный процесс и его частная практика в России не захотели подчиниться «стройной концепции марксизма», границы честолюбия переместились и настало время для восприятия иных критериев истинности своего пути. Результаты попыток собственного анализа были отставлены. Внешние отзывы питали теперь его сознание и чувство. Отсюда такое пристальное внимание Ленина к юбилейной и близкой ей литературе, приветствиям, пожеланиям.

Но похоже, что где-то на обочине результаты самоанализа бессознательно продолжали существовать и даже обнаруживали склонность к развитию.

Еще несколько деталей в поведении Ленина последнего периода, которые, может быть, могут помочь нам допустить, что процесс самоанализа не был окончательно прекращен. «Иногда часами он сидел задумавшись, даже в присутствии посторонних погружался в свои мысли. Иногда на глазах его навертывались слезы, особенно если он оставался один»,— зафиксировал один из врачей. О частых слезах известно и по другим источникам. Куда отнести «слезы» — к симптому болезни, характерному для атеросклероза, к развитию личности под влиянием болезни?

Всем знаком «традиционный» ленинский жест — вскинутая в приветствии рука с зажатой в ней кепкой. В болезни это движение стало единственным приемом общения Ленина с народом. Кепка стала постоянным его атрибутом. Он, кажется, не расставался с ней и в помещении. Встречает депутацию рабочих: «Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке. (...) Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой». Даже зимой на улице он снимает свой головной убор, обнажая «величественный череп». Зиновьев: «Помню. Совсем недавно, несколько недель назад (...) Владимира Ильича вывозили на прогулку. Приветливо, с доброй ильичевской улыбкой он снимал здоровой рукой с головы свою кепку, здороваясь с (...) товарищами из охраны».

Не исключено, впрочем, что воспоминания и рабочих, и Зиновьева вводят читателя в заблуждение — не было ни кепки в доме, ни приветствия посредством головного убора. Замечание к Зиновьеву: на улице конец декабря — начало января. Ленин, конечно же, в теплом меховом уборе, даже известно, в каком — что-то напоминающее большой рембрандтовский меховой берет. Но ставший к этому времени уже мифологизированным образ — «он простую кепку носит»,— где головной убор выступает в качестве знака социальной ориентированности, так ощутимо тяготеет над Зиновьевым, что его художественное чутье одерживает верх над конкретной исторической деталью.

Но существуют и другие, более правдоподобные свидетельства. Например, курсант, стоявший на часах в Кремле 18 или 19 октября 1923 года: «Ленин обычной своей улыб-

Продолжение на стр. 50

Отрезанный ломоть

Так было всегда. Перед тем как срубить дерево, лесоруб вырезает у основания ствола небольшой ломоть, чтобы придать падающему дереву нужное направление. Несть числа спиленным деревьям и несть числа отрезанным ломтям. Естественно, никто ломти эти не собирает, а лежат они, засоряя лес, гниют, позволяя множиться болезнетворным микробам и всякой другой лесной нечисти. А можно ли по-другому? Оказывается, можно.

В Финляндии, например, все совсем иначе. Здесь не увидишь страшной картины сплошного лесоповала. Если дерево здорово, то рубить его можно лишь по достижении определенного возраста (у сосны, например, сто лет). Зато три-четыре раза в год проводят «рубки ухода». (Читатель, наверное, догадывается, что это — синоним нашей «санитарной рубки».) Доход от подобных мероприятий огромен, порой это 40—50 процентов общего дохода от всей заготовки леса. Хотя чему удивляться? Интенсивность рубок определяется на основе многолетних исследований, которые хорошо финансируются. Разработаны специальные микрокомпьютерные системы. Они собирают и обрабатывают данные о состоянии лесов, а вдобавок позволяют составить карту местности. К поясу «лесоруба» прикреплен микрокомпьютер. Деревья еще не спилены, а уже измерены поштучно пиловочник, балансы в штабелях и перед заготовкой весь древостой на корню.

Впрочем, здесь умеют не только хорошо считать, но и умно тратить. Фирмы не скупятся на расходы, когда речь идет о подготовке кадров, даже если это «простой» рабочий-заготовитель. Может быть, поэтому наши газеты выходят на финской бумаге? Говорят, скупой платит дважды. Интересно, а сколько платит малограмотный скупой?

В. Брель



Начало на стр. 45

кой приветствовал меня, сняв несколько раз торопливо левой здоровой рукой свою кепку».

Движениям с кепкой Ленин, похоже, придавал преувеличенное значение, многократно повторял их.

Для Крупской такое поведение супруга казалось несколько необычным, она выделила его: «Раз его провезли по дороге, он видит, что рабочий красит крышу, он быстро здоровой рукой снимает фуражку». «Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу».

Что было в этом ленинском движении, жесте? Доказательство его способности владеть левой рукой, доказательство его выздоровления, надежда на возвращение к жизни? Поиски собеседников, которых он был лишен в болезни? Воспоминание о трибуне и море восторженных людей перед нею? Или обнажение и склонение головы — след известной формы покаяния?

Нельзя ли совместить все эти предположения?

В. Лельчук, доктор исторических наук
В. Старцев, доктор исторических наук

Уроки двух публикаций

Теперь, когда исследование Б. Равдина опубликовано на страницах журнала «Знание — сила» (см. №№ 4, 6, 7 за этот год) и читатель может составить о нем собственное мнение, пора рассказать о судьбах этой работы и подумать о том, чему учит опыт ее появления.

Первоначально исследование увидело свет за рубежом (альманах «Минувшее», 1986, № 2). По объему оно было более пространно, называлось «Ленин в Горках — болезнь и смерть (источниковедческие заметки)». Автором значился Н. Петренко. Сегодня вряд ли нужно задавать вопрос, почему в середине восьмидесятых годов именно такой способ издания своей рукописи избрал Б. Равдин.

Можно ли было тогда печатать у нас статьи, где Ленин и Троцкий фигурируют почти как соратники, а Зиновьев, Каменев и Сталин — в качестве создателей фракционной тройки внутри Политбюро? Кто бы позволил предать огласке факты, свидетельствующие о неприглядной борьбе за власть, развернувшейся в руководстве партии в дни болезни вождя революции? Тайной за семью печатями оставалась подлинная история болезни Владимира Ильича, поведение его родных, секретарей, врачей, их отношения между собой, общая обстановка и атмосфера, царившие в Горках в последние месяцы жизни Ленина. Не случайно наш автор сомневался в возможности реабилитации Бухарина «в ближайшем будущем».

Но уже через год-два обстановка в нашей стране стала принципиально иной. И если поначалу интерес к истории был связан главным образом с устранением «белых пятен», то вскоре наступил черед концептуального переосмысления событий, персонифицируемых в одном случае в Ленине, в другом — в Сталине. Появись тогда в нашей печати исследование Б. Равдина!

Советские историки познакомились с этой работой во время зарубежной поездки. Не подлежало сомнению: исследование адресовано не столько узкому кругу специалистов, занимающихся проблемами источниковедения, сколько массовой аудитории, широким слоям читателей, которые хотят знать правду о Ленине, об истоках трагедии, разыгравшейся в сфере партийного руководства и пагубно отразившейся на развитии советского общества в целом.

Теперь эта встреча состоялась, и массовый читатель получил в свое распоряжение наиболее полное на сегодняшний день описание последнего периода жизни Ленина.

Такое достижение порождено поистине скрупулезным изучением как мемуарной литературы, так и громадной по объему газетно-журнальной периодики не только двадцатых — тридцатых годов, но и последующих десятилетий. Трудно представить, как столь громадную работу сумел выполнить один исследователь. Но она выполнена. В таком объеме — впервые.

Автор не навязывает свою точку зрения. Даже оспаривая те или иные взгляды, отвергая явные фальсификации, он не дает волю эмоциям. Приоритет — на стороне фактов, достоверность которых сомнений у него не вызывает; если же таковые появляются, нас предупреждают, и мы вместе с автором как бы включаемся в поиск истинной версии. Такой подход к освещению жизни Ленина в Горках в 1923—1924 годах тем более важен, что за последующие десятилетия вокруг него сложилось множество мифов и «свидетельств» разного свойства.

Напомним, разговор идет об исключительно важном рубеже в истории партии, когда еще были возможны альтернативы. Ленину уже ясна необходимость, выражаясь его словами, коренного пересмотра всей нашей точки зрения на социализм. И он вопреки тяжелейшему недугу диктует свои последние статьи, насыщенные теоретическими обобщениями и практическими рекомендациями, нацеленными на политическое преобразование сложившегося после 1917 года строя, на углубление и упрочение нэпа как движения к социализму. Ленин уже понял опасность сосредоточения необъятной власти в руках Сталина.

Подумаем еще раз над тем, кому в этих драматических условиях был больше всего опасен Ленин и почему Фотиева нарушила его категорическое требование не разглашать записи, где оцениваются члены Политбюро и предлагается перемещение генсека на другую работу.

В публикациях Б. Равдина (как в парижском альманахе, так и в журнале «Знание — сила») период с конца 1922 до марта 1923 года освещен весьма бегло. Нет нужды ставить это в вину автору, ибо в центре его внимания история болезни Ленина, относящаяся ко времени пребывания в Горках (с 15 мая 1923 года). Но коль скоро исследователь выходит на более широкие выводы, уместно помнить и о предыстории болезни, во многом объясняющей происхождение раскола в Политбюро, в том числе объединение Сталина, Зиновьева, Каменева в тайную фракционную тройку внутри Политбюро, изначально направленную против Троцкого.

Большой интерес в этой связи представляют мысли автора о том, что еще во второй половине 1921 года Ленин ощущал нервное истощение и некоторые другие признаки приближающегося нездоровья. Уже тогда все меньше времени он проводит в Кремле, все больше — в Подмосковье. Не в ту ли пору реальные очертания принимала борьба за право называться «истинным ленинцем», борьба за власть? В мае 1922 года мозговой удар вывел Ленина на четыре месяца из строя. По свидетельству очевидцев, Владимир Ильич осознал нечто неладное в отношении к себе: «Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже хоронят». Можно спорить о достоверности приведенных слов. Но не стоит забывать о письмах, продиктованных Лениным буквально через несколько месяцев. Их истинность сомнений не вызывает (к слову сказать, часть диктовок, которые обозначены в журнале дежурных секретарей Ленина за период с конца декабря 1922 до 6 марта 1923 года, до сих пор не опубликована).

В любом случае есть все основания утверждать, что, когда в конце 1922 года болезнь вновь приковала Владимира Ильича к постели, он и его близкие достаточно хорошо понимали характер сложившейся в партии ситуации, расстановку сил в руководстве, назревшие противоречия. Отсюда и решительность действий, энергия, целеустремленность, проявленные Лениным при написании последних работ вопреки всем препятствиям.

18 декабря 1922 года Политбюро установило жесткий режим ограничения информации для Ленина. Мы все еще не решаемся дать всестороннюю оценку этому акту, словно забывая о поведении его здоровых соратников летом 1922 года, об интригах одних, пассивности других и т. п. Зловеще выглядит и факт назначения ответственным за соблюдение режима именно Сталина. Подобные факты сегодня не нуждаются в особых комментариях: взаимосвязь между внутрипартийной борьбой и болезнью лидера становится все более очевидной.

Еще совсем недавно эта тематика находилась под запретом. Лишь сейчас приобретают известность многие ранее скрытые документы и материалы, позволяющие судить о реальных условиях, в которых Ленин оказался в конце 1922 года. Историкам предстоит рассказать, чем обернулась для партии изоляция вождя. Здесь, можно сказать, мы только начинаем воссоздавать правдивую картину минувшего.

Впрочем, не будем без конца жаловаться на отсутствие фактов, ведь далеко не всегда мы рачительно используем имеющиеся ресурсы. Подтверждение тому — и еще один урок для исследователей! — статьи Б. Равдина. Разве он опирается на неопубликованные сведения? Жаль, что автор был лишен возможности работать над темой в партийных и государственных архивах. Тем поучительнее результат умелого вовлечения в научный оборот множества сведений, опубликованных, как уже отмечалось, в нашей печати. Читая Б. Равдина, мы лучше, чем когда-либо, начинаем понимать, сколь вредны любые ложные сведения о последних месяцах биографии Ленина, будь то наивные вымыслы или житейские слухи, неизбежные мифы или сознательное искажение истины.

Разбирая множество фальсификаций, автор, кажется, невольно усложнил характер борьбы за власть, явно поглотившей все дела и помыслы претендентов, определявших направленность информации. Автор связывает визиты конца 1923 — начала 1924 года с подготовкой поездки Сталина и Зиновьева в Горки. Они, полагает Б. Равдин, «не могли не предпринять каких-то шагов, чтобы увидеться с Лениным перед его смертью. В глазах партии такая встреча существенно увеличила бы их капитал, необходимый для борьбы с Троцким за право руководства страной». Предположение логичное и все же всерьез не обоснованное. Здесь есть какая-то заданность. Впрочем, можно понять ее истоки. Уж слишком много было секретного вокруг пребывания Ленина в Горках. Трагично, что даже последние дни его жизни использовались во фракционной борьбе. И все же вряд ли Сталин и Зиновьев готовили свой визит в Горки. Можно оспорить и предположение о «ритуальных целях» посещения Ленина делегацией рабочих Глуховской мануфактуры.

Заслуживает дальнейшего анализа литература, содержащая материалы относительно характера болезни, вызвавшей смерть Владимира Ильича. Автор сделал в этом отношении очень много. Дополнительные сведения появились в начале 1989 года. Как сообщил Е. И. Чазов в своем интервью «Аргументам и фактам», в 1969 году была проведена врачебная экспертиза всех медицинских документов, относящихся к болезни и смерти Ленина. По мнению экспертов, операция по извлечению пули, застрявшей у сонной артерии, привела к непредсказуемому результату. Первый инсульт случился уже через месяц после удаления пули.

Будем справедливы. Данная версия не меняет выводов Б. Равдина. Его больше всего интересует поведение врачей, в частности В. П. Осипова и В. Н. Розанова, способствовавших, по мнению Равдина, распространению сплетни о прогрессивном параличе. Автор прослеживает биографии этих врачей, находившихся в поле зрения Сталина и органов ОГПУ. Не претендуя на окончательные выводы, историк снова и снова обращает наше внимание на взаимосвязь множества фактов, уяснение которых необходимо не просто для понимания болезни Ленина, но и для понимания кризиса партийного руководства того времени.

Большое достоинство статей Б. Равдина заключается, как нам представляется, в том, что они в новом свете открывают нам Ленина как борца, не побоимся этих выражений, против сталинизма. Увы, не существует (ибо не было) ни одной ленинской записки, продиктованной после 6 марта 1923 года. Но направление его последних мыслей и образов, заполнявших страдающий мозг, можно тем не менее установить. Анализируя мемуары и документы, Б. Равдин еще не мог знать публикации 1989 года, помещенные в журнале «Известия ЦК КПСС», в том числе воспоминания Н. К. Крупской, некоторые ее письма, записки М. И. Ульяновой. Тем важнее отметить верность хода его рассуждений, правильность основных наблюдений и выводов, сделанных несколькими годами раньше. Сегодня в совокупности с новыми материалами они позволяют с достаточной уверенностью говорить о негативном отношении Ленина к фракционным проделкам «тройки». Недаром в конце 1923 года Крупская, отдавая симпатии «нашей группе», то есть Зиновьеву, Каменеву, Сталину, все же возмущалась методами их борьбы против Троцкого, созданием невыносимых условий для работы последнего, спекуляцией на имени Ленина. Она с горечью писала в дни октябрьского пленума партии 1923 года: да и зачем выздоравливать Ленину, если его соратники так несправедливо пользуются его авторитетом для достижения своих фракционных целей...

Дискуссия с Троцким, продолженная сталинской фракцией в наступательном стиле на XIII партийной конференции (январь 1924 года), чрезвычайно разволновала Ленина. Он просматривал газеты с отчетами о последних днях конференции 19 и 20 января, знал о принятых резолюциях. Видя волнение Ленина, Крупская сказала ему, что резолюции были приняты единогласно. Какой отсюда вывод мог делать Ленин? Видимо, только один: Троцкий окончательно разбит, а Сталин и его сторонники в руководстве партии окончательно победили; раскол, которого так опасался Ленин, произошел.

В своем исследовании Б. Равдин не ставил вопроса о том, кто одержал верх в конечном итоге. Но всем содержанием своих публикаций он связывает события начала двадцатых годов с тем грандиозным переломом, который происходит в жизни партии, всей страны на исходе восьмидесятых. Какие бы споры ни шли сегодня о наших истоках, нельзя не видеть величие идей, высказанных Лениным в час пересмотра им прежних взглядов на социализм. Одни уверяют, будто соратники Ленина не поняли этих идей, другие говорят, что они не захотели претворять их в жизнь, третьи предполагают... Не будем сейчас вступать в дискуссию. Скажем главное. Перестройка, качественное обновление нашего общества невозможны без должного усвоения тех замыслов, которые Ленин изложил в своих последних работах и которые он до последнего вздоха отстаивал даже во время смертельной болезни.

Этими мыслями мы и закончим наше послесловие к статье Б. Равдина, вернее, к его двум публикациям. Хочется верить, что инициатива журнала «Знание — сила» получит продолжение и советский читатель в полном объеме увидит исследование Б. Равдина. Издание такой работы поможет нам еще лучше понять Ленина, почувствовать связь времен, укрепить потенциал исторической науки. ●

ФОТОГЛАЗ

Кукушкин дизайн

Всем известно: обыкновенные кукушки гнезд не строят. Они подкладывают свои яйца, причем всегда по одному, в гнезда других птиц. Как правило, это делается, когда кладка яиц будущей приемной матери еще не закончена. Некоторые птицы, обнаружив в своем гнезде чужое яйцо, выбрасывают его, другие оставляют само гнездо, третьи — просто прикрывают старую кладку подстилкой и начинают новую. Но многие птицы не замечают чужого яйца и продолжают насиживание. Не замечают... А как птица может его заметить, если по расцветке оно такое же, как и ее собственное? Посмотрите на снимок. Перед вами восемь кладок птиц разных видов, и в каждой — яйцо кукушки. Оно чуть больше. Но только в гнездо завирушки, кладка которой в центре, кукушка положила яйцо, не заботясь о его маскировке. Дело в том, что завирушка, как и многие другие виды мелких птиц, не реагирует на появление в ее гнезде чужого яйца. Но как кукушки ухитряются окрасить свои яйца под цвет яиц хозяйки гнезда?



Наша анкета

Редколлегии любого журнала хочется как можно больше знать о своем читателе — о его отношении к журналу, о его общественно-политических взглядах. Поддерживают ли нас читатели? Единомышленники ли мы?

За последние годы перемены стали едва ли не самой постоянной чертой нашей жизни, изменился и журнал. Нас интересует мнение читателей, которые тоже, конечно, меняются.

Заполнить анкету несложно, **перечеркните,** пожалуйста, **цифру** против того варианта ответа, который вас устраивает. Если ваше мнение не представлено, воспользуйтесь оставленной свободной строкой. Заполнив анкету, вырежьте, пожалуйста, этот лист и отправьте его по почте в адрес редакции.

Заранее благодарим вас.

1. *Нравится ли вам журнал в его теперешнем виде?*
1 — да; 2 — нет, 3 — затрудняюсь ответить.

2. *Что произошло в журнале за последнее время?*
1) перемены к лучшему; 2) существенных перемен не вижу;
3) перемены к худшему; 4) затрудняюсь ответить;
5) ... ______

3. *Какие статьи, опубликованные нами за последнее время, вы считаете самыми удачными?* ______

______

4. *Кого из советских или зарубежных ученых, публицистов, журналистов вы хотели бы видеть среди постоянных авторов журнала?* ______

5. *Как к вам попал этот номер журнала?*
1) получил по подписке; 2) прочитал в библиотеке;
3) купил в киоске «Союзпечати»; 4) взял у друзей, знакомых;
5) ... ______

6. *Насколько подробно вы знакомитесь с каждым номером?*
1) читаю все подряд;
2) обращаю внимание только на те разделы, которые меня интересуют (назовите их, пожалуйста);
3) для меня главное — имя автора;
4) листаю журнал, а потом выбираю статьи, которые привлекли внимание;
5) прежде всего читаю то, что посоветовали друзья, сослуживцы, родственники;
6) ... ______

______

7. *Если вы наш подписчик, то с какого года?* ______

8. *Храните ли вы комплекты журнала прошлых лет?*
1 — да; 2 — нет; 3 — частично.

9. *Какие еще журналы вы читаете?* ______

______

10. *Припомните, пожалуйста, сколько денег вы истратили на подписные издания 1990 года?* ______

11. *Какие издания наиболее объективно, с вашей точки зрения, освещают происходящие в стране события?* ______

______

12. *Существуют ли источники информации, которым вы не склонны доверять?*
1 — да; 2 — нет; 3 — затрудняюсь ответить.

13. *Если да, укажите их, пожалуйста.*

14. *Что из прочитанного за последнее время показалось вам наиболее значительным?*
а) из художественной литературы ______

______

б) из публицистики, мемуаров ______

______

У большинства из нас разные взгляды на нынешнее положение страны, но многие согласятся с тем, что наше общество нуждается в переменах. Поэтому мы предлагаем несколько вопросов о тех сторонах нашей жизни, которые беспокоят каждого.

15. *Считается, что за последнее время мы значительно приблизились к открытому обществу. Ответьте, пожалуйста, с какими из приведенных суждений об этом вы согласились бы (выбирете не больше одной позиции):*
1) перемены есть, и это радует;
2) позитивные сдвиги налицо, но необходимы более радикальные изменения;
3) процесс демократических перемен идет, но обнаружились серьезные издержки;
4) реальных перемен к лучшему не вижу;

5) общество движется «не туда»: утрачены важные ценности социализма;
6) перемены привели к потере национальных ценностей;
7) ...

---

16. *Экономическое положение в стране постоянно усложняется, и разные люди по-разному на это реагируют. Как вы склонны поступать в нынешней нестабильной ситуации? Отметьте, пожалуйста, одну из указанных позиций:*

1) приходится мириться с тяготами и неудобствами нынешней ситуации;
2) приспосабливаюсь, уменьшаю расходы на то, без чего можно обойтись;
3) готов больше работать, «прихватывая» дополнительные часы и выходные;
4) хотел бы освоить профессию, на которую сегодня есть реальный спрос;
5) готов уйти из государственного сектора в кооператив, совместное предприятие;
6) предпочел бы уехать на заработки за рубеж;
7) ____________

17. *Как бы вы отнеслись к тому, что кто-то из ваших детей (внуков) захотел:*

	Положительно	Не стал бы возражать	Отрицательно
1) поступить на работу в совместное предприятие;			
2) уехать на заработки на Запад на два-три года;			
3) уехать на Запад насовсем.			

18. *Очень многое, как мы имеем возможность убедиться, зависит от фигуры политического лидера. Что в политическом руководителе представляется вам главным?*

Выберите, пожалуйста, одну позицию:

1) он должен жить заботами простых людей, тогда в него поверят;
2) политический лидер должен быть профессионально подготовленным человеком (управленцем, экономистом, политологом);
3) современный руководитель — это тот, кто умеет выбирать квалифицированных советников, создавать дееспособную команду;
4) в нашей стране сейчас часто возникают непредвиденные ситуации, поэтому необходим тот, кто сумеет быстро принять ответственное решение;
5) лидером в наших условиях может быть только человек с опытом реальной партийной, комсомольской, профсоюзной работы;
6) сейчас необходим твердый человек, способный навести порядок;
7) ... ____________

19. *Если вы согласны с приведенным ниже утверждением, закончите его, пожалуйста.*

Ориентируясь на Запад в современной технологии, в умении рационально и эффективно организовать производство, необходимо все-таки сохранить такие лучшие качества русской культуры, как ____________

---

20. *Если бы вы возглавляли благотворительную организацию, на что вы пожертвовали бы деньги в первую очередь:*

1) возрождение сельского хозяйства;
2) помощь беженцам, пострадавшим от национальной вражды;
3) восстановление храма Христа Спасителя;
4) акции милосердия по отношению к старикам, больным, инвалидам;
5) борьбу с преступностью;
6) возрождение духовности России;
7) помощь участникам Великой Отечественной войны, воинам-афганцам и их семьям;
8) помощь пострадавшим от несчастных случаев, стихийных бедствий, экологических катастроф;
9) создание Российской Академии наук;
10) ... ____________

21. *Некоторые суждения об отечественной культуре знакомы нам с детства и кажутся очевидными. Другие начинают сегодня вызывать сомнения. Кажутся ли вам сегодня бесспорными тютчевские строки: «Умом Россию не понять, /Аршином общим не измерить./ У ней особенная стать — /В Россию можно только верить». Выберите, пожалуйста, одну из предложенных позиций:*

1) это самое глубокое, что было сказано о России;
2) верить важно, но необходимо хорошо знать реальную историю родины;
3) Россия — одна из великих стран, в «общем аршине» нет ничего обидного;
4) сегодня самое главное — именно «понимать»;
5) никогда не задумывался над этими строками;
6) ... ____________

И в заключение — несколько вопросов о вас.

22. *Ваш возраст:* ____________
23. *Ваш пол: 1 — женский, 2 — мужской.*
24. *Ваше образование:* ____________
25. *Род занятий:* ____________
26. *Семейное положение:* ____________
27. *Количество детей:* ____________

А. Гуревич

«Жизнь после жизни», или Нечто о современности и средневековье

Социально-политические процессы в нашей стране, распад жестких идеологических форм, препятствовавших увидеть реальность такою, какова она есть, обнажили тот пласт общественного сознания, который до недавнего времени практически официально не принимался в расчет,— массовую психологию. Правда, еще с 60-х годов было признано ее право на существование, но вплоть до самого последнего времени она мало учитывалась в качестве фактора общественной жизни — ее колоссальная роль игнорировалась, ибо сама природа социально-психологических явлений не может быть по достоинству оценена в тесных и негибких пределах закосневшей идеологии, претендовавшей на тотальную монополию в духовной жизни.

Между тем в рамках гуманитарного знания, и в частности в исторической науке, давно уже возникло направление, изучающее коллективную психологию. Историкам все более становится понятным, что невозможно уяснить социальное поведение людей, их участие в производстве, в творческой деятельности, в религиозной жизни, в быту, если отвлечься от ментальности — ментальности, которой в исторической науке принято обозначать широкий социально-психологический комплекс явлений.

Ментальность отличается от идеологии. Отличается расплывчатостью, неформулированностью, а следовательно и спонтанностью. Она подобна прозе, на которой всю жизнь говорил, сам того не подозревая, мольеровский господин Журден. Она проявляется не столько в виде прямых заявлений и утверждений, сколько в поговорках, в речевых клише и в поступках, с которых можно «считывать» таящиеся за ними модели действительности, руководящие поведением индивидов и общественных групп, толп, масс, народов.

На уровне ментальностей мы имеем дело не с индивидуальной и неповторимой мыслью того или иного мыслителя, поэта, а со стереотипами и привычками, **автоматизмами сознания,** которые, кстати, присутствуют и в самом оригинальном творении гения, удостоверяя, что он — сын своего времени.

Вот пример. Известный немецкий социолог Норберт Элиас, изучая «процесс цивилизации», происходивший в Европе при переходе от средних веков к Новому времени, останавливается на таких примерах. Устройство жилища. Оно не разгорожено на отдельные комнаты, члены семьи вместе со слугами и работниками спят в одном помещении, одну постель делят многие, в частности дети спят вместе с родителями, делаясь свидетелями их сексуальной жизни. И никого это не смущает. Сказанное относится не только к бедным и незнатным. Посещая превращенные в музеи дворцы, мы видим, что расположенные в них покои организованы по анфиладному принципу и не изолированы. Они не дают индивиду обособиться, побыть наедине с самим собой, он все время на людях. Случайно ли художники того времени изображали семейный интерьер вынесенным наружу, на улицу или площадь?

Понятие privacy, индивидуальной обособленности, уединения, изолированности,— одна из центральных ценностей современных европейца и североамериканца — в ту эпоху начисто отсутствовало. Согласно Элиасу, причина заключается в том, что в интересующую его эпоху человек еще не ощущал себя в качестве самодовлеющей атомарной единицы общества, четко отчлененной от всех других. «Барьер стыдливости», который разделяет индивидов, проходил тогда не там, где он проходит ныне.

Природа подобных феноменов не осознается людьми, эти привычки сознания и автоматизмы поведения функционируют помимо их разума и воли. Ментальности

«Знание — сила». Ноябрь 1990



В иллюстрации С. Деулина использованы фрагменты картин Э. Делакруа «Барка Данте» и Р. Гамильтона «Так что же делает современные дома такими особенными, такими привлекательными».

составляют наименее контролируемую критическим разумом, как бы внеличную сторону нашей личности.

Другой пример из нашей жизни. На улице больших городов, в переполненных магазинах и на транспорте мы непрерывно пихаем и толкаем друг друга, наваливаемся на соседей, по большей части даже не замечая этого, мы ведем себя подобно скотам в сгрудившемся стаде, не только не извиняясь перед теми, на кого наступили, но даже не замечая того, что и нас самих беспричинно пинают, не принимают за человеческие существа. Мы одичали.

Это одичание может не затрагивать нашего ясного сознания — на его уровне мы обсуждаем проблемы демократии, свободы и уважения личности. А на другом уровне поведения мы оказываемся не более чем двуногими.

Многие историки, в том числе и те, кто занят изучением истории ментальностей

в разные эпохи и в разных обществах, сетуют на расплывчатость и даже двусмысленность понятия «ментальность». Действительно, ее трудно определить и ограничить от других форм сознания, поскольку она с ними соприкасается и взаимодействует. Я же склонен видеть в этой неопределенности скорее преимущество. Ибо неясность понятия в данном случае отражает природу самого феномена. Любопытная вещь: можно спросить кого-либо «каково твое мировоззрение?» и рассчитывать на получение более или менее вразумительного ответа, но едва ли правомерно вопросить его «какова твоя ментальность?» Он с нею не знаком, он, скорее всего, не подозревает о ее существовании.

Исследователи ментальности находят указания на нее в языках, которыми пользуются члены той или иной социальной общности, в созданиях их ума и рук и, повторяю, конечно, прежде всего в их поведении, вплоть до моды и жестикуляции. Иными словами, эти исследователи пытаются «докопаться» до потаенного пласта сознания людей давнего и недавнего прошлого, потаенного не только от историков, но и от самих носителей этого сознания. Если лишить слово «подсознание» его психологических «обертонов», то историки ментальностей стремятся проникнуть именно в «социальное подсознание» культуры, вскрыть неявные пружины деятельности людей.

Я сказал только что: «история ментальностей». Но, строго говоря, таковой нет и быть не может. Ментальностями историки занимаются постольку, поскольку они хотят проникнуть в специфику данной социальной структуры и присущей ей культуры. Ментальность — неотъемлемый аспект социально-культурного целого. Люди действуют не механически, повинуясь неким законам истории,— они руководствуются собственными интересами, целями и страстями, так же как и той картиной мира, которая заложена культурой в их сознание. Ментальность открывает перед историками субъективный срез истории и именно тот, в котором обнаруживается человеческое содержание исторического процесса. Таким образом, изучение ментальностей (а они, естественно, связаны с принадлежностью к тому или иному социальному статусу, классу, с уровнем восприятия и образованности, наконец, с возрастом и полом) есть составная часть общего социального исследования. Едва ли правомерно говорить об «истории страха», или «истории смеха», или «истории любви», но вполне правомерно заниматься изучением этих и многих других аспектов ментальностей в контексте истории общества.

Изучение истории ментальностей развивается преимущественно на материале европейского средневековья и начала Новой истории. Эти периоды достаточно хорошо освещены разнообразными источниками и вместе с тем настолько удалены от нас во времени, что существующая культурная дистанция дает возможность ставить вопросы о своеобразии образа мира людей того времени. Но значит ли это, что приемы и методы изучения истории ментальностей не применимы к более близким к нам периодам, что они не «работают» при исследовании современности? Я убежден в том, что дело обстоит противоположным образом. Картина мира, система ценностей и образ мышления в каждой социально-культурной общности разные, но ментальность сама по себе — явление универсальное. Ее можно и нужно изучать и применительно к далекому прошлому, и применительно к современности.

Я сказал бы больше. Мы исследуем ментальности людей прошлого потому, прежде всего, что кровно заинтересованы в понимании нашей собственной ментальности. Сопоставляя и противопоставляя историю и современность, мы в этой ситуации культурного диалога познаем самих себя.

Я хотел бы предпринять попытку подойти только к одному аспекту современной ментальности. Речь пойдет ни больше ни меньше как об отношении к смерти и потустороннему миру.

Мысль о загробной жизни, занимавшая центральное место в сознании средневекового человека, не оставляет и наших современников — неважно, верующий он или безразличен к религии. Однако каждая эпоха имеет собственные идеи относительно посмертного существования, мира иного и его устройства.

Когда герой Достоевского предполагает, что ад, возможно, не что иное, как грязная изба с пауками, а персонажи сартровской пьесы после смерти оказываются заключенными в тесной каморке, где продолжают выяснять отношения между собой, и один из них приходит к выводу, что «ад — это другие», то такие и подобные им фантазии писателей и философов, вне сомнения, симптоматичные для умонастроений части интеллектуалов Нового времени, тем не менее относятся к области художественного творчества.

К нашей теме куда большее отношение имеют явления массовой психологии.

В нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 3 февраля 1989 года я прочитал статью о только что опубликованной книге американского врача-терапевта Рэймонда Моуди «Свет по ту сторону». Моуди приобрел широчайшую, воистину всемирную популярность после того, как в 1976 году издал книгу «Жизнь после жизни». В обеих этих книгах выдвигаются аргументы в пользу существования потустороннего мира, притом аргументы не религиозного или умозрительно-философского порядка, но опирающиеся, по утверждению Моуди, на научные данные, собранные им и другими врачами.

Впервые я ознакомился с книгой «Жизнь после жизни» еще в начале семидесятых годов. О чем же эта книга? Опросы множества лиц, которые находились в коматозном состоянии и уже побывали «по ту сторону», прежде чем усилиями врачей были реанимированы, выявляют, по словам Моуди, одну и ту же картину. Человек умирает, и в этот момент, как уверяют многочисленные больные, испытавшие подобные пограничные состояния, его сознание отделяется от своей физической оболочки. Человек, вернее, его дух, со стороны наблюдает свое бездыханное тело, над которым хлопочут врачи.

Однако духовная субстанция умершего не задерживается около места кончины и попадает в некий темный проход или тоннель, после выхода из которого оказывается в каких-то садах, где испытывает неведомые доселе умиротворение и радость. Эти радости умножаются вследствие того, что душа новоприбывшего вступает в общение со своими ранее умершими родителями, детьми или друзьями.

Кроме того, пришелец в мир иной способен увидеть перед собой целостную панораму собственной прожитой жизни со всеми ее событиями и участниками. Отметим, что не только вновь прибывший, но и все, с кем он встречается в этом новом мире, испытывают безграничные счастье и удовлетворение и, по-видимому, чужды каких-либо тревог или забот об оставшихся в живых близких.

Доктор Моуди располагает рассказами только тех лиц, которые скончались на короткий срок и усилиями медиков были возвращены к жизни. В этих случаях, согласно показаниям временно умерших, им некто объявлял о том, что им придется расстаться со вновь обретенными близкими и возвратиться к земной жизни, и они все без исключения испытывали горе и явно не желали этого возвращения. Так или иначе, все собранные Моуди сведения получены из первых рук, от тех, кто сам прошел через состояние клинической смерти.

Люди, испытавшие на себе временную смерть, после реанимации делаются смелее — они не боятся риска и не испытывают страха смерти. Их более живо интересуют нравственные проблемы, хотя этот интерес не связан с религиозностью. Они явно меняются к лучшему, примером чему может служить хотя бы гангстер, который был застрелен в стычке, а после реанимации не только порвал с мафией, но даже организовал школу, где обучает женщин умению противодействовать насильникам и бандитам. Ветеран вьетнамской войны, «воскреснув», не может взять в руки оружие, такое отвращение он к нему испытывает...

Перед нами, вне сомнения, широко распространенный феномен. СБС — «состояние, близкое к смерти»,— испытали, судя по опросам, проведенным в 1982 году Институтом Гэллапа, свыше 8 миллионов американцев. Автор статьи в «Новом русском слове» утверждает, что эти миллионы наших современников «на своем опыте убедились в том, что данные, приведенные в книге «Жизнь после жизни», абсолютно достоверны». Феномен СБС испытали на себе 35—40 процентов лиц, которые прошли через клиническую смерть; чаще это женщины, и процент испытавших СБС неуклонно возрастает. «Восемь миллионов,— прибавляет автор статьи Е. Манин,— это впечатляет, от этого просто так не отмахнешься».

И он прав: от подобных массовых феноменов нельзя отмахиваться. В них нужно вдуматься.

До сих пор, на протяжении всей человеческой истории, утверждения о существовании потустороннего мира и возможности бытия человека после кончины опирались на религию и были связаны с комплексом представлений о бессмертной душе и системе наград и кар, которые она испытает в потустороннем мире; соответственно, кары и награды предполагали суд и Судию. Это убеждение иррационально, но по-своему вполне логично,— иррационально, поскольку, будучи неотъемлемой составной частью религиозного контекста, оно и не требует доказательств, внешних по отношению к этому контексту, и логично, поскольку в системе развитой монотеистической религии понятия Творца, Судии, души и ее существования после того, как она покидает свою земную оболочку, связаны между собой и являются центральными опорными понятиями теологии.

Доктор Моуди предлагает нам нечто противоположное, не религиозный, но, по его убеждению, экспериментально доказанный потусторонний мир, в котором оказываются души или бестелесные субстанции после человеческой смерти.

Историк не в состоянии квалифицированно обсуждать медицинский аспект проблемы. Но в видениях, как и вообще в иррациональном, есть своя логика. Эта логика едва ли может быть объяснена одними только врачами или психологами. И вот

здесь историк культуры и ментальностей может высказать кое-какие соображения. Особенно если он исходит из предположения, что подобные данные надлежит изучать как симптомы коллективной психологии, диктуемой определенной картиной мира, а не как чисто «медицинские факты».

Прежде всего нужно подчеркнуть, что, согласно представлениям средневековых людей, между обоими мирами существовало довольно интенсивное общение. Покойники, не утратившие своей заинтересованности в земных делах, могли наносить визиты живым; особенно часто они являлись друзьям или родственникам с просьбой облегчить их пребывание в загробном мире своими молитвами, заупокойными мессами, постами, подарками святым. Эти соприкосновения и взаимодействия мира живых с миром мертвых изображаются в памятниках средневековой церковной литературы как неотъемлемая черта реальности.

Оживший сообщал, в частности, что в момент, когда его душа покидала тело, она как бы со стороны наблюдала его распростертым на смертном одре. Затем душа отлетала прочь. В одних случаях бесы волокли ее в преисподнюю, в других ангел провожал душу в загробные царства, где ей предоставлялась возможность созерцать муки осужденных грешников и блаженство божьих избранников. Места, которые посещали души временно умерших, — это чистилище или разные отсеки ада. Что же касается рая, то души, предназначенные возвратиться на землю, не удостаивались счастья войти в него, но, находясь поблизости от рая, все же могли созерцать небесное сияние и слышать хоры ангельские. Обычно души странников, которые должны были возвратиться к жизни, не попадали и в самое пекло, лишь со стороны наблюдая адский колодец, из которого вместе со снопами пламени вылетали души навечно осужденных, с тем чтобы через короткое мгновение вновь в него низвергнуться.

По возвращении к жизни странник по тому свету рассказывал окружающим о виденном и пережитом. Этим повествованиям жадно внимали, их записывали, и на протяжении всего средневековья существовал жанр литературы «видений» потустороннего мира. «Божественная комедия» — вершина этого жанра, наиболее совершенное его выражение. Повествования эти имели явную назидательную тенденцию: они должны были внушить верующим страх перед грехом.

Возможно, мое утверждение о спонтанности видений средневековых людей нуждается в разъяснении. Как и в любую иную эпоху, люди средневековья видели сны или имели видения, которые получали окраску их культуры. Религиозный мир, в котором жили все без исключения, давал определенный текст культуры, и оставалось лишь толковать его на свой лад. При этом необходимо учитывать, что человек, рассказывающий о своем сне или видении, переходит из визуального ряда восприятий к словесному пересказу. Он должен как-то строить свое сообщение, и никакого иного языка образов и понятий, которым он при этом пользуется, помимо заданного ему религиозностью и культурой его времени и среды, у него в распоряжении нет. Вполне естественно поэтому, что, пересказывая свой визит в мир иной, визионер оперировал уже знакомыми ему образами. Один из «временно умерших» по возвращении в мир живых говорил, что видел Деву Марию, а признал он ее потому, что она была совершенно такою же, как выглядит ее скульптурное изображение в местной церкви.

Необходимо напомнить о том, что мысль о смерти была теснейшим образом сопряжена в сознании человека той эпохи с мыслью о страшном суде. Этот страшный суд, который свершится после окончания истории рода человеческого и второго пришествия Христа, вместе с тем парадоксальным образом происходил в момент смерти индивида. К одру смерти являлись бесы и ангелы, между которыми разыгрывалась подлинная тяжба из-за души умирающего. Либо он представал пред высшим судией, который предъявлял ему счет его прегрешений и требовал отчета. Сохранились дидактические «примеры» (exempla), в которых повествуется о том, как умирающий грешник (ростовщик или крививший душой адвокат) уже предстоит пред судией на том свете, в то время как окружающие его смертное ложе близкие люди с изумлением и ужасом слышат его ответы на страшном суде.

Главное заключается, повторяю, в том, что смерть осознавалась в качестве момента, в высшей степени существенного в этическом плане. Человек должен был отдать отчет за прожитую жизнь, искупить грехи при посредстве последней исповеди и покаяния, либо испить горчайшую чашу вечного осуждения. Картины смерти в средние века неизменно соотнесены с проблемой моральной ответственности человеческой личности. Подчеркнем это обстоятельство.

Как видим, средневековые люди располагали доказательствами существования потустороннего мира, на их взгляд, вполне достаточными и убедительными, — прежде всего, свидетельскими показаниями, рассказами очевидцев. (Я оставляю здесь без обсуждения то решающее обстоятельство, что люди той эпохи были так или

иначе религиозны, а потому предрасположены верить в загробный мир. Тем не менее тот факт, что на протяжении всего средневековья продолжала существовать, постоянно пополнялась литература «видений» мира иного, свидетельствует о том, что вера нуждалась в подтверждении «очевидцев», временно посетивших ад, чистилище и преддверие рая.)

Насколько я понимаю, доктор Моуди и лица, разделяющие его научную, нерелигиозную уверенность в существовании жизни после смерти и, следовательно, потустороннего мира, опираются на подобную же систему доказательств. В коматозном состоянии люди видели нечто, а поскольку все они или большинство их, видели одно и то же, теорема считается доказанной: жизнь со смертью не кончается. Но внимание обращалось на состояние человека лишь в первые моменты пребывания его на том свете. Тогда позволительно спросить: существует ли уверенность в том, что и во время дальнейшего пребывания «там» покойник будет видеть близких людей и общаться с ними? Что он не затоскует по миру земному? И главный вопрос: насколько вообще стабилен и не эфемерен мир, в котором побывали миллионы американцев, переживших СБС?

Да простит мне читатель мой несколько саркастический тон. Он объясняется тем, что феномен коллективной психологии принимается врачами и журналистами, а вслед за ними и широкой публикой, за «научно доказанный» факт. Между тем в действительности речь идет не о «медицинских фактах», а именно о чрезвычайно симптоматичном социально-психологическом феномене нашего времени.

Люди боятся смерти, и они видят блаженный потусторонний мир, в котором смерти нет. Недаром они возвращаются из этого парадиза более смелыми и не страшащимися небытия. Страх современного человека перед смертью столь велик и всепоглощающ, а привычка к удобствам и удовольствиям вещной цивилизации столь сильна, что приводит к полному пересозданию самого образа мира иного: в нем нет уже ни суда, ни наказания, ни, соответственно, ада или чистилища. В перспективе остается один только рай — для всех без исключения, даже для бандита-мафиози, сколько бы душ при своей жизни он ни загубил. Человек освободился от чувства греховности и метафизической вины, он даже не сознает себя достойным загробного блаженства, он воспринимает его как некую данность, это то, что ему положено без всяких затрат или предварительных условий.

Насколько я могу заключить, знакомясь с образным миром лиц, испытавших СБС, в интерпретации его доктором Моуди, их ментальность построена на моральной безответственности и потребительстве.

Пусть социологи, психологи или специалисты по современной культуре объясняют этот феномен, — в качестве историка-медиевиста, который знаком с отношением к смерти людей средневековья и с их представлениями о загробном мире, я ограничиваюсь констатацией определенного типа ментальности. Он кажется мне особенно симптоматичным в свете уже ранее отмеченного в литературе нового отношения к покойнику, к его погребению, — к «медикализованной» смерти, отношения, в котором выражается стремление изгнать образ смерти из общественного сознания, поскольку он сделался непереносимым для психики современного человека.

Поиски «жизни после жизни» представляют, на мой взгляд, несомненный интерес для культуролога как симптомы общественного сознания, склонного смешивать воедино науку и суеверия, предмет веры и предмет рационального знания, данные опыта и латентные страх смерти и надежду на бессмертие. Ныне человеку желательно приобрести еще одно, новое, дополнительное удобство — благоустроенный и беззаботный рай, при этом приобрести его, так сказать, бесплатно и без всяких усилий. Поэтому, на мой взгляд, то, что описанные доктором Моуди видения повторяются у многих лиц, следует расценивать не как «доказательства» существования мира иного, а именно в качестве социально-психологического феномена.

Я не склонен предаваться абстрактному морализированию, но не могу не закончить следующей констатацией. Контраст между видениями потустороннего мира людей далекого средневековья, порожденными чувством греховности и отражавшими рост сознания ответственности человеческой личности, с одной стороны, и видениями пациентов доктора Моуди, которые, боюсь, выдают их потаенное стремление освободиться от моральной ответственности, с другой — этот контраст не может не бросаться в глаза как несомненный показатель глубоких трансформаций ментальности.

Когда я читаю о современных визитах на тот свет, визитах, которые, по доктору Моуди, якобы могут быть «доказаны» научно, экспериментально, я не могу не ставить такого рода информацию в определенный контекст. В тот же контекст, в который входят и «неопознанные летающие объекты», толкуемые молвой (и кое-кем из ученых) как гости из внеземных цивилизаций: в средние века людей посещали ангелы и бесы, вытесненные теперь, в век торжества науки и развития межпланетных полетов, посланными извне исследователями нашей Земли. В тот же

контекст, в котором Центральное телевидение демонстрирует одержимых, не без сознания собственной исключительности и избранности утверждающих, что в них засела нечистая сила, и колдунов, изгоняющих этих бесов. В тот же контекст, в котором происходят массовые исцеления от болезней и телевизионные освящения воды.

Я ни слова не скажу о целителях, опять-таки, как и с доктором Моуди, не моя это компетенция. Мое внимание всецело приковано к аудитории, к толпе людей, жаждущих излечения и, естественно, получающих искомое. Дело дошло до того, что пресс-центр МИДа превращают в арену для показа мага, который в заключение своей беседы пассами изливает спасительное излучение на присутствующих на пресс-конференции журналистов. Когда я вижу впадающих в транс или в сон пациентов подобных акций, я чувствую себя словно переселившимся на столетия назад. Передо мной — своего рода уникальная лаборатория для понимания аналогичных явлений, которые были неотъемлемой стороной жизни общества средних веков и начала нового времени.

Толпы, стекавшиеся в монастыри и иные места, где, как они верили, святые избавят их от болезней и прочих невзгод; французские и английские короли, которым на протяжении столетий народ приписывал чудодейственную способность простым прикосновением излечивать больных золотухой; явления Святой Девы пастушкам и детям; массовые паломничества к гробнице святого Иакова в Компостеле в Испании или в Лувр во Франции, где творились чудеса,— такова была повседневность Европы. Мракобесие, суеверия? Но люди исцелялись, не все, разумеется, но ведь довольно увидеть одного или нескольких выздоровевших или услышать о них, чтобы поверить в эффективность магических действий святого.

Вот тот исторический контекст, в котором я как медиевист не могу не видеть определенные явления нашей современной жизни. Еще совсем недавно в рубрике «Их нравы» наши журналисты писали о самозваных пророках и ясновидцах, о сборищах ведьм и иных подобных же чуждых нам симптомах упадка культуры. Теперь мы имеем и это. Остается ждать новых чудес. Что это — возврат к средневековью? Нет, конечно. Ибо средние века были временем господства несокрушимой веры, временем, когда вся картина мироздания центрировалась вокруг Бога, всеопределяющей регулятивной идеи. Мир Европы давно уже вышел из этого состояния, секуляризовался, и несмотря на возрождение религиозности в определенных группах населения, он уже не возвратится на пройденную теологическую стадию. Вся разница между средневековьем и Новым временем выражена в том, что там героями были святые, а здесь — врачи и экстрасенсы, там была искренняя вера, создававшая прочный базис для нравственности и цельного мировоззрения, а здесь — судорожные и тщетные потуги веру обрести, притом веру стыдливую, прикрывающуюся наукообразием. Думаю, разница только в этом. Массовая же ментальность оказывается той же самой по многим своим «параметрам»...

Я не испытываю ни малейшей ностальгии по средневековью, так же как и склонности «клеймить» его за пресловутую отсталость. Как историку мне в высшей степени интересно наблюдать выход на поверхность того пласта ментальности, который до поры до времени таился и не заявлял о себе открыто и даже с торжеством. Налицо модели сознания, которые, казалось, безвозвратно ушли в прошлое. Один французский историк сказал: «Ментальности суть темницы, в которые заточено время большой длительности». И в самом деле: меняются социальные системы, экономические порядки, моды и стили, лозунги и все остальное, история движется, и подчас с катастрофической быстротой,— и вместе с тем в темных глубинах, наподобие тех рыб и морских чудовищ, которые способны существовать лишь под колоссальным давлением океанских вод, таятся архаические представления и магические привычки, модели поведения, восходящие к седой старине. Для историка это неожиданная лаборатория для проверки выводов и наблюдений, сделанных на материале памятников другой эпохи. Но как гражданину мне все это вчуже странно и страшно: куда мы идем?

Я хотел бы быть правильно понятым. Глубоко уважая искренние религиозные убеждения, я испытываю вместе с тем — и именно поэтому — замешательство и неприятие перед тенденциями придать вере наукообразие. Религия выражает слишком серьезную и существенную потребность человеческого духа (об этом свидетельствует история человечества), для того чтобы профанировать ее псевдорелиозными спекуляциями. Нам выпало жить в конце века и в конце тысячелетия: в такие моменты истории нередко растут эсхатологические ожидания, вспыхивают новые культы, объявляются новомодные профеты и чудодеи, социальные манипуляторы и мессии. Нужно отдавать себе ясный отчет в том, какую опасность несут они для общества, переживающего глубокий кризис, в том числе и кризис идеологический. «Природа не терпит пустоты». Неужели маги и новоиспеченные пророки сделаются водителями масс, потерявших разумные ориентиры?

Поразительные свидетельства и методологические стереотипы

Уже само название статьи А. Гуревича дает понять, что отношение автора к удивительному опыту людей, переживших клиническую смерть, конечно, негативное. Будучи историком-медиевистом, А. Гуревич рассматривает данный опыт через призму привычных представлений о религии как о феномене, вытекающем из глубоких запросов человеческого духа, но тем не менее являющемся все-таки фантастическим отражением реального мира. Из всего текста статьи чувствуется, что вопрос о реальности существования высшего начала для автора, по-видимому, еще не решен. Поэтому естественным представляется применение научного подхода, используемого для исследования средневековья, и для анализа современных состояний человеческого духа.

Нельзя не согласиться с автором в том, что и у людей XX века присутствуют в подсознании «модели, восходящие к седой старине». Только для христианина в этом нет ничего удивительного, так как по своей естественной человеческой природе человек XX века несет в себе те же самые глубинные пороки, что и человек XII века. Как говорит Библия, «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено» (Иер. 17, 9). Прогресс человечества идет лишь в сфере накопления духовного и научного багажа и опыта, но не в сфере природного «я» человека. В этом отношении каждый начинает заново, обладая собственной индивидуальностью, но в рамках противоречивой и греховной человеческой натуры. Эта неизменная, но, конечно, каждый раз уникальная человеческая индивидуальная наследственность встречается с коллективной наследственностью, накопившейся ко времени его появления на свет. Каждый призван к тому, чтобы сделать свой собственный выбор из всего того, что предлагает личная и общественная ситуация.

Представления средневекового человека о посмертном существовании, конечно, формировались под влиянием Библии и особенно Нового Завета, где речь идет о реальности таких вещей, как посмертное воздаяние за то зло, которое человек совершил.

Было бы, однако, неверным эти представления, наиболее полно выразившиеся в «Божественной комедии» Данте Алигьери, по уровню их реальности приравнивать к опыту людей, переживших клиническую смерть, часть которого была собрана и систематизирована в книге Р. Моуди «Жизнь после жизни». И совсем уж неверно делать из сопоставления того и другого вывод о том, что картина загробного существования во времена Данте была плодом опыта средневекового человека с его ригоризмом и жесткостью, а опыт смерти наших современников отражает лишь гедонистические устремления массового сознания людей XX века.

Во-первых, следует сразу сказать о совершенно различных источниках тех и других представлений. Для человека средневековья — это внешние свидетельства Священного Писания и учение Церкви, которые он так или иначе слышал и воспринимал. Для наших современников — это собственный опыт, пережитый самыми различными людьми, с самыми различными представлениями и убеждениями, но свидетельствующий об одном и том же: после смерти тела продолжается жизнь души человека — яркая, сознательная и едва поддающаяся описанию нашим языком, предназначенным лишь для явлений этого мира. Как и всякий другой опыт внутренней жизни, эти переживания наиболее достоверны для тех, кто через них прошел, и чем длиннее цепочка передачи этих свидетельств, тем слабее впечатление об их достоверности.

Во-вторых, средневековые картины посмертного существования, о которых идет речь, имеют в виду уже иную окончательную или, во всяком случае, довольно продолжительную участь людей, заслуживших наказание за зло, совершенное ими. Опыт людей, переживших клиническую смерть, говорит лишь о первых минутах этой жизни. Остается сокрытым, что происходит с душой в дальнейшем, в зависимости от того, например, как человек будет реагировать на картины его прожитой жизни? Как сказывается на его судьбе реакция на его смерть оставшихся жить? Вспоминают ли о нем с любовью или как-то иначе? Вероятно, не случайно церковная традиция предписывает особенно усиленные молитвы об умершем в течение сорока дней после его смерти.

По всему видно, что А. Гуревичу больше импонирует модель немедленного и жестокого воздаяния, характерная для средневековья, чем радостное вхождение души в новую жизнь. Однако следует обратить внимание на то, что далеко не все свидетельства оптимистичны. Например, люди, пытавшиеся покончить жизнь самоубийством, говорили о том, что они попали в ужасное место и что это самое большое преступление, какое только может совершить человек, — «бросить Богу в лицо Его величайший дар — жизнь». Другие свидетельствовали о «неприкаянных душах», по-видимому, чем-то слишком привязанных к земному, потому что они все время остаются вблизи своего дома или своих родных. Но, быть может, за этим стоит что-то более сложное.

Думается, и в случае совпадения предсмертного опыта со средневековой моделью А. Гуревич все равно, конечно, не принял бы его. Для него как для историка это было бы лишь неопровержимым доказательством прочности архитипических представлений о загробном существовании, которые так глубоко укоренены в подсознании человека, что никакие внешние изменения жизни и прогресс цивилизации не в силах их поколебать.

Полностью разделяя негативную реакцию автора на всевозможные увлечения экстрасенсами, целителями и колдунами, я все-таки не рискнул бы ставить все эти поиски ложной духовности на одну доску с опытом людей, переживших клиническую смерть. Дерево, как известно, познается по плодам. Насколько хвастливы и самоуверенны всевозможные экстрасенсы, настолько же скромны и серьезны люди, пережившие опыт смерти. Ни те, кого опрашивал Р. Моуди, ни те немногие, кого довелось знать мне самому, не стремятся рекламировать себя и открывшуюся им реальность, понимая, что для них это совершенно неподходящее занятие. А призыв к необходимости нравственного поведения, любви к ближнему и к приобретению знаний, который после уверенности в продолжении жизни человеческой личности после смерти их физического тела является для них вторым по значимости результатом пережитого ими, никак не может расцениваться как отрицательный для состояния нашего общества.

А. Борисов,
кандидат биологических наук, священник

В. Алпатов,
доктор филологических наук

История одного мифа

Марр и марризм

За последнее время публицисты и ученые (но обычно нелингвисты) нередко вспоминают о выступлении Сталина по вопросам языкознания в 1950 году. Однако очень часто оно рассматривается в отрыве от всей истории советского языкознания, и сводят лишь к нему вмешательство власти в языкознание. К сожалению, такой подход мы видим и в интересной статье В. Леглера («Знание — сила», 1989 год, № 4). Между тем «сталинский период» в истории советского языкознания длился всего три года (1950—1953), а до того более двух десятилетий здесь господствовало и официально насаждалось так называемое «новое учение о языке» академика Н. Я. Марра, не имевшее ничего общего с наукой. Поскольку он стал, хотя и посмертно, объектом критики Сталина, некоторые современные авторы относятся к Марру с явным сочувствием. Например, М. П. Капустин в журнале «Октябрь» пишет о нем как о «разностороннем ученом» и представителе «классической лингвистики», хотя несостоятельность его учения уже аргументированно доказана и подтверждена временем. Дело, видимо, в том, что в советских работах еще никогда детально не рассматривались ни причины его успеха и признания «единственным марксистским» учением в языкознании, ни то, что привело к известному выступлению И. В. Сталина и отказу от марризма. Эти причины не имеют отношения к лингвистике, связаны с политической и идеологической ситуацией в стране в двадцатые — пятидесятые годы.

Возвращение к истории марризма, на наш взгляд, не столь интересно для самой лингвистики (разве что для выявления генезиса еще не изжитых явлений) — «новое учение о языке» давно ушло в прошлое, его критика в научном плане уже проделана, воскрешение его основных положений вряд ли возможно. Это имеет другой интерес: история марризма — часть истории того, что принято называть «культом личности».

Если бы Марр умер десятью годами раньше, чем на самом деле, то есть сразу после создания своего «нового учения», то оно сейчас бы не интересовало никого, кроме любителей курьезов, а Марр бы входил в число классиков отечественного востоковедения, которых хвалят не читая.

Подобных «учений» немало создавалось до и после Марра. Но лишь Марр сумел превратить свое «учение» в официальное и непререкаемое. Необходимо разобраться в том, как и почему это ему удалось, почему столь абсурдные идеи получили поддержку сверху и снизу. В дальнейшем действовал механизм поддержания этого мифа, менявшегося кое в чем с годами. Во всем этом были специфические для языкознания черты, прежде всего, безусловно, нестандартная личность Марра, но отражались и общие процессы советского общества сталинского времени.

Сюжеты мифа

Николай Яковлевич Марр был полиглотом, но ни разу в жизни не прослушал ни одного теоретического курса по языкознанию. Он усвоил лишь общие понятия сравнительно-исторического языкознания о родстве языков и языковых семьях, не умел применять на практике методику сравнительно-исторического анализа, но тем не менее его тянуло к широким и далеко идущим построениям, которые он не мог доказать.

В характере Марра было немало качеств, необходимых для крупного ученого,— большие природные способности, обширные знания, огромная работоспособность, увлеченность делом, убежденность в правоте своих идей, стремление к обобщениям, интерес к междисциплинарным исследованиям, забота об учениках, талант организатора науки.

Однако все эти качества обесценивались полным отсутствием чувства меры и самокритичности. И любое из положительных качеств Марра, доходя до крайности, превращалось в противоположность: обширность знаний — в поверхностность и приблизительность, работоспособность и увлеченность — в графоманию, убежденность — в догматизм, стремление к обобщениям и новым идеям — в выдвижение фантастических гипотез, забота об учениках — в деспотизм по отношению к ним, талант организатора — в стремление к монополии. Марра называли «деканом с железной рукой». Еще до революции он изгнал из области кавказоведения (кстати, единственной, где он действительно был профессионалом) всех конкурентов, перессорился со всеми учениками первого поколения, как только они начинали проявлять самостоятельность.

Эти свойства меньше сказывались на научной продукции Марра, пока он занимался тематикой, в которой он был подготовлен. Но, на беду себе и науке, Марр еще в предреволюционные годы начал все более уходить в область языкознания, где он был дилетантом.

Еще до революции он объявил о существовании так называемой яфетической семьи языков, куда включил чуть ли не все языки Средиземноморья и Передней Азии, чьи родственные связи не были в то время выяснены. Эта гипотеза еще была в пределах теоретически возможного, но о степени научности ее разработки говорит уже то, что в число яфетических Марр безапелляционно включил нерасшифрованный этрусский язык и пеласгский язык, о котором тогда не знали ничего, кроме названия.

А так как «яфетических языков» становилось все больше и объяснить общность их происхождения миграциями древних народов становилось все труднее, Марру пришлось сделать выбор между результатами, которые он хотел получить, и принципами сравнительно-исторического языкознания. И выбор был сделан — в пользу желанных результатов. В ноябре 1923 года (с этого времени марристы потом вели отсчет «новой эры» в языкознании) Марр впервые выступил с докладом, где отрицал основные постулаты науки о языке. «Яфетическая теория» превратилась в «новое учение о языке» (хотя термин «яфетическая теория» как синоним «нового учения» существовал и позже).

Марр так и не смог, несмотря на огромное число печатных работ, дать связное изложение своего учения, отдельные фрагменты которого он до конца жизни подвергал бесчисленным модификациям. Тем не менее в самом общем виде это учение сводится к двум положениям.

Первое из них было диаметрально противоположно обычным лингвистическим представлениям о развитии семьи языков как постепенном распаде некогда единого праязыка на разные, но генетически родственные языки.

Согласно Марру, «праязык есть сослужившая свою службу научная фикция», а развитие языков идет в обратном направлении от множества к единству. Языки возникали независимо друг от друга: не только русский и украинский языки исконно не родственны, но каждый русский диалект и говор был некогда отдельным, самостоятельно возникшим языком. Затем происходит процесс скрещения, когда два языка объединяются в новый, третий язык, в равной степени являющийся потомком обоих языков-предков. Например, французский язык — скрещенный латинско-яфетический, причем отсутствие склонения и неразвитость спряжения — его исконная яфетическая черта. В свою очередь латынь — результат скрещения «языка патрициев» и «языка плебеев», причем последний также был яфетическим. Процесс скрещения языков найдет завершение при коммунизме, когда все языки мира сольются в один.

Второе положение заключалось в следующем. Хотя языки возникли независимо друг от друга, они развивались и будут развиваться по абсолютно единым законам, хотя и с неодинаковой скоростью. Звуковая речь, возникшая в первобытном обществе в результате классовой борьбы, поначалу состояла из одних и тех же четырех элементов *сал, бер, йон, рош*, имевших характер «диффузных выкриков». Постепенно из их комбинаций стали формироваться слова, появились фонетика и грамматика. Языки проходят одни и те же стадии развития, определяемые уровнем социально-экономического развития. На некоторой социально-экономической стадии любой народ обладает языком определенного фонетического и грамматического типа. Более того, эти языки независимо от географического расположения имеют и материальное сходство: Марр писал, что у любого народа на определенной стадии развития *вода* будет именоваться *су*, как в ряде тюркских языков. При изменении базиса язык как часть надстройки подвергается революционному взрыву и становится структурно и материально иным, однако в языке остаются следы прежних стадий вплоть до четырех элементов, которые можно выделить в любом слове любого языка. Отыскание таких следов Марр называл лингвистической палеонтологией.

Оба положения Марра противоречили не только всем существовавшим к тому времени лингвистическим теориям, но и накопленному фактическому материалу. Давно было установлено, что, например, латынь была праязыком для романских языков, что упрощение морфологии во французском языке — не древнее, а относительно новое явление, зафиксированное в памятниках, что

разделение русского и украинского языков тоже произошло в историческую эпоху. В то же время никто не мог доказать существования четырех элементов или «языковых взрывов» в переломные исторические эпохи. Но для Марра установленные факты просто не существовали. В своих исследованиях по истории слов он отбрасывал строгие фонетические законы, открытые наукой XIX века, основываясь исключительно на внешнем созвучии, которому можно было поставить в соответствие любое произвольное развитие значения. Так, Марр связал немецкие слова *Hund*, «собака», и *hundert*, «сто», имевшие на самом деле разное происхождение, придумав следующие «закономерности развития»: собака — тотем «собака» — члены рода — множество людей — много — сто. Он спокойно сопоставлял французское rouge, «красный» с частью *рас* русского *красный* (начальную часть корня он просто отбрасывал за ненадобностью), связывая оба слова с первичным элементом *рош*, к которому он возводил и названия народов *русы*, *эт-рус*-ки, пе-*лас*-ги, лез-гины и т. д. Все эти упражнения были чистой игрой воображения, умерявшейся лишь идеологическими соображениями (Марр с возмущением отвергал вполне реальную общность происхождения слов *раб* и *работа*).

Марр мог утверждать все что угодно. То он заявлял, что русский язык во многих отношениях ближе к грузинскому, чем к украинскому, то определял немецкий язык как преобразованный революционным взрывом... сванский, то называл смердов иберо-шумерским слоем русских. В «новом учении о языке» сохранились некоторые прежние идеи Марра, прежде всего выделение «яфетических языков», которые уже понимались не как семья, а как стадия в языковом развитии, хотя признаки этой стадии Марр так и не смог описать.

Тем не менее еще до официального признания и насаждения «новое учение о языке» имело несомненную популярность. Это не была притягательность научной теории. Это была притягательность мифа.

Увлеченность Марром была обусловлена многими причинами. Среди них — и научный авторитет Марра, основанный прежде всего на его ранних нелингвистических работах, и яркость его личности, и широта диапазона его проблематики. Но особое значение имели две из них: совпадение его деятельности с периодом кризиса мирового языкознания и созвучность его идей эпохе двадцатых годов.

Критика «нового учения о языке» Марра — задача очень несложная и доступная любому человеку с филологическим образованием. Вопиющее несоответствие фактам и полученным в науке результатам, недоказанность и принципиальная недоказуемость положений, нелогичность, противоречивость, полная оторванность от практики — все это очевидно.

Однако естествен вопрос: если учение столь явно плохо, почему именно оно в течение двух десятилетий было основополагающим для советского языкознания? Разрыв между научной слабостью «нового учения о языке» и силой его влияния настолько колоссален, что требует объяснения.

Структура мифа

Двадцатый век принес человечеству немало мифов различного характера. Среди них заметное место занимали научные мифы, в искаженной форме отражавшие вошедшие в быт представления о всемогуществе науки. Реальная наука часто не соответствовала таким представлениям, а лженаука сознательно или бессознательно спекулировала на них, обещая решить любые существующие и несуществующие проблемы. Это импонировало широким массам и представителям власти. Пользуясь поддержкой последних, мифотворцы добивались монопольного положения.

Тут, конечно, вспоминается печальная история советской биологической науки и прежде всего лысенковщина. Конечно, практическое значение биологии и языкознания несопоставимо, «народный академик» Лысенко мало напоминал члена Императорской академии Марра, к власти они приходили в разное время, иным был и финал. Однако много мы видим и общего, прежде всего — сам механизм формирования научного мифа и завоевания с его помощью научной власти.

Миф по природе должен быть противоречив и *очевидно* ошибочен с научной точки зрения. В основе мифа лежат какие-то реальные факты, однако фантастически препарированные. Миф должен воевать с врагами, при этом в один ряд включаются научные борцы с мифом и авторы ненаучных утверждений, а часто идет борьба с «бумажными тиграми». Для поддержания мифа выгодно обращаться к мнению специалистов в других, иногда достаточно далеких науках. Для мифа важно отождествление разных понятий, например языка с культурой или расой, и отождествление общего с частным. В конечном итоге миф, каким бы научным он ни стремился казаться, связан с борьбой против здравого смысла, разума и интеллекта.

Марр отбрасывал всю современную ему лингвистическую науку, называя ее независимо от проблематики «индоевропеистикой». Доля истины в таком наименовании есть. Единственным четко сформированным методом языкознания XIX века был сравнительно-исторический, связанный с изучением родственных связей между языками и реконструкцией праязыков, а основным полигоном исследований — индоевропейские языки, в изучении которых были достигнуты значительные успехи. Современные же языки продолжали описывать на уровне XVIII—XIX веков, родственные связи неиндоевропейских языков в основном были не изучены из-за недостатка накопленного материала. К началу XX века стало ясно, что сравнительно-историческое языкознание не может ответить на многие вопросы, а частности на вопрос о причинах языковых изменений, что оно не может служить основой для решения многих задач, в том числе и для обучения языку. В мировом языкознании наметился кризис, о котором писал не один Марр. Далекий от марризма выдающийся советский лингвист Г. О. Винокур писал в 1929 году: «...Еропейская лингвистика находится ныне в состоянии некоторого внутреннего разброда... Мы присутствуем при подлинном кризисе лингвистического знания».

Научный кризис обычно разрешается сменой научной парадигмы. Так и произошло а языкознании, где после пионерских идей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра началось интенсивное развитие синхронной лингвистики, изучающей языковую структуру в отвлечении от истории. При этом новая, структуралистская парадигма не отменяла старую, сравнительно-историческую, лишь ограничив ее применимость. Исследование языкового родства и сейчас ведется на основе принципов, установленных классической наукой XIX века.

Марр отверг старую парадигму и не заметил новую. Да, можно сказать, что его «новое учение» было некоторой попыткой выхода из кризиса, но совершенно фантастической попыткой. Тем не менее поначалу эта попытка многим казалась заманчивой — ведь она сохраняла казавшийся для XIX века незыблемым исторический подход к языку. К тому же Марр предлагал объяснения многих проблем, не поддававшихся решению просто из-за отсутствия конкретных знаний, например о происхождении языка. Однако внешнее наукообразие сочинений Марра, большое число примеров впечатляли нелингвистов и создавали иллюзию того, что один компонент человеческой доистории — язык — уже поддался научным методам изучения, а это может дать ключ для решения остальных проблем.

Марр в чем-то использоаал традиционный авторитет сравнительно-исторического языкознания, дававшего до некоторой степени возможность реконструкции дописьменной истории. Но лишь до некоторой степени. Марр же своей палеонтологией обещал докапываться до таких глубин, до которых не могла дойти компаративистика его времени. Не случайно среди распространителей и популяризаторов мифа мы видим людей, среди которых немало достойных в своей области, но далеких от лингвистики. Это видные ученые-негуманитарии А. П. Карпинский (тогда президент Академии наук) и А. Ф. Иоффе, давно знавшие Марра академики-востоковеды С. Ф. Ольденбург (тогда главный ученый секретарь Академии наук), В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский и многие другие. Им в той или иной степени импонировала незаурядная личность Марра, казались интересными широта его знаний, глобальность и внешняя революционность его идей. Ненаучную же суть марристского учения они не могли оценить. Марра они воспринимали больше как личность, чем как специалиста. То есть научный миф поддерживал и питал и миф об ученом. Так, А. Ф. Иоффе писал: «Общеизвестен факт, когда в течение одного дня Николай Яковлевич сумел изучить раньше не известный ему язык в таком совершенстве, что к вечеру он уже мог разговаривать на нем с представителями местного населения».

Наряду с людьми, лишь эпизодически писавшими о Марре, активно распространяла его авторитет группа ученых, принадлежавших к смежным с лингвистикой наукам. Каждому специалисту в иной области идеи Марра были интересны по-своему. Философы типа А. М. Деборина искали у него ответы на вопросы о происхождении мышления, происхождении религии и другие, для решения которых наука имеет слишком мало материала. С. И. Ковалев (чей доклад Марр даже включил в одни из своих курсов) считал, что марризм позволяет проследить историю доклассового общества дальше, чем это делал Ф. Энгельс. Б. Л. Богаевский, прочитав Марра, «увидел пути изучения этрусской культуры, минойской культуры, когда на почве Греции заговорили по-гречески, на почве Италии по-итальянски» и «не будучи лингвистом, использовал работу Николая Яковлевича как неизбежную». М. С. Альтман пришел к марризму через изучение проблемы происхождения мифологии, а увидев там «явные преимущества» идей Марра, счел его правым и в лингвистике; примерно такой же путь проделала О. М. Фрейденберг. «В сумерках доистории легче утверждать о вещах, которым вряд ли кто поверит при дневном свете истории»,— писал один из крупных лингвистов А. С. Чикобава. А поскольку наука не имела фонаря для освещения этих сумерек, казалось, что Марр многое «осветил ярким светом» и «расширил наш общий научный горизонт» (А. М. Деборин).

Наряду с этими учеными, занимавшимися мифотворчеством параллельно со своей научной деятельностью, к концу двадцатых годов сформировался круг уже профессиональных мифотворцев, составлявших непосредственную «свиту» Марра. Не будучи лингвистами ни по образованию, ни по интересам, они усвоили лишь «новое учение о языке», главным образом его идеологические формулировки. Их деятельность заключалась в безудержном восхвалении Марра и постоянном шельмовании не только противников Марра, но любых ученых, работавших независимо от него. Эти подхалимы Марра были составителями его цитатников, авторами первых его жизнеописаний и хранителями его покоя, освобождавшими Марра от необходимости снисходить до своих противников. Наиболее активны были юрист Л. Г. Башинджагян, преподаватель истории (попавший к Марру прямо из вятского педтехникума), С. Н. Быковский и особо выделявшийся рвением издательский работник по профессии, который сам о себе говорил, что он «такой жи лингвист, как матрос второй статьи», В. Б. Аптекарь.

Субъективно честнее, но еще невежественнее были ученики Марра из так называемых выдвиженцев. В многочисленных поездках по союзным и автономным республикам Марр вербовал себе сторонников, обычно из представителей коренных национальностей, многие из которых почти ничего кроме «яфетической теории» не знали.

«Эффект некомпетентности» при восприятии своего учения Марр использовал и среди лингвистов. Об этом точно сказал выдающийся русский лингвист Е. Д. Поливанов: «Работающие по многим языкам лингвисты сравнительно очень редки... Славист, который читает Марра... скажет, что совершенно ясно — человек просто не знал ничего по истории славянских языков, а вот что касается шумерского или китайского, то там, может быть, Марр и прав. У нас имеется талантливый шумерист... который утверждает, что в шумерской области то, что говорит Марр, это сплошной ужас, что все факты объяснены неверно и что слова, которые называются шумерскими, не существуют в шумерском языке, их нет и не бывало. Ну а вот насчет славянских — неизвестно, может

быть, это и верно». Этот эффект усиливался тем, что Марр не так много занимался хорошо известными языками.

Но еще важнее было то, что идеи Марра вполне соответствовали духу двадцатых годов эпохи «великих свершений» и еще более великих надежд, порождавшей ощущение возможности и близости всего, казавшегося невероятным. В это время идеи Марра о полном отказе от старой науки и замене ее новой, его рассмотрение всех явлений «в мировом масштабе» (любимая присказка Марра), без национальных границ, постоянная апелляция к народным массам и угнетенным национальностям, его постоянные заявления о будущем всемирном языке, близкое создание которого тогда казалось многим актуальной задачей — все это не могло не привлекать многих.

Сам Марр хорошо понимал конъюнктуру и обильно уснащал свои статьи и речи политической фразеологией того времени, особенно разнообразной в отношении «врагов»: «потуги», «рабы», «рынок с тухлым товаром», «пророческие карканья и шипенья», «преступное действие оппортуниста», и т. д., и т. п. «Индоевропеисты» сопоставлялись Марром то с Чемберленом, то с Пуанкаре, то с немецкими фашистами. В противовес «империалистической науке» Марр выдвигал «творчество масс» и хвалился, что в отличие от дипломированных ученых чуваш-учитель сразу понял его идеи и через несколько дней написал по-чувашски статью о «новом учении». На все же возражения у Марра был один ответ. Он заявлял, что «новое учение о языке» требует «особенно и прежде всего нового лингвистического мышления. Надо переучиваться в самой основе нашего отношения к языку и к его явлениям, надо научиться по-новому думать, а кто имел несчастье раньше быть специалистом и работать на путях старого учения об языках, надо перейти к иному «думанию»... Новое учение о языке требует отречения не только от старого научного, но и от старого общественного мышления».

Торжество мифа

Примерно с 1927—1928 годов Марр начал обильно уснащать свои сочинения цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, а затем и Сталина, обычно никак не относящимися к делу, и заявлять о «пролетарском» характере своих идей.

Насколько Марр здесь был искренен? Сохранились свидетельства того, что Марр (кстати, до революции человек отнюдь не левых взглядов) за границей, где можно было высказываться свободнее, заявлял: «Марксисты считают мои работы марксистскими, тем лучше для марксизма» и «с волками жить — по-волчьи выть». Стремясь установить монополию в науке, Марр делал то, что требовалось для этого в обстановке двадцатых годов. Та же О. М. Фрейденберг много лет спустя, уже полностью отрешившись от влияния марровского мифа, писала: «Гоняясь за популярностью и желая слыть общественником, он отказывал научным занятиям в своем присутствии и руководстве, но сидел на собрании «по борьбе с хулиганством». Вечно думая об одном, о своей теории, он покупал внимание власти своей бутафорской «общественной деятельностью». В этом непростом человеке сочетались энтузиазм и вера в свои идеи с сознательным расчетом и приспособленчеством, несомненная душевная болезнь — с умением вести интригу в свою пользу.

Движение Марра навстречу представителям власти находило поддержку. Марр казался в то время очень важной фигурой. Среди видных представителей русской науки отношение к новой власти было различным — от полного неприятия до активного сотрудничества. Но власти очень хотелось, чтобы среди авторитетных ученых были люди, не просто лояльные к новому строю, но полностью перешедшие на коммунистические позиции, принявшие новую идеологию. Среди старых членов Академии наук полную готовность к этому проявил лишь один человек — Марр. Поэтому он пользовался активной поддержкой сверху. Так, А. В. Луначарский оценивал Марра как «величайшего филолога нашего Союза, а может быть, и величайшего из ныне живущих филологов». Другой видный деятель партии, М. Н. Покровский, заявлял: «Если бы Энгельс еще жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры... Будущее за нами — и, значит, за теорией Марра». Еще один влиятельный в то время марксист, В. М. Фриче, говорил о Марре: «На всем этом материалистическом и диалектическом построении явно отблеск нашего коммунистического идеала».

С помощью этих людей и при поддержке руководящих деятелей Марр начал захватывать власть в языкознании. В 1928 году в Коммунистической академии, ранее не интересовавшейся проблемами языка, создается подсекция «материалистической лингвистики» председателем ее числился Марр, но реально руководил ею В. Б. Аптекарь. По требованию М. Н. Покровского тогдашний ректор Первого МГУ А. Я. Вышинский дал команду внедрять «новое учение о языке» в программы для студентов-филологов. В Ленинграде, где жил Марр, его насаждение шло еще активнее. Яфетический институт, основанный Марром еще в 1921 году, превратился из малочисленного коллектива в солидное учреждение; в 1929 году там была учреждена аспирантура, в то время единственная в системе академии. В печати шло активное восхваление Марра и его идей.

И в это время все же нашелся человек, который решился открыто выступить против мифа. Это был великий лингвист-революционер Евгений Дмитриевич Поливанов. По собственной инициативе он 4 февраля 1929 года прочел в Коммунистической академии доклад «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Убедительно, с большим числом конкретных примеров он показал, что «положения, которые высказываются Марром, оказываются не связанными с фактами», «у Марра многое не ново, а то, что ново, то исключительно неубедительно», Марром «часто самые факты берутся неверно». Поливанов опроверг тезисы о четырех элементах, о движении человечества от множества языков к единству и многое другое; показал он и расхождения Марра с марксизмом. В противовес Марру Поливанов отстаивал незыблемость принципов сравнительно-исторического языкознания.

В ответ на доклад марристы во главе с Фриче и Аптекарем устроили разгром Поливанова, в котром приняло участие около двух десятков человек. Публика, а основном состоявшая из нелингвистов, которым было скучно слушать многочисленные примеры Поливанова, была настроена против него. Поливанов не смог печатно ответить на эти обвинения, зато началась активная борьба с «поливановщиной» — и в этой борьбе приняли участие даже ученые, близкие к Поливанову по идеям. Великий ученый был вынужден уехать в Среднюю Азию, где испытал немало горя, с 1931 года был лишен возможности печататься в Москве и Ленинграде, а в августе 1937 года был арестован и вскоре погиб.

Поливановская «дисскуссия» стала переломным моментом в истории советского языкознания. Больше уже никто не решался выступить в защиту «буржуазной» индоевропеистики. Славистика была запрещена как «проповедь панславизма», тюркология — как «проповедь пантюркизма». Рассыпались наборы книг по сравнительно-историческому языкознанию, многие видные ученые лишились работы (массовые аресты среди лингвистов, правда, начались несколько позже). Никто, кроме узкого круга марровского окружения, не был застрахован от разносной критики по самому неожиданному поводу.

Приведем только один пример. Крупнейший лингвист, создатель новых алфавитов для языков народов СССР Николай Феофанович Яковлев опубликовал ценную программу собирания слов для толковых словарей горских народов Кавказа. Программа состояла из разделов «Материальная культура» и «Духовная культура», и в последнем разделе 93 процента слов составляли названия предметов и явлений традиционной культуры, а 7 — еще немногочисленные в ту пору слова, связанные с послеоктябрьской эпохой. В ответ на это И. К. Кусикьян заявил: «93 процента махровой поповщины». Ростовский же маррист Г. П. Сердюченко писал так: «Не известно ли профессору Яковлеву, „что с точки зрения марксизма-ленинизма „политика есть концентрированная экономика“... „Отрыв экономики от политики есть характернейшая черта буржуазных теоретиков и их социал-фашистских лакеев“,— говорит тов. Каганович... И на позицию этих социал-фашистских лакеев и стал Яковлев. ...Программа Яковлева действительно не встретила бы возражений и у святейшего синода».

И когда в июне 1930 года собрался XVI съезд ВКП(б), Марр, только что ставший вице-президентом Академии наук, выступил там с приветствием от ученых. Рассказывают, что часть речи в присутствии Сталина Марр произнес на родном для обоих грузинском языке. На том же съезде Сталин сказал: «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». Это была любимая идея Марра, который за четыре года до того писал: «Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей... Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира». Теперь учение Марра получило высочайшую поддержку, и В. Б. Аптекарь мог заявлять, будто «Н. Я. Марр доказал и иллюстрировал на богатом языковом материале гениальное положение, высказанное т. Сталиным на XVI съезде ВКП(б)», хотя историческая связь этих положений была обратной.

Сталин в те годы больше не высказывался по вопросам языкознания, но несомненно, что Марр тогда пользовался его поддержкой. Вскоре после съезда Марр был принят в члены партии без кандидатского стажа, в 1933 году он был одним из первых в стране награжден орденом Ленина, а выросший из Яфетического института Институт языка и мышления еще при жизни получил его имя. Имел Марр и много других чинов и званий, вплоть до почетного краснофлотца. Аппетиты его росли, и в одной из последних речей он уже требовал вслед за языкознанием пересмотреть и всю историю, отказавшись от таких понятий, как «доистория», «Восток», «Запад».

Но и столь благополучный для того времени человек жил в общей для интеллигенции обстановке страха. Рассказывают, что один из сотрудников Марра, зайдя к нему домой, обнаружил Марра... под кроватью. Марр, услышав звонок в дверь, решил, будто его пришли арестовывать... Есть данные о том, что Марр не был столь далек от истины. Литературовед Н. П. Анциферов в своих воспоминаниях, недавно опубликованных в журнале «Звезда», писал, что как раз летом 1930 года его привезли с Соловков в Ленинградское ГПУ и потребовали дать показания о «контрреволюционной деятельности» ряда видных ученых, многие из которых были арестованы, в числе прочих от него потребовали компромат и на Марра.

Впрочем, Марр, как говорится, умер в своей постели — после продолжительной болезни 20 декабря 1934 года — и был торжественно похоронен в некрополе Александро-Невской лавры. Массовые репрессии в том же, 1934 году, а затем в 1937—1938 годах обрушились на головы других лингвистов. Погибли многие ученые из числа тех, кто не принимал «новое учение о языке» и с той или иной последовательностью выступал против него. Это Е. Д. Поливанов, выдающиеся слависты Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский, организатор изучения языков народов Севера Я. П. Алькор (Кошкин), русисты Г. К. Данилов и К. А. Алавердов. Но та же участь постигла и тех, кто сдавался под напором марризма, например академика А. Н. Самойловича, и ближайших сподвижников Марра В. Б. Аптекаря, Л. Г. Башинджагяна и С. Н. Быковского. Тем не менее к концу тридцатых годов обстановка в советском языкознании улучшилась. Некоторые ученые — В. В. Виноградов, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, Н. И. Конрад и другие,— испытав ужасы тюрем, лагерей и ссылок, сумели через несколько лет вернуться к работе. Немалую роль в улучшении обстановки сыграл преемник Марра академик Иван Иванович Мещанинов.

Окончание в следующем номере

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

Б. Пинскер

Кооперативный идеал и социалистическая идея

Потребительская кооперация явилась совершенно непредвиденным результатом того общественного движения, которое связывается с именем Оуэна. Первое время в потребительных обществах видели зачатки, первооснову коммунизма, который представал воображению людей XIX века, как правило, в виде союза кооперативных обществ, преодолевающих извечные пороки человеческой природы — ложь, зависть, стяжательство. Без учета этих морально-политических перспектив невозможно понять ни того энтузиазма, с которым воспринимались кооперативы, ни тех громадных и — для нашего современника — малопонятных и неоправданных ожиданий и надежд, которые порождались хозяйственными успехами кооперации.

И для самих первых кооператоров, и для их довольно широкого окружения попытки создать рациональную хозяйственную организацию были слиты воедино с попытками построить коммунистическое общество. Эта слитность двух разных, порой почти полярных концепций сохранилась в умах многих и до сих пор.

Десятки первых коммунистических общин создавались в начале прошлого века на пожертвования меценатов. Когда эти источники финансирования иссякли, пришлось искать новые — независимые и возобновляющиеся. Так и появились потребительные общества, которые должны были за счет правильной торговли накапливать средства для коммунистических экспериментов: на покупку земли, построек, инвентаря. Эти же первые кооперативные общества и сбывали продукцию объединенных ими мелких ремесленников. Дело привилось. Первое кооперативное общество было создано в Брайтоне в 1827 году, а уже через пять лет в Англии такого рода обществ было более трехсот. Практически все они копили средства, чтобы организовать на них правильную коммунистическую жизнь общины — «на основах взаимной кооперации, общего владения, равенства труда и источников удовольствия» (по формуле первого кооперативного конгресса в Манчестере в мае 1821 года).

Был и чисто экономический стимул такой популярности снабженческих и сбытовых кооперативов: кризис сбыта. Этот кризис, рожденный натиском промышленной революции, был весьма оригинально (для нас, но не для современников, которым такой ход мыслей был весьма близок) осмыслен Р. Оуэном. Дешевое фабричное производство вытесняет с рынка ремесленников, они нищают? Всему виной — дурная и неправильная организация сбыта, алчность торговцев и порочность всей основы общества, поглощенного заботами о прибыльности. В закономерном проявлении технического прогресса — вытеснение ремесленных изделий более дешевыми и качественными товарами фабричной выделки — он увидел моральную и политическую проблему. И способ решения предложил романтически обаятельный, но предельно непрактичный и неадекватный: «отменить» и торговцев, и деньги. «Для этого требуется только, чтобы производители вступили в непосредственное соприкосновение друг с другом, и в таком случае они получат возможность обмениваться своими продуктами к взаимной выгоде и к выгоде потребителей вообще».

В 1832 году в Лондоне была открыта первая «рабочая биржа», на которой предполагалось обменивать товары на основе «новых рабочих денег» — билетов с обозначением среднего количества труда, необходимого для производства данного продукта. Можно считать, что это была первая экспериментальная проверка трудовой теории стоимости Д. Рикардо, и теория этой проверки не выдержала: вскоре от «билетов», от попыток оценивать продукты по вложенному в них «общественно необходимому труду» пришлось отказаться. Возобладал обычный принцип ценообразования — в соответствии со спросом и предложением. И лондонская рабочая биржа, и множество других, возникших по ее образцу, просуществовали недолго.

Рассыпались и все первые кооперативы, поскольку были они, по точному замечанию видного знатока кооперации, «слишком тесно связаны с утопическим идеалом коммунистической общины, чтобы удачно справляться с практическими трудностями жизни».

Но сама идея Р. Оуэна — воспитывать в коммунистических кооперативных общинах совершенного, благородного человека, избавленного от пороков лени, алчности и эгоизма,— надолго пережила первых своих адептов и экспериментаторов. Ведь в кооперативе никто не может что-либо назвать «своим» — значит, исчезает почва для эгоизма и своекорыстия, исчезает материальное неравенство, а вслед за ним — зависть и вражда, питаемые неравенством. Долгие десятилетия коммуна, артель оставалась любимым детищем кооперативного и социалистического движения, и, как часто бывает в жизни, именно судьба любимца оказалась самой неудачливой.

Именно в артели виделась подлинная трудовая ячейка будущего общества. Хроники хозяйственной и социальной истории XIX века пестрят упоминаниями о непрекращающихся попытках организовать коллективный труд и коммунистическое общежитие: десятки евангелических, баптистских и т. п. сельскохозяйственных коммун в Северной Америке, артельные эксперименты в странах Европы. Энгельс считал опыт религиозных коммун бесспорным доказательством жизненности коммунистической идеи.

В 1864 году К. Маркс писал: «Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки осуществлено при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих... что подобно рабскому и крепостному труду наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду».

В третьем томе «Капитала» Маркс писал: «...Кооперативные фабрики самих рабочих являются в пределах старой формы, первой брешью в этой форме... Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом... Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно».

Но в отличие от «мелкобуржуазной» кредитной и потребительной кооперации, социалистическая производственная кооперация успеха не имела.

Первые крупномасштабные попытки организовать производительные артели были сделаны во Франции неким Бюше, учеником Сен-Симона и Фурье. Он полагал, что рабочие должны разбиться на профессионально однородные ассоциации для совместного производства продуктов на продажу. Рабочие получали бы обычную заработную плату в течение года, а также остаток чистой прибыли после отделения пятой части ее в неделимый фонд. Этот «фонд взаимопомощи» представлял собой собственность ассоциации в целом, и его накопление должно было обеспечить устойчивость и расширение ассоциации.

Идеи Бюше с немалым размахом были воплощены в жизнь после революции 1848 года, когда революционное правительство ассигновало 3 миллиона франков на устройство ассоциаций. Ссуды распределял специальный комитет под председательством министра земледелия и торговли. Было подано более шестисот заявок. Один лишь проект ассоциации парижских портных должен был охватить более 30 тысяч человек. Была выдана шестьдесят одна ссуда.

Большая часть организовавшихся ассоциаций распалась в ближайшие годы. Дольше сохранились те, которые превратились в чисто капиталистические предприятия — использовали наемный труд и вели дело коммерчески грамотно. Другая вспышка артельного движения во Франции произошла в восьмидесятых годах XIX века, когда богач Рампаль завещал 1 миллион 400 тысяч франков на устройство ассоциаций. Из этого капитала до 1901 года было выдано 127 ссуд, «значительная часть которых пропала безвозвратно».

В начале века «Фабианское общество» обследовало состояние производительных ассоциаций. Вот о чем поведал доклад супругов С. и Б. Вебб: «Во всех странах сохранилось не более сотен таких ассоциаций из тысяч, которые возникали; и большинство из этих ассоциаций все еще с трудом борется за свое существование, к тому же эти ассоциации... сохранились в тех отраслях промышленности, которые допускают производство в небольших размерах; и они ни в одном случае не охватывают большого числа рабочих или значительного капитала... Шансы успеха такого общества тем больше, чем дальше оно от типа самоуправляющейся мастерской».

Веббы подчеркивали, что неудачи производительных кооперативов особенно поразительны на фоне мощной поддержки, которую они получали от всех слоев общества, в том числе от правительств, поддержки гораздо большей, чем та, что получали ассоциации потребителей.

К 1914 году в Англии существовала всего одна производительная артель, которая занималась выделкой бумаги. Ни в уровне заработной платы, ни в продолжительности рабочего дня кооператоры не имели никакого преимущества перед рабочими обычных капиталистических фабрик. Да и в техническом отношении это было очень отсталое предприятие. В Германии также была только одна артель — башмачников, которая к моменту обследования «уже утратила свой чистый трудовой тип и не может считаться в строгом смысле производительной артелью».

Во Франции, где движению трудовых кооперативов постоянно и энергично помогали правительственные и деловые круги, насчитывалось около сотни артелей. В боль-

шинстве своем это были мелкие предприятия, существовавшие за счет поддержки общественных или правительственных учреждений или частных лиц.

Но при каждом сильном промышленном кризисе с ростом безработицы артельное движение оживало. Так было и в России после 1905 года, в период сильного застоя. В одном Петербурге было создано несколько десятков артелей, по России — сотни. Большая часть их тут же и распадалась. Оставались немногие. Успех сопутствовал предприятиям чисто «капиталистического» типа, которые расширяли дело, привлекая наемных рабочих. Постепенно, как пишет М. И. Туган-Барановский, «члены артели, первоначально участвовавшие в работе наряду со всем остальным рабочим персоналом, перестают сами работать и становятся пайщиками предприятия. От артели не остается ровно ничего, вместо нее вырастает капиталистическое предприятие на паях» — акционерное общество.

Были, правда, артели, не «перерождавшиеся» и не распадавшиеся десятилетиями. Они заняли производственные ниши, не затронутые техническим прогрессом. Имея крайне незначительный капитал, при минимальной оснащенности машинами и техникой, эти артели объединяли десятки умельцев, зарабатывавших, как правило, меньше, чем рабочие на хорошо поставленных капиталистических предприятиях.

Обследование петербургских артелей в 1909 году показало, что «условия труда членов артелей гораздо хуже, чем условия труда наемных рабочих в тех же артелях». Причина этого парадоксального явления, когда наемные рабочие буквально эксплуатируют труд артельщиков — хозяев предприятия, довольно проста. «Член артели, вложив в устройство известный капитал и сам устанавливая для себя обстановку труда, при стесненных обстоятельствах (а в настоящих артелях «стесненные» обстоятельства почти постоянны) легко примиряется даже с очень значительным ухудшением положения своего труда, льстя себя перспективой на лучшие обстоятельства. Наемные же рабочие, не являясь хозяевами в артели, оценивают условия труда безо всяких подобных «видов», считаясь лишь с рыночной ценой их рабочей силы». Конечно, там, где артельщики работают дольше, а получают за свой труд меньше, чем их же наемные рабочие, нет опасности превращения в капиталистические предприятия. Но вопрос: зачем они тогда вообще нужны?

«Так как самая слабая сторона артели заключается в ее коммерческих операциях, то чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче в ней удаются артели, особенно в добывающей промышленности, в которой требуется наименьшая затрата капитала (отпадает затрата на приобретение сырья). Вот почему у нас, в России, встречаются артели в рыболовных промыслах, охотничьих, в горном деле, например по разработке камня, добыче разного рода руд, золота и пр.»,— такую, достаточно пессимистическую оценку дал М. И. Туган-Барановский.

Супруги Вебб выделили три основные причины неудачи производительных артелей: недостаток дисциплины среди их членов; недостаточное знание рынка артельщиками; медленное внедрение передовой техники. Низкий уровень дисциплины Веббы связывали с принципом равенства артельщиков и выборностью руководства. Руководитель «должен быть популярен у своих избирателей, чтобы оставаться у власти, и потому власть его не может не быть весьма слабой».

Вторая важнейшая слабость производи-

Репродукция из книги Р. Оуэна. Внизу проект коммуны на 2000 человек.

«Билет» для оплаты труда за один час. 1933 г.



THE CRISIS,

OR THE CHANGE FROM ERROR AND MISERY, TO TRUTH AND HAPPIN

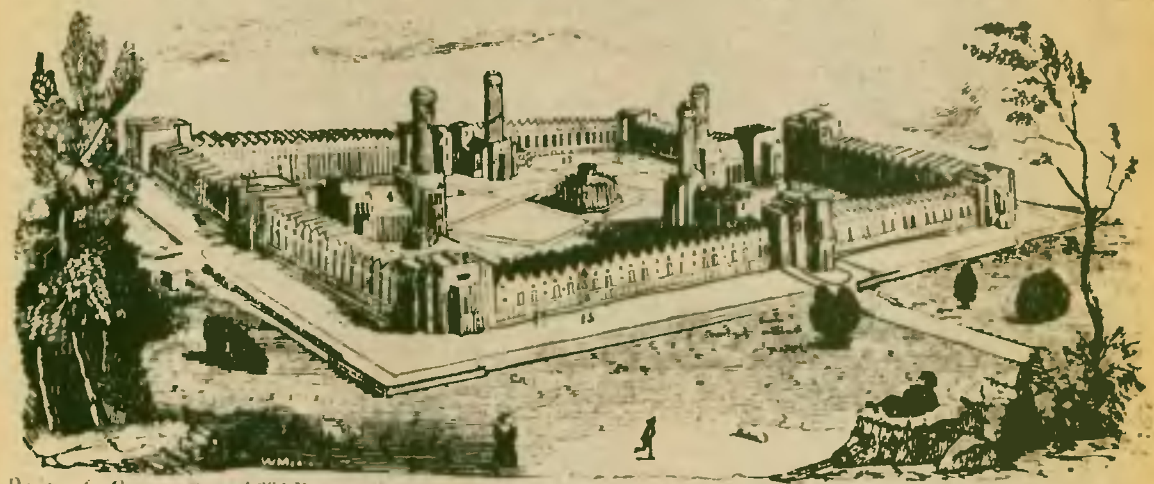
1832.

IF WE CANNOT YET RECONCILE ALL OPINIONS



LET US ENDEAVOUR TO UNITE ALL HEARTS

IT IS OF ALL TRUTHS THE MOST IMPORTANT, THAT THE CHARACTER OF MAN IS FORMED FOR — NOT BY HIMSELF.



Design of a Community of 2,000 Persons, founded upon a principle, commended by Plato, Lord Bacon, Sir T. More, & R. O

EDITED BY

ROBERT OWEN AND ROBERT DALE OWEN

London:

PRINTED AND PUBLISHED BY J. EAMONSON, 15, CHICHESTER PLACE, GRAYS INN ROAD

STRANGE, PATERNOSTER ROW. PURKISS, OLD COMPTON STREET. AND MAY BE HAD OF ALL BOOKSELLERS.

1833.







Мелкие артели, изготовлявшие корзины, ложки, украшения, игрушки, нашли свою нишу на рынке и укоренились в ней. В начале века таких артелей было много. Увы, в России их ждала печальная участь.

тельных кооперативов — отсутствие грамотного коммерческого руководства. «Чтобы быть хорошим предпринимателем, даже и знания рынка недостаточно, нужно обладать еще особым душевным складом и особыми предпринимательскими талантами. А так как условия жизни и деятельности рабочего ни малейшим образом не предрасполагают его к приобретению всех этих знаний и развитию соответствующих талантов, то естественно, что рабочая группа оказывается плохим предпринимателем, а это не может не действовать самым губительным образом на успех предприятия». К тому же эффективная коммерческая деятельность предполагает значительную самостоятельность и независимость коммерсанта. Он должен иметь право на риск и не бояться риска. Коллективность артельного хозяйства создает атмосферу, крайне неблагоприятную для эффективной коммерческой работы. Коллективное руководство и коллективная собственность тому причиной.

Но если два первых недостатка в принципе еще можно преодолеть, то третий представляет собой природную внутреннюю слабость производительных артелей. Дело в том, что в условиях насыщенного спроса внедрение любых технических усовершенствований ведет к сокращению занятости. Но ведь все артельщики равны, и артель не может увольнять работников с такой же легкостью, как обычное предприятие. Это оказывается почти непреодолимой преградой для технического прогресса.

Артели не могли приспособиться к колебаниям конъюнктуры. Изменение спроса не представляет проблемы для капиталистического предприятия — рабочих нанимают, когда рынок расширяется, и сокращают, когда он сужается, сохраняя относительно стабильный уровень прибыльности и тем самым жизнеспособность предприятия. Для артели же такой маневр крайне затруднителен, она — хозяйственная организация крайне неподвижная и неэластичная, с трудом допускающая сжатие и расширение оборотов.

Артель была любимым, но не единственным и не самым успешным отпрыском кооперативных экспериментов. Изобретенная Оуэном форма хозяйственной жизни сама для себя нашла возможность стать жизнеспособной и продуктивной, но совсем не на том поприще и не с теми целями, которые он намечал. Жизнеспособной оказалась кооперация, обратившаяся к хозяйственному интересу человека, к его собственническому инстинкту и изобретательности.

Уже в 1844 году в небольшом фабричном городке на севере Англии, в Рочделе, было создано потребительское общество нового типа, давшее начало весьма успешному, охватившему позднее почти весь мир движению потребительской кооперации.

Любопытно: сами «рочдельские пионеры» не считали, что они так уж вовсе чужды нравственным и коммунистическим задачам оуэновского движения. Они так понимали смысл своей деятельности: «Устройство склада для продажи провизии, одежды и пр. Приобретение или постройка ряда домов, в которых могли бы жить члены общества, желающие помогать друг другу в улучшении их домашней и общественной жизни; организация производства тех продуктов, которые признает нужным производить общество для предоставления занятия тем членам общества, которые не имеют занятия или страдают от длительного понижения их заработной платы; в интересах дальнейшего обеспечения экономического положения членов общество должно приобрести одно или несколько имений для обработки их теми из членов общества, которые не имеют занятия или труд которых плохо вознаграждается. Как только это будет возможно, общество должно приступить к организации сил производства, распределения, воспитания и управления или, иными словами, должно организовать собственными силами общину с объединенными интересами или же прийти на помощь другим обществам, организующим подобные общины».

Единственно практичным в этом перечне целей оказалось устройство общества для совместных закупок потребительских товаров. «Как Колумб не искал Америки, а искал Индию, так и первые кооператоры искали «нового нравственного мира», а нашли потребительные общества», писал М. И. Туган-Барановский. Устав потребительного общества рочдельского типа предполагал чисто рыночную и коммерческую организацию дела, что и составило его силу и обеспечило распространение именно этого опыта.

Рочдельцы решили, что в своих лавках все продукты они будут продавать по рыночной цене, а торговую прибыль кооператива распределять в конце года среди покупателей, членов общества, пропорционально сумме закупок. Так, во-первых, члены кооператива становились заинтересованы покупать по преимуществу в своей лавке, а во-вторых, была сохранена связь с общим движением цен на рынке. Иными словами, структура потребления кооператоров была оставлена под влиянием тех же рыночных факторов, как и у всех других потребителей: цены падали — росло потребление какого-либо продукта, и наоборот. Экономическая и коммерческая здравость этих принципов обеспечила им историческое преимущество, например, над германскими кооперативами, в которых возможная торговая прибыль сразу учитывалась в скидке с цены: товары продавались по цене, возможно более близкой к закупочной. Тем самым эти кооперативы, во-первых, лишали себя в течение года оборотного капитала, позволяющего вести операции более выгодно, а во-вторых, создавая иллюзию дешевизны, стимулировали относительное сверхпотребление товаров, продававшихся в кооперативной лавке. В известной мере этим они служили обединению своих членов, потакая неэкономному потреблению.

Успех потребительных кооперативов побудил искать новые сферы для такого принципа хозяйствования — соединение сил и средств мелких хозяев к выгоде от роста масштабов деятельности. Так появилась крестьянская кредитная кооперация, которую изобрел прусский социальный реформатор и общественный деятель Райффейзен.

Как и потребительные кооперативы, кредитные товарищества возникли отчасти в результате недоразумения, как побочное и непредусмотренное следствие усилий найти материальную базу для благотворительности. В шестидесятых годах в Пруссии Райффейзен создал первые такие общества, цели которых осознавались так: «Кредитование своих нуждающихся членов, а также помощь беспризорным детям, воспитание их, доставление работы выпущенным из тюрем и многое другое в этом же роде». Очень быстро организация взаимного кредита, задуманная лишь для накопления капитала для помощи бедным и приучения крестьян к взаимопомощи, превратилась в основное содержание деятельности благотворительных ассоциаций. Взаимный крестьянский кредит приобрел масштабы широкого международного движения.

Удачны были их основные организационные принципы: отсутствие первоначальных взносов, локальность операций, круговая ответственность членов товарищества за выплату кредита.

Отсутствие первоначальных взносов делало этот вид кооперации открытым для всех малодостаточных крестьян, которые бы в ином случае просто не смогли участвовать ни в какой кооперации. Ведение дел среди мельчайших заемщиков потребовало локализации операций — максимальным районом для кредитного товарищества Райффейзен считал территорию с 1500 душ населения. Правление достоверно знало о степени усердия, о хозяйственных обстоятельствах и честности каждого заемщика. Кроме того, малый радиус действия товарищества и ограничение числа членов обеспечивали дешевизну кредита за счет сокращения накладных и транспортных расходов, за счет возможности ведения дела на общественных началах. Все это обеспечило и еще одно преимущество кредитных товариществ: малый риск операций. «Неуплата долга одним лицом причиняет ущерб всем членам товарищества, которые имеют возможность тысячами способов дать почувствовать своему односельчанину все недовольство его образом действий».

В уставах кредитных товариществ был пункт об отчислении неделимых капиталов для благотворительности. Хотя кредитные общества ни в малой степени не стали обществами благотворительными, неделимые капиталы сослужили им немалую пользу. Они быстро умножались и стали базой развития кооперативных банков. Сама невозможность малым кредитным товариществам накапливать достаточный оборотный капитал толкала их к объединению в союзы, к поиску помощи у крупных финансовых (частных или государственных) учреждений.

Однако успех потребительной и кредитной кооперации, национальные, затем и международные ее масштабы меньше всего были связаны с идеями кооперативного социализма. Она расширялась в поисках новой прибыли, новых рынков — под давлением хозяйственной рациональности.

Заканчивая в этом номере публикацию отрывков из книги американского политолога В. Эбенстайна, напоминаем их «оглавление»:
№ 4 — Культ государства. Гегель и Муссолини;
№ 5 — Демократический социализм (Каутский и фабианцы);
№ 6 — Дилемма демократии: свобода и равенство (Токвиль и Милль);
№ 7 — Дилемма благоденствия: государство и человек (Рузвельт и Пигу);
№ 8 — Платон и Аристотель;
№ 9 — Государь, государство, общество. Макиавелли и Локк;
№ 10 — Человек, общество, государство.

В. Эбенстайн

Закон. Государство. Народ

«У всех нас, разумных существ, разум один; если так, то каждый понимает, что можно и чего нельзя; если так, то есть закон, общий для всех...» Эта мысль древнеримского философа-стоика и императора Марка Аврелия (см. В. Эбенстайн, «Знание—сила», № 10 за 1990 год), мысль о поиске «закона, общего для всех», не оставляла человечество и тысячелетие спустя.

В XVII веке преобладала борьба монархии с парламентом. В Англии победил парламент, во Франции — монархия. С 1614 до 1789 года французский парламент — Генеральные Штаты — не созывался, а в 1789 году было уже поздно. Царствование Людовика XIV стало образцом для королевского абсолютизма Европы. Но обходилась эта «великая монархия» очень дорого. В 1685 году король изгнал из Франции протестантов-гугенотов. Так как они играли большую роль в торговле и промышленности, их отъезд усилил экономические трудности и банкротство страны. Для католической церкви и абсолютизма это было не менее пагубно, благодаря эмигрантам Франция и вся Европа (французский язык был распространен везде) узнали суть английской революции 1688 года и либеральную философию, в особенности Локка.

Французский аристократ Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье (1689—1755), в 1721 году опубликовал «Персидские письма», сатиру на церковь и на неразумие и несовершенство французской жизни. Он много путешествовал, жил в Англии, изучил английскую политическую жизнь и увлекся Локком. Восхищался здравым смыслом английской аристократии и буржуазии, свободой печати; солидность и скука английской политической жизни казались ему предпочтительнее блеска и цинизма французских салонов. «Низшими классами» он не интересовался. В 1734 году обнародовал «Размышления о причинах величия и падения Рима». Сожалел о неумении Рима (как и Афин, и Карфагена) исправить свои ошибки: «...английское правительство мудрее, оно постоянно проверяет себя, его ошибки всегда кратковременны и зачастую полезны, воспитывая внимательность».

Главный труд Монтескье — «О духе законов» (1748). Как и прочие французские философы XVIII века, рационалист, гуманист и космополит Монтескье верил в прогресс и разум. Но название книги говорит, что Монтескье шел дальше века Просвещения. Его интересовали не законы, а дух законов. Обычно считается, что можно логически обосновать основные принципы единого для всех времен и народов закона, сведя к минимуму разницу в законах, считая ее случайной. Монтескье различал три вида законов:



закон наций (относящийся к международным делам), закон политический (регулирующий отношения правительства и граждан) и закон гражданский (говорящий о взаимоотношениях граждан). И Монтескье занимает не генеральный закон, а его подвиды. Ибо «законы зависят от климата страны, ее местоположения» и размеров, плодородия, основных занятий народа (земледелие, охота, скотоводство), уровня свободы, который могут выдержать жители, их наклонностей, числа, богатства, обычаев. Как философ века разума Монтескье указывает, что надлежит делать. Но его рационализм основан на опыте, изучении учреждений, истории и среды, в свете чего законы нельзя сочинять, руководствуясь своей фантазией, «законы возникают из натуры вещей».

Монтескье — сторонник уравновешенной конституции, основанной на разделении властей. Для него Англия — страна, «страстно преданная свободе, так как ее свобода — реальность». Явно намекая на военные авантюры Людовика XIV и преклонение французов перед офицерами, Монтескье отмечает, что в Англии штатских больше уважают, чем военных.

XVIII век был полон колониальных конфликтов, и Монтескье говорит, что англичане принесли в колонии и свою форму правления, создавая «в лесах великие нации». Он также предсказал, что Англия первой лишится колоний. Английская свобода, по его мнению, связана с системой управления. Либерала-аристократа, почитающего свободу мысли, собственность и старинные привилегии, потрясла система, сочетающая лучшие черты монархии (в исполнительной власти), аристократии (в палате лордов как верховном суде) и демократии (в законодательной власти палаты общин). Хотя эти три формы объединены в системе управления, действуют они в различных сферах. Иначе возник бы произвол и деспотизм. Монтескье отмечает дополнительный барьер против деспотизма: законодательная власть разделена между палатой лордов, представляющей аристократию, и палатой общин, представляющей народ.



Исполнительная власть, по мнению Монтескье, должна быть в руках монарха, независимого от законодателей. Он предостерегал, что если исполнительную власть «доверить нескольким лицам, избранным парламентом, свободе конец». Его тревогу разделили и творцы конституции США — и члены Конгресса не могут быть министрами. Таким образом,

ныне американская система, где независимость друг от друга законодательной, исполнительной и судебной властей осуществлена на деле, больше соответствует британским порядкам XVIII века, чем теперешняя английская, где превыше всего палата общин.

Предпосылкой доктрины о разделении власти явилась мысль об ограничении роли государства; для Монтескье государство подобно ночному сторожу, поддерживающему порядок и охраняющему свободу и имущество граждан. (Пока либералы предпочитали невмешательство государства в дела общества, они боготворили Монтескье. Когда стали ориентироваться на большую активность государства, доктрина разделения властей потеряла для них обаяние и стала привлекать консерваторов.)

Нелегко подытожить философию Монтескье. Это любопытная смесь ненависти к клерикалам и деспотизму, стремления к свободе личности и сильного желания сохранить привилегии и собственность аристократов. Но упование на разум, изучение прошлого и забота о будущем, стремление к объективности и к реформам сделали Монтескье одним из влиятельнейших политических писателей современности, постоянно пересматриваемым, постоянно открываемым вновь. И если век разума перешел в век революции, виноваты в том не философы, а власть, которая упорно сопротивлялась реформам и сделала революцию неизбежной.

В первой половине XVIII века критике во Франции подвергалась скорее церковь, чем правительство, но когда авторитет церкви был подорван, пришла очередь светской власти. Центрами общества были парижские салоны, где блеск ума философов смешивался с очарованием красавиц и холодным скептицизмом аристократов. Народ молчал, Вольтер называл его чернью, и большинство просветителей думали так же. Вольтеру был бы больше всего по душе просвещенный король, защищающий интеллектуальную свободу и личную собственность: «Лучше подчиняться льву, который намного сильнее тебя, чем двум сотням лис твоего же масштаба». Тем не менее отчаянные нападки Вольтера на религиозную темноту и неравенство перед судом открыли путь революции.

Во второй половине века политическая критика стала смелее и откровеннее. В 1751—1780 годах Дидро с помощью Д'Аламбера, Гольбаха, Гельвеция, Тюрго, а вначале и Вольтера с Монтескье, издал «Энциклопедию», первый синтез всех знаний. Энциклопедисты верили в разум и просвещение как в лучший путь человечества к счастью. Несмотря на новые идеи, взгляд на цивилизацию у них был традиционным, шел еще от греков. Самые основы цивилизации впервые подверглись атаке со стороны Руссо (1712—1778). Уже до Руссо критики существующего строя постепенно включали «народ» в свои планы реформ. Но под «народом» подразумевалось «третье сословие» — купцы, законники, интеллектуалы.

Руссо, сын часовщика, сам был из «четвертого» сословия — угнетенной и бессловесной массы мелких буржуа, ремесленников, рабочих, крестьян и деклассированных, для которых не было ни места, ни надежды в существующем строе. С двенадцати лет Руссо был подмастерьем, пробовал различные профессии, скитался, а в 1744 году поселился в Париже. В 1750 году получил первый приз Дижонской академии за «Рассуждение о науках и искусствах».

В 1762 году печатает «Общественный договор». «Проблема,— говорит Руссо,— в том, чтоб найти форму общества, которая защитит жизнь и имущество каждого и в котором каждый, объединясь со всеми, останется все же сам себе господином, свободным как и прежде». Ибо «человек рожден свободным, но повсюду он в оковах».

«Естественный» (первобытный) человек думает только о себе, пока не поймет, что в одиночку не защититься от притеснений. И цель общественного договора — сочетать безопасность, обеспеченную коллективом, со свободой личности. Но договор, который «полностью передает личность со всеми ее правами обществу», Руссо отвергает: «Безопасность можно найти и в темнице, но достаточно ли этого, чтобы стремиться туда?» Отказавшись от свободы, перестаешь быть человеком. В «Общественном договоре» Руссо люди не отдаются под власть суверена, а каждый подчиняется всем и, значит, никому в отдельности. И в отличие от природного состояния, где людьми руководили инстинкты, общество вдохновляют справедливость и мораль. Человек теряет прежнюю свободу и право брать все, что сможет, но приобретает гражданскую свободу и право собственности на свое имущество. Свобода дикаря — не истинная свобода, дикарь — раб неконтролируемых желаний. А моральная свобода, обретенная только в обществе, делает человека господином желаний, ибо «повиновение закону, установленному тобой же, есть свобода».

В отличие от большинства мыслителей Руссо считает суверенитет народа неотъемлемым и неделимым. Народ не может никому отдать свое право на самоуправление и решение своей судьбы. Правительство — лишь временный агент суверенного народа (как у Локка). Но у Локка народ вручает органам управления власть исполнительную, законодательную и судебную, а Руссо против передачи парламенту или кому бы то ни было законодательной власти, самой высшей. Причем исполнительную и судебную власть он, передав правительству, все же полностью подчиняет народу — суверену. (И намека нет на разделение или равновесие властей.) Англичане, по мнению Руссо, заблуждаются, считая себя свободными. Фактически свободны они раз в несколько лет, на выборах. Суверенность должна отдаваться генеральной воле народа и не нуждается в представительных учреждениях.

«Генеральная воля всегда направлена к благоденствию всех и является источником законов, составленных для всех членов государства в их отношениях друг к другу и к государству». Здесь Руссо отходит от механистической концепции Локка (государство — лишь орудие) и воскрешает органические теории государства, идущие от греков (государство — живой организм).

Государство состоит из отдельных групп, у каждой есть своя генеральная воля, но генеральная воля государства охватывает всех граждан. Цель ее — всеобщее благоденствие, и она исходит от всех и относится ко всем. Генеральную волю нельзя путать с волей всех. «Воля всех» — это просто сумма отдельных воль, она сообщает о частных интересах, а генеральная воля учитывает интересы всего общества. Все люди, конечно, хотят блага, но понимают его по-разному, в особенности будучи разбиты на группы. Видимо, думая о прямой демократии в крошечных городах-республиках Швейцарии, Руссо восхищенно описывает «крестьян, решающих под дубом государственные дела», неизменно мудро, предпочитая это хитроумным методам парламентов.

Личность, осуществляя свою моральную свободу, подчинится генеральной воле, а отказавшегося подчиниться можно заставить. «Его заставят быть свободным». (Здесь Руссо воскрешает теорию разницы между мнимой свободой дикаря, который на деле раб своих желаний, и истинной свободой человека цивилизованного, состоящей в повиновении законам, которые он сам как член общества помог ввести.)

Эта формула «заставить быть свободным» — то есть свобода человека не то, что он думает, а то, что ему надлежит думать,— легко использовалась Гегелем и современными апологетами государства. Но как демократ Руссо хотел, чтобы выполнение политических обязанностей обеспечивалось добровольным согласием, и этим думал спасти личную свободу в условиях государства.

Либералы считали, что личные интересы каким-то образом сами сведутся к общему благу. Руссо, предоставляя народу неотъемлемый суверенитет, обязывает морально каждого гражданина стремиться к общему благу, ибо суверенитет и выражен в генеральной воле. «Нет патриотизма без свободы, нет свободы без добродетели, нет добродетели без граждан; сделайте людей гражданами — и получите все, что нужно; если нет граждан, сверху донизу будут лишь униженные рабы».

«Униженные рабы» тоталитарных государств пытались представить Руссо предшественником неограниченного коллективизма и подавления личности. Верно, доктриной Руссо можно злоупотребить, и ею злоупотребляли, борясь с демократией. Но его «Общественный договор» подразумевал маленькое государство, где свободный народ управляет непосредственно и все отвечают за общее благо.

Классическая доктрина Платона и Аристотеля предлагала не самоуправление, а «хорошее» правительство. Локк и либералы предпочитали самоуправление, считая, что «хорошее» правительство само возникнет из сочетания «laissez faire» с частной инициативой. Руссо пытался объединить «хорошее» правительство с самоуправлением, установив генеральную волю,— то есть мало того, что закон хорош для народа, он должен еще соответствовать желанию народа.

Вот почему Руссо, как и Платона, заботило воспитание гражданина как процесс укрощения иррациональных сил, преобразующий их в социально желательную деятельность, из которой государство черпает силу и связность. Однако после Руссо политическая мысль приняла упрощенную, сугубо рациональную концепцию человека и строила на ней теорию государства. Факты, не умещавшиеся в рамки этой теории, отметались как исключительные и ненормальные.

И если в XIX веке казалось, что мир неизбежно идет к демократии и даже политически отсталые страны, как Россия и Германия, должны были платить дань духу времени, постепенно расширяя, хотя бы формально, самоуправление, то в XX веке политическое лицемерие уже не считалось обязательным, и демократы стали атаковать в открытую, отбросив видимость уступок принципам демократии. ●

Сокращенный перевод
А. ФРИДМАНА



Иллюстрация О. Маликова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Я. Гордин

Распад, или Перекличка во мраке

Часть 2*

Чтобы понять, как же относился круг Ахматовой к событиям 25 октября, нужно перечитать чрезвычайно близкого ей Мандельштама, с которым они в конце 1917 года встречались почти ежедневно.

Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы,
И ощетинился убийца-броневик
И пулеметчик узколобый,

Керенского распять потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала:
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
Чтоб сердце биться перестало!

И укоризненно мелькает эта тень,
Где зданий красная подкова;
Как будто слышу я в октябрьский тусклый день:
Вязать его, щенка Петрова!

Среди гражданских бурь и яростных личин,
Тончайшим гневом пламенея,
Ты шел бестрепетно, свободный гражданин,
Куда вела тебя Психея.

И если для других восторженный народ
Венки свивает золотые —
Благословить тебя в глубокий ад сойдет
Стопою легкою Россия.

Стихи эти, откровенно оппозиционные новой власти, опубликованы были в той же «Воле народа» 15 ноября 1917 года.

Это восприятие октябрьских событий как контрреволюционных и антидемократических не было особенностью поэтического взгляда. Взгляд этот вполне совпадал с точкой зрения недавних соратников большевиков по борьбе с самодержавием. Известный историк С. Мельгунов так описывает заседание Московской городской думы 6 ноября 1917 года: «Даже убеленный сединами председатель Думы, все время просивший Думу успокоиться и выйти из атмосферы гражданской войны, не выдерживает своей роли арбитра и призывает в патетической речи Думу к беспощадной и упорной борьбе: „Я снова буду бороться за свободу и с большевиками так же, как всю жизнь боролся с царскими прихвостнями. Они — губители свободы, они предатели, они изменники... Тот ужас и то разрушение, которое произвели большевики, мог сделать только тот, кто всеми силами своей души старался бы задавить свободу, задавить революцию"»*.

Что до Мандельштама, то симпатия к Керенскому, возможно, преувеличенная трагическим моментом,— это симпатия к демократическому пути. Дело, естественно, не в Керенском, а в том, что́ он символизировал для Мандельштама.

И чрезвычайно важна последняя строфа, противопоставляющая Россию как высшую историческую инстанцию заблудшему народу (ахматовская «мечущаяся толпа»).

От этого стихотворения идут далеко смысловые нити.

Если Керенский — Христос («социализм Христа» у Пастернака), то Пилат, соответственно, Ленин. Это не случайное поэтическое завышение. В российской либеральной мысли была традиция отождествлять попранную самодержавием русскую свободу с распятым Христом. Тогда насильники, враги, распинавшие Россию, были царские сатрапы. Теперь — для демократов — большевики.

Но глубинный смысл уходит дальше, к Пушкину. Собственно, все это стихотворение есть вариация финала «Бориса Годунова». Тут не только яркая опознавательная фраза «Вязать его, щенка Петрова!», прямо восходящая к пушкинскому «Вязать Борисова щенка!», но и воспроизведение в несколько иной лексике описанного Пушкиным народного мятежа, сметающего одного владыку и выносящего на вершину власти другого. Ленин тут ассоциируется с Лжедмитрием («октябрьский временщик», мимолетный узурпатор). Ленину и большевикам инкриминировалась помощь Германии, Лжедмитрию помогали поляки. И Ленин, и Лжедмитрий прибыли в Россию извне — из Европы. Но и тот, и другой — ставленники мятежной народной стихии.

Действие перенесено с Красной площади на площадь Дворцовую, «где зданий красная подкова»**, и «Борисов щенок», молодой царь, превратился в «щенка Петрова», наследника петербургского императора. Это, однако же, не механическая замена. Если Федор Годунов, «Борисов щенок»,— сын царя Бориса, то «Петров щенок» — царевич Алексей, сын императора Петра,— надежда оппозиции, противостоявшей яростному сокрушителю, неумолимому реформатору.

Это стихотворение, несомненно, связано со стихами 1916 года «На розвальнях, уложенных соломой...», финал которого издавна относят к гибели Лжедмитрия. Тем более что во второй строфе упоминается Углич.

Царевича везут, немеет страшно тело —
И рыжую солому подожгли.

Есть, однако, достаточные основания отнести сюжет этот, разворачивающийся в Москве, к гибели того же Алексея Петровича, «щенка Петрова». Когда Лжедмитрий погиб, он был уже царем, а не царевичем. По Москве его не везли — он был убит в Кремле. По городу таскали его труп. И мирная обыденная обстановка совсем не похожа на ситуацию кровавого бунта москвичей в день гибели Лжедмитрия.

Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.—

Связанные руки, немеющее тело (никак не соотносящиеся с обстоятельствами гибели Лжедмитрия) прямо соотносятся с пытками, ожидающими царевича Алексея. И подожженная солома,— возможно, соломенные жгуты, которыми жгли подвешенных на дыбе. Упоминание же об Угличе — скорее напоминание о судьбе наследников, предсказание гибели.

Все это легко сопоставляется с фразой о «щенке Петровом» и настороженной памятью Мандельштама о петровских репрессиях, мысль о которых мучила его — по прямому ассоциативному ходу — в угрожающем 1931 году, когда уже начались его хождения по мукам.

Я — непризнанный брат, отщепенец
в народной семье..
Лишь бы только любили меня
эти мерзлые плахи,

Здесь удивителен не только петровский пыточный мотив, но и несомненная связь с «Борисом Годуновым». В железных рубахах — веригах — ходили юродивые. У Пуш-

*Часть I читайте в «Знание—сила», № 10 за этот год.

* С. Мельгунов. «Как большевики захватили власть». «Editions'la Renaissance». Париж, 1953 год.
** Зимний дворец и весь ансамбль площади был тогда кирпично-красным.

Как, нацелясь на смерть, городки зашибают
в саду,
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной
рубахе
И для казни петровской в лесах топорище
найду.

кина: «Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами»,— Николка Железный Колпак.

В ноябре 1917 года, назвав свергнутого и преследуемого Керенского «щенком Петровым», связав его с двумя убиенными — молодым царем Федором Годуновым и царевичем Алексеем, Мандельштам представил сознанию современного ему читателя кровавый исторический комплекс, соединив страшные эпохи исторических катаклизмов и жестоко раздвинув время: «Вдруг стало видимо далеко во все концы света».

В декабре 1917 года Мандельштам пишет стихотворение, прямо обращенное к Ахматовой, как бы суммирующее их отношение к настоящему и будущему. Поскольку стихотворение называется «Кассандре», то очевидно, что Ахматова была настроена вполне пессимистически:

И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя;
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках отвратительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.

И далее:

На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.

Это опять-таки о Керенском, пытающемся противопоставить разъяренной революционной стихии классические лозунги демократии.

Классическая демократия — именно о ней мечтала русская либеральная интеллигенция в большинстве своем, ее ждали от Февральской революции,— вот основа, на которой Ахматова, Мандельштам, Пастернак готовы были сойтись с освободительным движением. Процесс, однако, уходил в совершенно иную сторону...

Общую позицию интеллигентов-либералов, взыскующих гуманной демократии, «социализма Христа», сформулировал Федор Степун со свойственными ему политическим спокойствием, философской честностью и ясностью ума, отвечая перед высылкой на вопросы в ЧК — ОГПУ:

«1) Как гражданин Советской Федеративной республики я отношусь к правительству и всем партиям безоговорочно лояльно; как философ и писатель считаю, однако, большевизм тяжелым заболеванием народной души и не могу не желать ей скорого выздоровления.

2) Протестовать против применения смертной казни в переходные революционные времена я не могу, так как сам защищал ее в военной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов, но уверенность в том, что большевистская власть должна будет превратить высшую меру наказания в нормальный прием управления страной, делает для меня всякое участие в этой власти и внутреннее приятие ее невозможным.

3) Что касается эмиграции, то я против нее: не надо быть врагом, чтобы не покидать постели своей больной матери. Оставаться у этой постели — естественный долг всякого сына. Если бы я был за эмиграцию, то меня уже давно не было бы в России»*.

Разумеется, вместе с ходом жизни менялись и нюансы жизненных позиций наших героев в первые послеоктябрьские годы. Но уверен, что под этим текстом — с небольшими изъятиями — без особенных сомнений подписались бы и Мандельштам, и Пастернак в 1918 году, а Ахматова — всегда.

Можно, однако, с достаточными основаниями предполагать, что после первых недель потрясения, вызванного свержением Временного правительства и разгоном Учредительного собрания, часть либеральной интеллигенции, несколько остыв, стала внимательно присматриваться к происходящему, ища возможность для сотрудничества. Тот же Мандельштам, еще недавно столь непримиримый, в мае 1918 года пишет знаменитые «Сумерки свободы», стихи чрезвычайно сложные по смысловым оттенкам:

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы —
О солнце, судия, народ.

Прославим роковое время,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть — тот должен слышать,
время,
Как твой корабль ко дну идет.

Лидия Яковлевна Гинзбург совершенно точно писала, что здесь, конечно же, имеются в виду утренние сумерки, предрассветное время 1918 года — «великий сумеречный год», ибо еще не ясно, какой день наступит. «Грузный лес тенет» — тенета, сети заброшены в ночные воды недавнего прошлого. Какой будет улов? Впереди — глухие, непонятные годы.

Мандельштам, следуя завету Пушкина, пытается «взглянуть на трагедию взглядом Шекспира», то есть крупно, прощая истории ее жестокость ради возможного в будущем

*Федор Степун. «Бывшее и несбывшееся». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 год.

благого результата. До конца двадцатых годов, до отчаянной «Четвертой прозы» Мандельштам старался следовать этой установке.

Ахматова выбрала иной путь, хотя их близкая дружба и взаимное понимание с Мандельштамом сохранились до конца..

В послереволюционном хаосе трудно найти прямые истоки террора и определить момент, с которого он стал неотвратим. Но можно выявить хотя бы условный рубеж, за коим большая кровь оказалась неизбежной. В ночь с 5 на 6 января 1918 года было разогнано Учредительное собрание, а перед этим подавлены попытки уличных демонстраций в его поддержку. Горький, свидетель событий, писал в «Новой жизни» от 11 января 1918 года:

«5-го января 1918 года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови и вот "народные комиссары" приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из "народных комиссаров" сами на протяжении всей политической деятельности своей внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. "Правда" лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно "буржуи" и "калединцы".

«Правда» лжет, она прекрасно знает, что "буржуям" нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 большевиков.

"Правда" знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами российской социал-демократической партии к Таврическому шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала "Правда", она не скроет позорного факта».

Историки могли бы скорректировать это описание, сказать, например, что большинство демонстрантов составляли все же не рабочие, а интеллигенция, что число убитых было сравнительно невелико — от 8 до 21 человека. Но нам в данном случае важна не адекватная картина событий, а восприятие расправы русским интеллигентом и, главное, тот факт, что расстрел 5 января 1918 года неизбежно соотносился с расстрелом 9 января 1905 года, и, стало быть, у значительной части либеральной интеллигенции возникло ясное ощущение, что на смену старому деспотизму грядет новый деспотизм. Ведь по свидетельству той же «Новой жизни» группа петроградских рабочих возложила на могилу жертв 5 января, похороненных на Преображенском кладбище, рядом с жертвами 9 января, венок с надписью: «Жертвам произвола самодержцев из Смольного».

Переломность этих событий ощущалась остро. Как писал один из современников, «это был поворотный пункт. После 5-го января для прежней идеалистически настроенной российской интеллигенции не стало места в истории, в русской истории. Ей принадлежало прошлое»*.

До июня 1918 года русские социалисты не считали возможным активно выступать против большевиков, чтобы не сыграть на руку контрреволюции. И только в середине июня, когда они уже фактически были вытеснены из легальной политической жизни, они взялись за оружие...

В ситуации раскола и взаимного озлобления демократических сил гражданская война оказалась неизбежной. Ленин это прекрасно понимал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»**.

Но лидер РКП (б), уверенный в безусловной правильности своих идей, считал, что эсеры и меньшевики должны принять все условия большевиков. Вряд ли Ленин предвидел возможность трехлетней кровавой мясорубки, предопределившей и трагедию последующих десятилетий.

Как бы то ни было, депутаты Учредительного собрания, бежавшие из Петрограда, блокировались с монархистами и мятежными чехами и приступили к организации антибольшевистских восстаний — Ярославль, Самара. И неважно, что затем белое офицерство отринуло союз с социалистами и постаралось расправиться с ними. В результате этого противоестественного блока, на который социалистов толкнул разгон Учредительного собрания, был запущен механизм гражданской войны.

Либеральная интеллигенция, не имеющая прямого отношения к политической борьбе, воспринимала и оценивала реальность, исходя из конкретных проявлений этой борьбы, провидя в них набухающие зерна будущего.

* «Минувшее», исторический альманах, № 4. Париж, издательство Atheneum, 1987 год.
** Ленин В. И. Полное собрание сочинений, том 34, стр. 127.

Быть может, первым таким преступлением против человека, потрясшим интеллигентское сознание, стало убийство в Мариинской больнице. Через сутки после разгона Учредительного собрания, в ночь с 7 на 8 января, балтийские матросы застрелили в больничной палате бывших министров Временного правительства Шингарева и Кокошкина, лидеров кадетской партии, людей достойных и уж во всяком случае не заслуживших пьяного самосуда. Разумеется, большевики не хотели этих конкретных смертей, но это было воспринято как прямое следствие Октября и событий 5—6 января.

Пастернак, летом 1917 года предчувствовавший грядущий ужас, теперь осознавал его. Сравнительно недавно были найдены несколько его стихотворений 1918 года, которые он не публиковал в отличие от Ахматовой и Мандельштама. Я этим вовсе не хочу упрекнуть великого поэта в робости, но констатирую факт, психологически значимый. Убийству Шингарева и Кокошкина Пастернак посвятил потрясенные строфы:

Мутится мозг. Вот так? в Палате?
В отсутствие сестер?
Ложились спать, снимали платье.
Курок упал и стер?

Кем были созданы матросы,
Кем город в пол-окна.
Кем ночь творцов; кем ночь отбросов,
Кем дух, кем имена?..

И далее, после возмущенно-недоуменного вопроса Богу, сотворившему убийц...

Сарказм на Маркса. О, тупицы!
Явитесь в чем своем.
Блесните! Дайте нам упиться!
Чем? Кровью? — Мы не пьем.

Так вас не жизнь парить просила?
Не жизнь к верхам звала?
Пред срывом пухнут кровью жилы
В усильях лжи и зла.

На том же листе, следом за этими стихами, поэт пытается воссоздать страшное движение от бескровного февраля к послеоктябрьским катаклизмам. Стихотворение так и названо: «Русская революция».

Как было хорошо дышать тобою в марте
И слышать во дворе, со снегом и хвоеи
На солнце, поутру, вне лиц, имен и партий
Ломающее лед дыхание твое!..

- -

Что эта, изо всех великих революций
Светлейшая, не станет крови лить; что ей
И кремль люб, и то, что чай тут пьют из блюдца.
Как было хорошо дышать красой твоей!..

Публикатор этих стихов Е. Б. Пастернак совершенно справедливо пишет: «Рукопись пролежала в семейном архиве более шестидесяти лет, сохраненная лишь потому, что Пастернак не подозревал о ее существовании»*. Можно с уверенностью сказать, что, вспомни поэт об этих стихах, он наверняка бы сжег их — при возможности обыска они стали бы смертным приговором автору, ибо далее шло:

Смеркалось тут... Меж тем свинец к вагонным дверцам
(Сиял апрельский день) — вдали, в чужих краях
Навешивался вспех ганноверцем, ландверцем.
Дышал локомотив. День пел, пчелой роясь.
А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы.
Был слышан бой сердец. И в этой тишине
Почудилось: вдали курьерский несся, пломбы
Тряслись, и взвод курков мерещился стране.

Речь, естественно, о следовании из Германии в пломбированном вагоне лидеров большевиков, радикалов, делавших ставку на взведенные курки — на насилие.

В послефевральской России, виделось Пастернаку, «грудью всей дышал социализм Христа». Тут сложная связь с блоковским Христом и религиозным восприятием революции Ахматовой.

Но затем идет бешеная инвектива против того, кто взорвал «Социализм Христа», превосходящая по своему напору мандельштамовское «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы...».

Он, — «С Богом,— кинул, сев; и стал горланить: — к черту —
Отчизну увидав,— черт с ней, чего глядеть!

Мы у себя, эй, жги, здесь Русь, да будет стерта!
Еще не все сплылось; лей рельсы из людей!

Лети на всех парах! Дыми, дави и мимо!
Покуда целы мы, покуда держит ось
Здесь не чужбина нам, дави, здесь край родимый.
Здесь так знакомо все, дави, стесненья брось!»

Это о Ленине, как он представлялся Пастернаку в 1918 году, в переломный момент начала гражданской войны и разгорания красного террора. Следы этого взгляда еще сохранились в «Высокой болезни», хотя там «взгляд Шекспира» уже победил боль и горечь момента. В «Русской революции» доминанта Ленина — стремительность, не останавливающаяся ни перед чем: «Лети на всех парах! Дыми, дави и мимо!». В «Высокой болезни» — то же самое:

Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

И там, и здесь — голос, форсированный до крика. В «Русской революции»: «Он, — «С Богом,— кинул, сев; и стал *горланить*,— к черту!» И далее — сплошные восклицательные знаки.

В «Высокой болезни»: «Его голосовым экстрактом / Сквозь них история *орет*». (Вспомним И. Покровского: «Сила крика» осталась за теми крайними флангами...»)

В восприятии Ленина у Пастернака происходит то же движение, что и у Мандельштама, у которого «октябрьский временщик» превращается в «народного вождя», производящего гигантский эксперимент. В «Высокой болезни» Ленин — гений, явление которого, однако, предопределяет скорый гнев, новый деспотизм. И это пророчество, столь родственное скорбным предчувствиям Ахматовой, Пастернак опубликовал.

Политический путь Пастернака не исследован и не понят. Это еще впереди. Одно можно сказать твердо: ни «Лейтенант Шмидт», ни «Девятьсот пятый год» не были попытками подольститься к власти и еще менее было это «сменой вех».

Революция таила в себе огромное обаяние для большинства русских интеллигентов, презиравших и отрицавших самодержавие,— это очевидно. И воспринявшие октябрьские события как контрреволюцию, они перенесли свое отрицание на новую власть, не меняя своего уважительного отношения к освободительному движению как таковому. Более того, классическое русское освободительное движение они воспринимали теперь как нечто противоположное по своим идеалам большевизму. Пастернаковское восприятие «святой революционности» почти дословно, не говоря уже о внутреннем смысле, совпадает с восприятием Степуна.

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Что бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег

И с этой точки зрения пастернаковские «революционные поэмы» могут быть трактуемы как оппозиционный акт.

Гнев и отчаяние, однако, уже отлягут к середине двадцатых годов. И уже в ином состоянии напишет он «Девятьсот пятый год» — взгляд с птичьего полета на подступы к катастрофе, напишет «Лейтенанта Шмидта», взяв в герои Дон Кихота революции, интеллигента-идеалиста («А сзади, в зареве легенд, / Дурак, герой, интеллигент...» из «Высокой болезни»), но в 1918 году — в самом начале большой крови — метафорой революции для него стал кронштадтский самосуд над офицерами.

Теперь ты — бунт. Теперь ты — топки полыханье
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блев.

Пастернак не стал впрямую — как Ахматова и Мандельштам — ввязываться в роковую дискуссию. Он отложил, не дописав, все эти страшные стихи. Но смысл их — политический и поэтический — был для него столь фундаментален, что он в 1921 году сконцентрировал его в манифесте, трудно понимаемом сегодня, если не сравнивать со стихами 1918 года. Прочитаем их, держа перед глазами «Русскую революцию»:

Нас мало. Нас может быть трое
Донецких, горючих и адских.
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи
Нас сбило и мчит в караване,
Как тундру под тендера вздохи
Под поршней и шпал порыванье
Слетимся, сорвемся и тронем,
Закружимся вихрем вороньим.

Это монолог призраков, тех, кто сбит бешено мчащимся курьерским из «Русской революции»: «Лей рельсы из людей». «Дыми, дави и мимо!» — в 1918. «И — мимо» — в 1921. Не случайна здесь и тундра — знак пути на Север в начавшиеся уже концлагеря.

Главная общность: бешено мчащийся «локомотив истории» — революция в своем новом, октябрьском, воплощении,— сшибающий и давящий человека ради процесса движения...

Николай Онуфриевич Лосский, замечательный русский философ, высланный в 1922 году, писал позже, суммируя опыт прошедших десятилетий в плане этическом: «Субъективное сознание чистоты намерения, свободы от всякого личного расчета, даже

* «Новый мир», 1989 год, № 4

И — мимо! — Вы поздно поймете.
Так, утром ударивши в ворох
Соломы — с момент на намете,—
Ветр вечен потом в разговорах
Идущего бурно собранья
Деревьев над кровельной дранью.

проявление жертвенности при совершении поступка вовсе не гарантирует еще нравственного совершенства его. Якобинцы, инквизиторы, большевики, совершая бесчисленные убийства и жестокости, пытаются оправдать свои поступки великими благами и принципами, за которые они борются. И в самом деле, многие из них были воодушевлены пламенною любовью к подлинным объективным ценностям; тем не менее поведение их отталкивает своим нравственным уродством. Объективная сторона их поступков ужасна, и даже субъективная сторона, кажущаяся самому деятелю чистою, на деле нравственно несовершенна. В самом деле, узость сознания ценностей, присущая всем нам, существам, отпавшим от Бога, достигает прямо-таки ужасающей степени у фанатиков церкви, у революционеров, у пылких поборников социальных реформ. Чаще всего эта узость выражается в том, что фанатик ставит отвлеченную идею, теорию, проект реформ выше живого человека и потому способен убивать, насиловать, коверкать жизнь людей ради осуществления своего идеала...»*.

Нравственно-политический конфликт, о котором пишет Н. Лосский, должен был в конкретной ситуации трагически усугубиться. 20 июня 1918 года был убит народный комиссар Володарский. 26 июня Ленин послал из Москвы гневное письмо в Петроград: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*.

Привет! *Ленин*»**.

«Массовый террор», перераставший во всероссийский самосуд с той и с другой стороны, ломал моральные представления и уничтожал возможность примирения и компромисса. Ценность человеческой жизни упала до нуля. Самоценность человеческой личности стала фикцией.

Федор Степун писал о временах военного коммунизма: «Со дня на день креп террор, людей преследовали не только за их деяния и мысли, но и за их бездейственное немое бытие. Смертные приговоры выносились и приводились в исполнение не в порядке наказания за преступление, а в порядке ликвидации чужеродного и потому не пригодного для социалистического строительства материала. Помещики, буржуи, священники, кулаки, белые офицеры так же просто выводились в расход, как в рационально поставленных хозяйствах выводится в расход одна порода скота ради выведения другой»***.

Степун, как мы знаем, вовсе не был сторонником самодержавия и реставрации. Отнюдь. Он был убежденным демократом и активным деятелем послефевральского периода. Он не был ослеплен партийной ненавистью и отдавал должное различным политическим фигурам и движениям. Он писал, например: «Монументальность, с которой неистовый Ленин в назидание капиталистической Европе и на горе крестьянской России принялся за созидание коммунистического общества, сравнима разве только с сотворением мира, как оно рассказано в Книге Бытия». Он не сочувствовал этой демиургической деятельности и считал ее нереальной: «В ответ на ленинское "да будет так" жизнь отвечала не библейским "и стало так", но всероссийским "и так не стало". Перенесенное в плоскость человеческой воли творчество из ничего не создало новой жизни, а лишь разрушило старую». Речь идет о военном коммунизме, но ведь и сам Ленин вскоре признал катастрофичность этого пути.

У нас нет оснований подозревать Степуна в преувеличениях, когда он рассказывает: «Шли мы, озираясь, нет ли за углом чекиста-опричника или просто пьяного хулигана с наганом за пазухой. Вдруг позади послышался скрип полозьев. Мы невольно остановились пропустить сани. Когда с нами поравнялись горой нагруженные розвальни, мы с ужасом увидали, что из-под прикрывающего кладь брезента торчат голые человеческие ноги... Только одного было вдоволь — трупов в анатомическом театре. По свидетельству известного врача, у большинства из них были прострелены затылки»****.

---

* Н. Лосский. «Условия абсолютного добра. Основы этики». Париж, 1949 год.
** В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 50, стр. 106.
*** Федор Степун. «Бывшее и несбывшееся», Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1956 год.
**** Федор Степун. Там же.

Ахматовой все это было нестерпимо.

В том же, 1918 году (точная дата неизвестна) до Ахматовой дошли известия о расстреле ее младшего брата Виктора. И тогда появились первые ее стихи о терроре:

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!

Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на белый свет.

Слух оказался неверным. Виктор Андреевич Горенко пережил сестру на много лет и умер в 1979 году за границей.

Но дело было не в конкретном расстреле, даже если бы известие оказалось верным. Мировосприятие Ахматовой, очевидно, совпало с тем страшным ощущением Пастернака, которое заставило его взять к «Распаду» эпиграф из «Страшной мести» с его глубинным смыслом.

Гибель детей... «Для того ль тебя носила я когда-то на руках...» (Вспомним горькое: «Вот для чего я пела и мечтала...».) Убитые младенцы у Гоголя, «слезинка ребенка» у Достоевского... Нет сомнения, что через сто лет будут считать убийство царской семьи — мальчика-наследника, женщин, совершенно невинной обслуги — отвратительным преступлением. Но кровь самого Николая II, пролитую в июле 1918 года в Екатеринбурге, восприняли как трагический ответ на невинную кровь 9 января 1905 года.

На рубеже 1921—1922 годов Мандельштам писал в очерке «Кровавая мистерия 9-го января»: «...Любая детская шапочка, рукавичка или женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургских снегах, оставались памяткой того, что царь должен умереть, что царь умрет.

Может, во всей летописи революции не было другого такого дня, столь насыщенного содержанием, как 9 января. Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятный смысл, тяготело над нами, как нечто грозное, тяжелое, необъяснимое.

Урок девятого января — цареубийство — настоящий урок трагедии; нельзя жить, если не будет убит царь».

Мандельштам отнюдь не был кровожаден. Он был подлинным русским интеллигентом со всеми вытекающими отсюда гуманистическими последствиями. Он, как известно, рискуя головой, вырвал из рук пьяного чекиста пачку подписанных смертных приговоров, разорвал их и спас этим от гибели несколько человек. Но на преступления царской власти он смотрел так, как и большинство либеральных интеллигентов. Что, впрочем, вовсе не гарантировало их лояльности по отношению к советской власти. Вряд ли Ахматова судила о преступлении 9 января иначе. В автобиографических записях есть такие строки: «Непременно. 9 января и Цусима — потрясение на всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное».

Мандельштам писал «Мистерию 9-го января» уже после убийства любимого и почитаемого им Гумилева (много позже он сказал Ахматовой, что всю жизнь разговаривает с Гумилевым — «с Колей»). И тем не менее его отношение к самодержавию осталось бескомпромиссным. Мировоззрение «от противного» не было им свойственно. Ни Ахматова, ни Мандельштам не были ни убежденными монархистами, ни тем более, как видим, поклонниками самодержавия. Их оппозиция Октябрю, как прежде приятие Февраля, объясняется одной и той же причиной — их либерализмом и, если угодно, демократизмом.

Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги,
чтоб я теперь их предал? —

писал Мандельштам уже в 1931 году. Тот же вопрос мог он задать себе и в 1917 . Но если, «взглянув на историю взглядом Шекспира», он с 1918 года — до поры! — дрейфовал к лояльности, как и Пастернак, то Ахматова осталась неколебимо последовательной, и последовательность эта определялась той же традицией. В том же, 1918 году произошло событие, которое, я уверен, укрепило Ахматову в ее не столько политическом, сколько моральном неприятии происходящего. 30 августа 1918 года на Дворцовой площади, в вестибюле петроградской ЧК, был убит выстрелом из револьвера в голову председатель комиссии Урицкий.

Убил его двадцатидвухлетний студент-политехник Леонид Самуилович Канегиссер. Канегиссер, крещеный еврей, в недавнем прошлом юнкер Михайловского артиллерийского училища, был товарищем (то есть заместителем) председателя «Союза юнкеров-социалистов». В справочных изданиях обычно пишут, что Урицкий убит был эсером, крепко увязывая это с покушением на Ленина Фанни Каплан, происшедшим в тот же день в Москве. Трудно сказать, действительно ли это элементы одной операции. Но Канегиссер эсером не был, он принадлежал к партии народных социалистов, руководимой известным народником Чайковским, ведущим свою политическую родословную из времен «Народной воли».

Нужно ясно сознавать, что здесь столкнулись не революция и контрреволюция, но разные представления о революции. Началась смертельная борьба между различными течениями русского освободительного движения, в тот момент более жестокая, чем борьба революции с собственно контрреволюцией, еще растерянной и деморализованной. Этот смертельный раскол социалистического движения в России, мало осознаваемый теперь, тогда был чрезвычайно болезненной для интеллигенции стороной общей трагедии.

Мудрый и объективный Георгий Федотов, в этот момент уже религиозный мыслитель, а в не столь давнем прошлом — участник революционного движения, левый социал-демократ, писал в журнале «Свободные голоса» за 22 апреля 1918 года: «В России нет сейчас несчастнее людей, чем русские социалисты,— мы говорим о тех, для кого родина не пустой звук. Они несут на себе двойной крест: видеть родину истекающей кровью и идеалы свои поруганными и оскверненными в их мнимом торжестве.

И ко всему этому присоединяется сознание, что именно попытка реализации этих идеалов повинна в какой-то еще не подлежащей определению мере, в гибели России.

Мы целый год с невыразимой болью созерцали, как влачится в грязи красное знамя, как во имя братства и справедливости бушует ненависть, алчность и вождение. Зверь не может досыта упиться кровью, животное — отвалиться от корыта с помоями»*.

Вот что предстало перед Ахматовой и Мандельштамом, требуя выбора...

Схваченный после теракта Канегиссер утверждал на допросах, что мстил за смерть друга, расстрелянного Урицким. Хотя, судя по всему, он и его товарищи действительно готовились к мятежу. Придя в ужас от свершавшегося на их глазах, русские социалисты надеялись спасти демократию новым переворотом.

Но для Ахматовой в этом деле важно было и другое: Леонид Канегиссер был поэтом. Н. Берберова, выступая 14 сентября 1989 года в Ленинграде, сказала о Канегиссере: «Молодой поэт, друг Адамовича, Оцупа, Иванова, вероятно, Гумилева тоже». Скорее всего, близкий к акмеистам Канегиссер знаком был и с Мандельштамом. Знакомство же Канегиссера с Ахматовой несомненно. Он опубликовал рецензию на «Четки», и есть сведения о его встрече и разговоре с Ахматовой незадолго до гибели.

Юнкер-социалист Леонид Канегиссер, член партии Чайковского, находился в последние месяцы жизни под сильнейшим влиянием другого знаменитого революционера, одного из гигантов «Народной воли» Германа Лопатина, предавшего большевиков анафеме после Октября и проповедовавшего сопротивление. Лопатин считал себя ответственным за гибель Канегиссера.

Подспудные связи Ахматовой с убийцей Урицкого не исчерпывались их литературными отношениями. В заметке «Попытка автобиографии» Ахматова писала в частности: «Два введения. Восприемники — Романенко (народоволец — убийца ген. Стрельникова)».

Народоволец в качестве восприемника появился в жизни Ахматовой отнюдь не случайно. С народовольчеством была связана в молодости ее мать. Ахматова писала позже в автобиографических набросках: «Когда моя мама в 1927 году в последний раз приехала ко мне, то вместе со своими народовольческими воспоминаниями она невольно припоминала Петербург даже не 90-х, а 70-х годов...»

Выстрел Канегиссера был для Ахматовой не просто отчаянным поступком молодого собрата-поэта, но и актом сопротивления той среды, к которой она некоторым образом была причастна с детства.

В деле Канегиссера ужас взаимного истребления сограждан вплотную приблизился к жизни Ахматовой. В 1918 году она сделала выбор, и он не сулил ей ничего хорошего.



* Г. П. Федотов. «Лицо России». IMCA PRESS, Париж, 1988 год.

КУРЬЕР НАУКИ И ТЕХНИКИ

Следите за колодцами!

В 1979 году на Сахалине и прилегающих островах наблюдали странное природное явление. В колодцах и скважинах внезапно поднялся уровень воды, продержался четверо суток и так же быстро опустился. Дело было в апреле, а в октябре произошло извержение южносахалинского вулкана, дремавшего до того целых двадцать лет. Не было ли первое событие своего рода предвестником второго?

Когда таким вопросом задались сотрудники Института морской геологии и геофизики Дальневосточного отделения АН СССР, то они выяснили ряд сопутствующих тому событий в мире. А именно: подземные воды в разных местах планеты начали подниматься еще в 1978 году, сигнализируя о сжатии недр. Сведения об этом известны по обширному району — от Японских островов до разлома Сан-Андреас в Калифорнии, на востоке Тихого океана, называемому Тихоокеанской плитой. По многим данным выходило, что ее сжатие продолжалось вплоть до 1982 года. Почему же такое с ней происходило в те годы?

По мнению ученых, эта плита поддвигается, то есть попросту подлезает, под соседнюю, Евро-Азиатскую, в результате чего на этой, верхней, возбуждаются волны тектонических напряжений. Затем они разряжаются толчками и вулканическими извержениями. Волна сжатия, о которой идет речь, шла с востока на запад, проходя за год до двух тысяч километров. Ее прохождение сопровождалось небольшим увеличением силы тяжести — в течение трех лет оно последовательно отмечалось в Китае, Новосибирске, Москве и в Потсдаме.

Но это еще не все. В те же годы, по данным лазерной локации Луны, у нашей планеты наблюдалось некоторое увеличение скорости суточного вращения. Причиной обоих глобальных событий может быть одно и то же — перераспределение вращательного момента между ядром Земли и ее оболочкой. Вот куда может вывести пытливую мысль ученых простое наблюдение за уровнем воды в колодце.

У спирта есть загадочное свойство...

Многообразие органических соединений пугает нас уже в школьном курсе химии. Как не потеряться в этом нагромождении формул и свойств? Оказывается, есть здесь некие общие и фундаментальные черты. Многие физико-химические особенности молекул каким-то образом закодированы в их строении. Но вот в чем проблема — как расшифровать этот «код»?

Тут несомненный интерес представляют исследования, предпринятые совместно в Московском химико-технологическом институте имени Д. И. Менделеева и Куйбышевском политехническом институте. Здесь разрабатывают новую математическую модель, которая должна быть пригодна для описания молекулы любого органического вещества. Для ее построения выбрали параметры — атомные порядковые номера атомов в молекуле, свидетельствующие о количестве заряженной материи. Разность между массой молекулы и суммой этих номеров указывает на содержание в ней электрически нейтральной материи. Сумма длин химических связей описывает распределение заряда по пространству молекулы.

Из этих данных удалось сконструировать формулу — математическую модель физико-химического «образа» любой органической молекулы. Чтобы проверить, насколько хорошо «образ» отображает «оригинал», ученые взяли спирты, о свойствах которых известно достаточно много. По формуле исследователи вычисляли некоторые свойства вещества, а затем сравнивали их с опытными данными. Вычислив таким образом свойства двенадцати разных спиртов — от метанола до додеканола и этилового спирта, определили по ним, какая должна быть у веществ плотность и теплоемкость. Когда сравнили их с известными данными, то выяснилось, что первая отличалась от известной всего на две сотые процента, вторая — не более чем на пять процентов.

Интересно и другое. Поскольку формула предполагает и обратную взаимосвязь, то по данным, например, измерения плотности, теплоемкости, других макроскопических параметров можно будет «вычислять» и особенности строения самих молекул каждого из спиртов.

Кто первый?

Кое-где на морском дне бьют горячие источники. А вокруг обитают всевозможные организмы, включая и такие, например, как креветки. Интересно, чем они там питаются, не голодают ли? Изобилие видов и их численность указывают на то, что еды хватает всем. Если бы все они жили в верхних слоях океана, все было бы понятно. Первыми углерод из атмосферы усваивают водоросли, затем он передается по пищевой цепи все более сложным, поедающим друг друга организмам. А на глубине, где нет света и растений? Кто-то ведь должен быть первым?

Углекислый газ выделяется из дна. И его прямо усваивают некоторые бактерии, так называемые хемоавтотрофы. Может быть, они — первые в питании всех остальных обитателей зоны вокруг горячих источников? В Институте микробиологии АН СССР обнаружили, что, действительно, глубоководные креветки могут поедать такие бактерии — в желудке креветок их находят в количестве около миллиарда штук на миллилитр объема. Но для нормального пропитания, по расчетам, этого совершенно недостаточно. Одновременно в тканях тех же животных обнаруживаются какие-то другие бактерии. Может быть, как раз они подпитывают креветок «на условиях» симбиоза? Гипотезу проверили в специальных опытах. В Атлантическом океане с помощью подводного обитаемого аппарата отловили донных животных и на борту судна сделали из их тканей кашицу. Затем определили ее способность усваивать углекислый газ из атмосферы радиоизотопным методом. Кашица действительно хорошо его усваивала, особенно при температуре тридцать градусов, и, по-видимому, потому, что в ней сохранились невредимыми жизнеспособные бактерии. А вот когда кашицу хорошо прокипятили, чтобы их уничтожить, то поглощение углекислого газа прекратилось совсем. Отсюда и вывод.

В обеспечении углеродом глубоководных креветок основную, если не единственную, роль играют симбиотические бактерии, постоянно живущие в различных тканях животных.



Рисунок Е. Деулиной

Земля — музыкальный инструмент

Создатели музыкальных инструментов используют в качестве резонаторов самые различные предметы: от хорошо известных деревянных корпусов скрипки и контрабаса до высушенных тыкв или стеблей бамбука. Но инструментом с самым оригинальным резонатором остается, без сомнения, земляная цитра, очень распространенная среди племен, населяющих территорию Уганды. Инструмент представляет собой, по сути, яму, вырытую в земле и прикрытую тонкой деревянной крышкой, на которой натянуты сухожилия. Понятно, что этот инструмент не транспортабелен, но и пианино, и орга́н исполнители тоже не могут взять с собой на гастроли.

Собачья прогулка

Когда-то женщины носили детей на спине. Теперь появились детские коляски. Но прошлое, судя по этому снимку, сделанному во Франции, не забыто. Вот только что́ думает друг человека по поводу такой «прогулки»?

«Рыбная» льгота

Владельцы одного нового рыбного ресторана в Лондоне поместили в газете объявление о том, что в день открытия заведения посетители с «рыбными» фамилиями будут обслуживаться бесплатно. Клиентов с такими льготами оказалось не так уж много — всего 65 человек. Среди них — мистер Сом, миссис Форель и даже мисс Селедка.

Вместо кошки

Дети всего мира с удовольствием играют с собаками и кошками. А вот в Мексике многие любят забавляться со змеями. На севере страны живет травоядная змея, которая неядовита, имеет простодушный нрав и внешне выглядит очень необычно — вся покрыта шерстью.

Закон есть закон

Итальянское законодательство запрещает брать воду из моря. Наказание — заключение или большой штраф.

Недавно был задержан молодой человек, у которого в багажнике автомобиля был найден бидон с морской водой, предназначенной для домашнего аквариума. «Преступник» отделался штрафом.

Этот странный закон объясняется тем, что в Италии издавна существует государственная монополия на производство поваренной соли. Во время второй мировой войны многие нарушали этот закон. Сейчас никто этого не делает, но закон продолжает действовать.

Прочь, Сатана!

Транспортная служба британской полиции приняла решение изъять постепенно из обращения все автомобильные номера с числом 666 — одним из библейских символов власти Сатаны. Эта странная мера вызвана множеством письменных жалоб водителей, утверждающих, что «адские» номера приносят несчастье — в них причина дорожно-транспортных происшествий.

В Мемфисе как в Мемфисе

Не так давно власти американского города Мемфиса, штат Теннесси, решили построить новый спортивный зал, желательно оригинальной конструкции. В конце концов остановились на проекте, который вы видите на снимке. Логика очевидна: чтобы подчеркнуть связь с египетским Мемфисом. Пирамида высотой около ста метров будет облачена в нержавеющую сталь. Строительство закончится в 1991 году. Внушительное сооружение в Теннесси примет не только любителей спорта. Здесь разместится также и музей американской музыки.



Свиньи — на необитаемом острове

На атолле Факаофо, в центральной части Тихого океана, живут дикие свиньи-рыболовы. Ученые, наблюдавшие за этими животными, утверждают, что хрюшки — отличные пловцы и могут ловить рыбу на глубине 15 сантиметров. Но остается загадкой, как эти свиньи попали на остров.



Рисунок Е. Силиной

Артур Конан Дойл

Золотое пенсне

Это оказалась весьма просторная комната, набитая несметным количеством книг. Они заполняли многочисленные полки, были сложены штабелями во всех углах и разбросаны на крышках сундуков. В центре комнаты стояла кровать; в ней, облокотившись на подушки, лежал хозяин дома. Мне редко приходилось видеть человека с более странной внешностью. Он обратил к нам изможденное лицо с орлиным носом и темными проницательными глазами, прятавшимися в глубоких впадинах под нависающими густыми бровями. Борода и волосы его были совершенно седыми, если не считать желтого пятна вокруг рта. Среди сплетения седых волос тлела сигарета; воздух в комнате был пропитан застоявшимся табачным дымом. Когда он протянул руку Холмсу, я заметил, что пальцы его тоже желтые от никотина.

— Вы курите, мистер Холмс? — спросил профессор. Он говорил на излишне правильном английском языке со странным, подпрыгивающим акцентом.— Прошу, возьмите сигарету. И вы, сэр. Рекомендую вам их, потому что они изготовлены особым способом неким Ионидесом из Александрии. Он присылает мне сразу по тысяче штук, и я вынужден с горечью признаться: пришлось договориться о поставках через каждые две недели. Это плохо, сэр, очень плохо, но у старого человека так мало радостей. Сигареты и мой научный труд — вот все, что мне осталось.

Холмс зажег сигарету и бросал теперь быстрые взгляды по всей комнате.

— Сигареты и мой труд, но сейчас — одни лишь сигареты,— воскликнул профессор.— Увы! Что за роковое препятствие! Кто мог предвидеть столь ужасную катастрофу? Такой достойный молодой человек! Уверяю вас, после нескольких месяцев работы он стал мне превосходным помощником. Что вы думаете об этом деле, мистер Холмс?

— Я пока еще не пришел к определенному мнению.

— Буду вам весьма признателен, если вы сможете пролить свет на эту историю, которая всем нам представляется весьма темной и запутанной. Для несчастного инвалида и книжного червя вроде меня это просто парализующий удар. Я, кажется, потерял всякую способность мыслить. Но вы — человек действия, наверное, даже деловой человек. Все это — повседневные будни вашей жизни. Вы способны быть невозмутимым даже в критических ситуациях. Нам, без сомнения, очень повезло, что вы будете на нашей стороне.

Пока профессор говорил все это, Холмс расхаживал взад-вперед вдоль одной из стен комнаты. Я заметил, что он курит с необычайной интенсивностью. Очевидно было, что он разделяет пристрастие хозяина к крепким александрийским сигаретам.

— Да, сэр, это сокрушительный удар,— продолжал профессор, Вот мой magnum opus* — вон та кипа бумаги на столе. Я занимаюсь анализом документов, найденных в коптских монастырях Сирии и Египта. Мой труд подорвет саму основу существующих религий и разоблачит их. Учитывая мое слабое здоровье, не знаю, смогу ли я когда-нибудь закончить его, особенно после того, как лишился помощника... Бог ты мой! Да вы, мистер Холмс, еще более злостный курильщик, чем я сам!

Холмс рассмеялся.

— В этом я знаток,— сказал он, взяв очередную, четвертую сигарету из ящичка и зажигая ее от окурка предыдущей.— Не стану беспокоить вас долгими расспросами, профессор Корэм, поскольку по моим расчетам в момент убийства вы были в постели и, следовательно, ничего не можете о нем знать. Спрошу лишь вот что: как по-вашему, что имел в виду несчастный молодой человек, когда сказал перед смертью: «Профессор, это была она»?

Профессор покачал головой.

— Сьюзен из деревни,— сказал он.— Вы, должно быть, знаете о невероятном упрямстве этих людей. Полагаю, бедный юноша пробормотал в агонии какие-то бессвязные слова, а она придала им некий смысл, тоже, впрочем, невнятный.

— Ясно. А как вы сами объясняете случившуюся трагедию?

— Возможно, несчастный случай, возможно,— говорю между нами — самоубийство. У молодых людей бывают неприятности, которые они от всех скрывают, любовные например, хотя точно мы этого никогда не узнаем. Это более правдоподобная версия, чем убийство.

— Но пенсне?!

— Ах, я всего лишь ученый, то есть мечтатель. Не умею объяснять явления практической жизни. Однако мы знаем, друг мой, что страсть может принимать странные формы, особенно в отношении предметов, полученных в залог любви. В любом случае берите еще сигарету. Очень приятно, что они нравятся кому-то еще... Веер, перчатки, очки — кто знает, какой предмет может зажать в руке человек, решивший покончить счеты с жизнью. Этот джентльмен говорит о следах на траве, но, в конце концов, в этом ведь так легко ошибиться. А нож — он мог отскочить и далеко от бедного юноши, когда тот падал. Возможно, я говорю наивные вещи, но мне кажется, что Уиллоуби Смит встретил смерть от собственной руки.

Холмса, казалось, поразила эта неожиданно выдвинутая теория; он продолжал некоторое время ходить туда-сюда, погрузившись в размышления и выкуривая сигарету за сигаретой.

— Скажите, профессор,— спросил он наконец,— что вы храните в запертом отделении бюро?

— Ничего такого, что могло бы заинтересовать вора. Семейные бумаги, письма моей бедной жены, почетные дипломы нескольких университетов. Вот ключ. Можете взглянуть сами.

Холмс взял ключ, несколько секунд на него смотрел, затем вернул.

— Нет, едва ли это мне чем-нибудь поможет,— сказал он.— Я лучше спущусь в ваш сад и спокойно обдумаю все это на свежем

Окончание. Начало — в № 10.

* Грандиозный труд (*лат.*)

воздухе. В этой вашей теории самоубийства что-то есть. Приносим извинения, что побеспокоили вас, профессор Корэм; обещаю, что не нарушим ваш покой до ленча. В два часа мы зайдем к вам опять и доложим, если что-нибудь произойдет за это время.

Холмс был как-то странно рассеян, и мы с ним некоторое время ходили молча взад-вперед по садовой тропинке.

— Нашли разгадку? — спросил я наконец.

— Это зависит от сигарет, которые я выкурил,— ответил мой друг.— Возможно, я жестоко ошибаюсь. Но сигареты все разъяснят.

— Дорогой Холмс! — воскликнул я.— Каким образом, черт возьми...

— Ну это уж соображайте сами. Если моя затея ничего не даст, вреда не будет. Мы ведь всегда можем вернуться к имеющейся у нас ниточке — я имею в виду окулиста. Однако предпочитаю, если есть возможность, идти кратчайшим путем... А вот и наша дорогая миссис Маркер. Давайте в течение пяти минут насладимся весьма поучительной беседой с нею.

Кажется, я отмечал раньше, что у Холмса была весьма обходительная манера общения с женщинами (когда он того хотел, разумеется). К тому же он очень быстро добивался их расположения. Не прошло и половины упомянутого им отрезка времени, как он уже завоевал доверие экономки и говорил с ней так, как будто знал ее долгие годы.

— Да, мистер Холмс, все так, как вы говорите. Он дымит как паровоз. Весь день, а иногда и всю ночь. Когда я вхожу утром в его спальню, иногда кажется, что там скопился весь лондонский туман. Бедный молодой человек! Он тоже был курильщиком, сэр, но не таким злостным, как профессор. Правда, говорят, сэр, что здоровье от этого не ухудшается.

— Да, но курение отбивает аппетит,— возразил Холмс.

— Ну я бы не сказала.

— Наверное, профессор почти ничего не ест?

— Как когда.

— Держу пари, он не завтракал сегодня утром и даже не взглянет на ленч после того, как выкурил такую уйму сигарет.

— Ну и проиграете, сэр; как раз сегодня он очень плотно позавтракал. На моей памяти что-то раньше такого не было. Да и к ленчу он попросил поджарить целую тарелку котлет. Сама удивляюсь, сэр,— я-то после того, как зашла вчера в комнату и увидела на полу бедного мистера Смита, не могу себя заставить даже притронуться к еде. Что ж, все люди устроены по-разному; профессор вот не способен унять свой аппетит.

Все утро мы слонялись без дела в саду. Стэнли Хопкинс ушел в соседнюю деревню выяснять, что за слухи там ходят о странной женщине, которую местные дети встретили вчера утром на Четэмском шоссе. Что же до моего друга, то свойственная ему энергия, казалось, иссякла. Я ни разу не видел, чтобы он относился к делу вот так, с прохладцей. Даже новость, которую сообщил, возвратившись, Хопкинс, не вызвала у него никаких признаков интереса. Инспектор между тем разыскал детей, которые, несомненно, видели женщину, точь-в-точь соответствующую холмсовскому описанию и носившую не то очки, не то монокль. Холмс навострил уши лишь тогда, когда Сьюзен, прислуживавшая нам за ленчем, вдруг сказала, что мистер Смит, насколько она помнит, ходил вчера утром гулять и вернулся лишь за полчаса до того, как был убит. Я не понял, почему это так заинтересовало Холмса, но мне стало ясно, что это укладывается в общую концепцию дела, как он себе его представляет. Внезапно, взглянув на часы, он вскочил со стула.

— Два часа, джентльмены,— воскликнул он.— Пора вставать из-за стола и отправляться с прощальным визитом к нашему другу-профессору.

Тот как раз закончил свой ленч, и стоявшие перед ним пустые тарелки подтверждали слова экономки о его хорошем аппетите. Внешность профессора была весьма своеобразна, особенно когда он обратил к нам свою седую бороду и сверкающие глаза. Во рту его тлела неизменная сигарета. Он переоделся и сидел теперь в кресле у камина.

— Ну как, мистер Холмс, разгадали вы все-таки эту загадку?

С этими словами профессор подтолкнул стоявший на журнальном столике ящичек с сигаретами к моему другу. В тот же самый момент Холмс протянул за ним руку, в результате чего ящичек опрокинулся на пол. Пару минут после этого мы ползали на коленях, доставая раскатившиеся по полу сигареты из самых неожиданных мест. Когда мы наконец собрали их и встали, глаза Холмса сияли, а щеки раскраснелись. Такое мне приходилось видеть только в критических ситуациях, в преддверии решающей схватки.

— Да,— ответил профессору Холмс,— я ее разгадал.

Мы со Стэнли Хопкинсом застыли в изумлении. По мрачному лицу профессора пробежало что-то вроде усмешки.

— В самом деле? Где же, в саду?

— Нет, здесь.

— Здесь?! Когда же?

— Только что.

— Вы, конечно, шутите, мистер Холмс. Это вынуждает меня заметить, что дело слишком серьезно, чтобы относиться к нему подобным образом.

— Я проверил на прочность каждое звено составленной мною цепи доказательств, профессор Корэм, и убежден, что она крепка. Каковы были мотивы, которыми вы руководствовались, и какую в точности роль вы играли в этом странном деле, я пока сказать не могу. Надеюсь через несколько минут услышать об этом от вас. А пока постараюсь восстановить для вас последовательность событий, поскольку вам могут быть известны некоторые детали, которых я пока не знаю.

Итак, вчера в ваш кабинет вошла дама. Целью ее посещения было взять некоторые документы, хранившиеся в вашем бюро. У нее был от него собственный ключ. Я имел возможность осмотреть ваш и не обнаружил обесцвечивания металла, которое обязательно возникло бы, если бы этим ключом была сделана царапина на лаке. Следовательно, вы не были сообщником этой дамы и, если я правильно трактую факты, не знали, что она пришла вас ограбить.

Профессор выпустил облачко дыма.

— Весьма занимательно и поучительно,— сказал он.— Вам больше нечего добавить? Если вы проследили путь этой дамы так далеко, то, может быть, скажете, что с нею сталось?

— Непременно постараюсь это сделать. Очень скоро после своего прихода она была обнаружена и схвачена вашим секретарем. Чтобы спастись, она его ударила. Происшедшую трагедию я склонен считать несчастным случаем, поскольку убежден, что у этой дамы не было намерения нанести ему столь тяжелую рану. Убийца не приходит невооруженным. Придя в ужас от содеянного, она опрометью бросилась бежать с места происшествия. К несчастью, в схватке она потеряла очки, а без них чувствовала себя совершенно беспомощной, потому что была сильно близорука. Она выбежала в коридор, который приняла за тот, по каторому пришла,— пол в обоих устлан пальмовыми циновками. Только потом, когда было уже слишком поздно, она поняла, что ошиблась и что путь назад отрезан. Что ей было делать? Вернуться она не могла, оставаться на месте — тоже. Она должна была идти вперед. Так она и сделала. Поднялась по ступенькам, распахнула дверь и — очутилась в вашей комнате.

Старик сидел с открытым ртом и дикими глазами смотрел на Холмса. На его выразительном лице читались изумление и страх. Потом он с видимым усилием пожал плечами и разразился неискренним смехом.

— Превосходно, мистер Холмс,— сказал он.— Но в вашей великолепной теории есть одно слабое место. В этой комнате находился я сам и не покидал ее весь день.

— Не сомневаюсь, профессор Корэм.

— Вы хотите сказать, что я мог лежать в этой кровати и не знать, заходила ли в мою комнату женщина?

— Этого я как раз сказать не хочу. Вы прекрасно знали об этом. Вы говорили с ней. Узнали ее. Помогли ей спастись.

Профессор снова разразился нервным смехом. Он встал на ноги, глаза его сверкали, как раскаленные угли.

— Вы с ума сошли! — вскричал он.— Вы говорите дикие вещи. Я помог ей спастись? Да где же, по-вашему, она сейчас?

— Вон там! — сказал Холмс и показал на высокий книжный шкаф в углу комнаты.

Профессор всплеснул руками; ужасная судорога исказила его мрачное лицо, и он упал в свое кресло. В ту же секунду книжный шкаф, на который показал Холмс, повернулся на шарнирах и из-за него в комнату выбежала женщина.

— Вы правы! — закричала она со странным иноземным акцентом.— Вы правы! Я здесь!

Одежда ее была вся в пыли и паутине, которых в ее убежище, видимо, было предостаточно. Лицо тоже было испачкано; угадывалось, что оно никогда не могло считаться красивым, потому что обладало всеми названными Холмсом признаками близорукости; вдобавок на нем выделялся длинный упрямый подбородок. То ли из-за плохого зрения, то ли от внезапности выхода из темноты на свет она стояла как оглушенная, моргая и озираясь в попытке разглядеть, где она и кто ее окружает. И все же, несмотря на всю невыгодность положения, в котором она оказалась, было в ее облике какое-то благородство; линии подбородка выдавали отвагу, а гордая посадка головы вызывала уважение и даже восхищение.

Стэнли Хопкинс положил руку на ее запястье и объявил, что она задержана, однако женщина мягко, но с невыразимым достоинством отстранила его, и он покорился. Профессор с подергивающимся лицом откинулся в кресле, глядя на нее смятенным взором.

— Да, сэр, я ваша пленница,— сказала женщина.— Оттуда, где я находилась, мне все было слышно, и я знаю, что вам известна правда. Я признаюсь во всем. Именно я убила молодого человека. Вы были правы — я даже не знала, что у меня в руках нож, потому что в отчаянии схватила со стола первый попавшийся предмет и ударила им его, чтобы освободиться. Говорю вам чистую правду.

— Мадам,— произнес Холмс,— я не сомневаюсь, что все это правда. Боюсь, однако, что вы плохо себя чувствуете.

Действительно, она сильно побледнела, и этот оттенок ее лица был еще заметнее по контрасту с пересекавшими его темными полосами пыли. Она присела на краешек кровати, затем заговорила снова.

— У меня не так уж много времени,— сказала она,— но я хочу, чтобы вы узнали всю правду. Я жена этого человека. Он не англичанин, он русский. Имени его я вам не открою.

Старик впервые за последние несколько минут встрепенулся.

— Бог с тобой, Анна! — воскликнул он.— Зачем ты?

Она бросила в его сторону взгляд, полный глубочайшего презрения.

— Что ты так цепляешься за свое жалкое существование, Сергей? — сказала она.— Ты причинил много зла многим людям, а добра не сделал никому, даже себе. Однако я не хочу быть причиной того, чтобы тонкая нить твоей жизни оборвалась до положенного Богом срока. У меня и без того слишком многое на совести с тех пор, как я переступила порог этого проклятого дома. Но я должна рассказывать дальше, иначе будет слишком поздно.

Я уже говорила, джентльмены, что являюсь женой этого человека. Когда мы поженились, ему было пятьдесят лет, а я была глупой двадцатилетней девушкой. Это было в России, в одном университетском городе — уточнять тоже не буду.

— Бог с тобой, Анна! — снова пробормотал старик.

— Мы были передовыми людьми — революционерами, или нигилистами, как говорят у нас. И он, и я, и многие другие. Потом настали трудные времена, был убит офицер полиции, многих наших арестовали, требовали от них показаний, и для того, чтобы спасти свою жизнь и заслужить обещанную награду, муж мой предал собственную жену и товарищей. Да, все мы были арестованы по его доносу. Кто-то из нас попал на виселицу, кто-то — в Сибирь. Я была среди этих последних, но меня не осудили пожизненно. Мой муж прибыл в Англию со своими неправедно добытыми деньгами и до сих пор живет здесь тихо и спокойно, хотя прекрасно знает, что если нашему Союзу станет известно его местопребывание, то не пройдет и недели, как над ним свершится правый суд.

Старик вытянул дрожащую руку и в попытке найти облегчение взял сигарету.

— Я в твоей власти, Анна,— проговорил он.— Ты всегда была добра ко мне.

— Я еще не открыла вам всю глубину его падения,— продолжала она.— Среди наших товарищей был один, которому я отдала свое сердце. Это был благородный по натуре, бескорыстный, преданный человек, словом, полная противоположность моему мужу. Он ненавидел насилие. Мы все были виновны, если это вообще можно назвать виной, он же — не был. Он все время писал нам, отговаривая от подобных действий. Письма эти спасли бы его. То же сделал бы и мой дневник, в котором я день

за днем писала о моих чувствах к Алексею и о несходстве наших взглядов. Муж мой нашел и сохранил письма и дневник. Он спрятал их и усердно пытался опорочить молодого человека, чтобы погубить его. В этом он не преуспел, однако Алексей был осужден на каторжные работы в Сибири, где сейчас, в эту самую минуту, работает на соляных копях. Подумай об этом, ты, подлец, да, подлец! Сейчас, в эту самую минуту Алексей, человек, чье имя ты недостоин даже называть, живет и работает как раб, а я держу твою жизнь в своих руках и все же не мщу тебе.

— Ты всегда была благородной женщиной, Анна,— сказал профессор, затягиваясь сигаретой.

Она встала, но тут же упала обратно на кровать, вскрикнув от боли.

— Я должна договорить,— продолжала она.— Когда окончился мой срок, я поставила себе целью добыть письма и дневник, которые, без сомнения, облегчили бы участь моего друга, если бы я послала их правительству России. Я знала, что муж мой уехал в Англию. После нескольких месяцев поисков я выяснила, где он живет. Я знала, что дневник все еще у него, потому что в Сибири получила однажды от него письмо с упреками, где воспроизведены были некоторые отрывки оттуда. Однако, зная его мстительную натуру, я была уверена, что он никогда не отдаст мне по доброй воле ни дневника, ни писем. Я должна была добыть их сама. Для этого я наняла агента в частном детективном бюро, и он проник в дом моего мужа, устроившись к нему секретарем,— это был твой второй секретарь, Сергей, тот самый, который покинул тебя так поспешно. Он выяснил, что бумаги хранятся в бюро, и сделал слепок с ключа. На большее он пойти не мог. Он снабдил меня планом дома и сказал, что до полудня кабинет всегда пустует, поскольку секретарь в это время обычно там не работает. И вот наконец я собралась с духом и пришла сюда, чтобы взять эти бумаги. Мне это удалось. Но какой ценой!

Я уже взяла бумаги и запирала бюро, когда меня схватил молодой человек. Я уже видела его в то утро — он встретился мне по дороге, и я спросила его, как пройти к дому профессора Корэма, не подозревая, что это его секретарь.

— Конечно! Ну конечно же! — воскликнул Холмс.— Секретарь вернулся и рассказал профессору о женщине, которую встретил. Потом, перед тем, как испустить дух, он пытался сообщить ему, что это была именно она — та самая, о которой он ему рассказывал.

— Вы должны дать мне договорить,— сказала женщина повелительным тоном, и лицо ее исказила гримаса боли.— Когда он упал, я выбежала из комнаты, перепутав двери, и оказалась в комнате моего мужа. Он сказал было, что выдаст меня. Я ответила, что если он это сделает, то жизнь его в моих руках: если он выдаст меня полиции, я выдам его Союзу. Не то, чтобы мне хотелось жить ради самой себя, но надо было довести до конца то, что я считала своим долгом. Он понял, что я сделаю то, что сказала, и судьба его зависит от моей. Только поэтому — и не по какой другой причине — он и укрыл меня, впихнул в этот темный тайник, сохранившийся с давно минувших времен и известный одному лишь ему. Он питался у себя в комнате и потому мог отдавать часть еды мне. У нас было условлено, что после ухода полиции я незаметно ускользну ночью и больше не вернусь. Однако вы каким-то образом проникли в наши замыслы.

Она достала спрятанный на груди маленький пакет.

— Это моя последняя воля,— сказала она.— Вот пакет, который спасет Алексея. Доверяюсь вашей чести и чувству справедливости. Возьмите его. Отнесите в русское посольство. Ну вот, я исполнила свой долг, а теперь...

— Остановите ее! — вскричал Холмс. Он метнулся через всю комнату и выхватил у нее из рук маленький пузырек.

— Поздно! — воскликнула она, падая обратно на кровать.— Слишком поздно! Я приняла яд перед тем, как выйти из убежища... Как все плывет перед глазами! Это конец... Я вверила вам пакет, сэр, не забудьте о нем...

— Случай простой и все же в некоторых отношениях довольно поучительный,— заметил Холмс на обратном пути.— С самого начала все было закручено вокруг этого пенсне. Если бы умирающий по счастливой случайности не схватил бы его, не уверен, что мы когда-нибудь нашли бы разгадку. Увидев, какие сильные в нем линзы, я понял, что та, кто его носит, без него совершенно слепа и беспомощна. Когда вы убеждали меня, что она прошла туда и обратно по узкой полоске травы, ни разу не оступившись, я, если помните, заметил, что это весьма примечательный поступок. Про себя я подумал, что это совершенно невозможный поступок, если исключить ту маловероятную возможность, что у нее были еще одни очки. Поэтому я был вынужден всерьез рассмотреть гипотезу, что женщина осталась внутри дома. Увидев, что оба коридора совершенно одинаковы, я понял, что она легко могла их спутать и, таким образом, попасть в спальню профессора. Так что я внимательно изучил все, что могло подтвердить это предположение, и осмотрел комнату в поисках места, где мог бы быть тайник. Ковер оказался сплошным и крепко прибитым к полу, поэтому я отверг мысль о люке в полу. Потом я задумался, нет ли там пространства за книжным шкафом. Известно, что такие тайники часто встречаются в библиотеках старинных домов. Я заметил, что все шкафы набиты книгами до полу, а в одном нижняя полка пустует. Там, очевидно, могла быть дверь. Я не обнаружил никаких признаков, подтверждающих мою догадку, но заметил, что ковер серовато-коричневого цвета и, следовательно, на нем можно будет кое-что увидеть. Так что я выкурил множество этих действительно замечательных сигарет и усеял пеплом пространство перед тем книжным шкафом. Прием этот прост, но весьмэ эффективен. Потом я спустился вниз и выяснил в вашем присутствии, Уотсон, хоть вы и не поняли, куда я клоню, что потребность профессора в пище заметно возросла, так что можно было предположить, что он кормит кого-то еще. Затем мы снова поднялись в его спальню, и я, опрокинув ящичек с сигаретами, получил прекрасную возможность исследовать состояние пола, в результате чего обнаружил на пепле следы и убедился, что затворница в наше отсутствие выходила из своего убежища. Ну что ж, Хопкинс, мы прибыли в Лондон, и я поздравляю вас с успешным окончанием дела. Вы, не сомневаюсь, отправитесь сейчас к себе в Скотленд-Ярд. А нам с вами, Уотсон, надо ехать в русское посольство.

●

Перевел с английского
А. КУДРЯВИЦКИЙ

ВСЛЕД ЗА ВЕРНИСАЖЕМ

К 725-ЛЕТИЮ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Е. Херсонская

Ведя векам грядущим счет...

Лишь по ночам, склонясь
к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем
орлиным
О Новой Жизни мне поет.
А. Блок, «Равенна»

Этими строками означена подтвержденная семью столетиями вечность Данте.

«Новая жизнь» — название его раннего произведения, послужившего преддверием великой «Божественной комедии». В «Новой жизни» Данте воспел свою возлюбленную Беатриче; потом именно она вела его по кругам «Рая», венчающего «Божественную комедию». «Новую жизнь» Данте начал словами, ставшими афоризмом: «В том месте книги памяти моей, до которого лишь немногое можно было бы прочесть, стоит заглавие, которое гласит: „Incipit Vita Nova“» — начинается новая жизнь. Великий поэт объясняет смысл этих слов. По его мнению, высокое чувство любви настолько меняет человека и его мироощущение, что можно говорить о новой жизни, которая с этого времени начинается.

И в сердце скорбь
любви лелеет бог
Для нового вселенной
разуменья...

Проникновение в смысл жизни, в первоосновы сущего, пространства, Вселенной, ее структуры сделало творения Данте вечно современными. Предшественник «титанов» Возрождения с их универсальностью, он суммировал все знания своей эпохи — теологические, философские, юридические, исторические; естественнонаучные знания — космогонии, астрологии, географии, математики, природоведения. Интересовался он и алхимией и каббалистикой, занимался политикой.

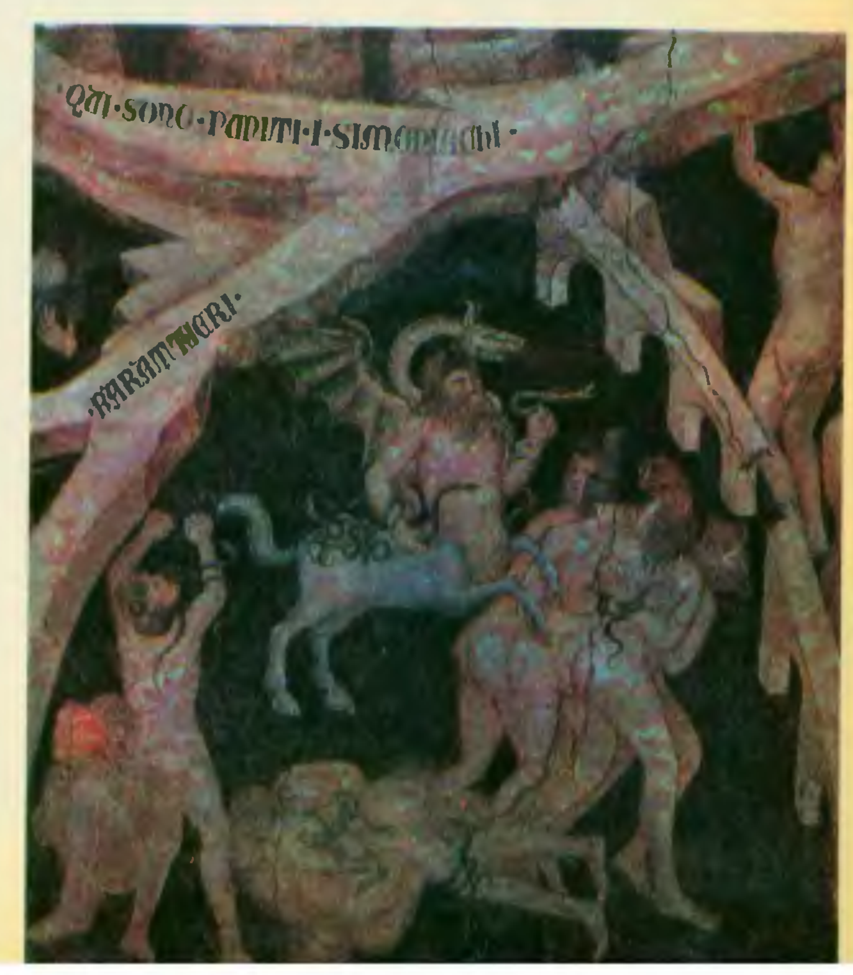
«Новой жизнью» было и изъяснение чувств поэта не на латыни, принятой в то время, а на народном наречии — volgare, языке его родителей и предков.

Данте именуют «отцом» итальянского языка. Литератор Дж. Джудичи утверждает: «Язык» здесь должен писаться с большой буквы, чтобы означить его природу, исходящую от Великой Личности. За семь веков итальянской поэзии нет языковой придумки, которая бы не имела своего корня у Данте... Итальянский язык в конце концов — изобретение Данте... И мы говорим и пишем и сейчас на „дантовском“».

Данте живет в своей стране и по сей день. В лотереях Италии разыгрываются «дантовские числа». Во Флоренции сохраняется его дом, а на ступенях, ведущих на гору, к древней церкви Сан-Миньято аль Монте, где он исповедовался, выгравированы терцины из «Чистилища». Вечный скиталец, он будто бродит по городам и весям. На стенах жилищ в самых глухих селениях попадаются доски с надписью: «Здесь ночевал Данте». Неважно, быль это или небыль. Если итальянец очень удачлив... ему, быть может, удастся даже за всю свою жизнь ни разу не подвергнуться штрафу. Но нет на свете такого нтальянца, которому удалось бы избежать цитат из Данте,— рассказывает публицист Э. Рава.

До наших дней «Божественная комедия», а с ее написания миновало около семи веков, остается самой современной среди многих других, тех, что продиктованы человеческим вдохновением.

Не только в Италии, но и за ее пределами, начиная с гуманиста Возрождения А. Манетти, вычислявшего геометрические построения «Комедии» (окружность «Ада» и т. п.), до Галилея, Ньютона, крупнейшие физики, математики, астрологи, философы, филологи, литературоведы, историки нашего времени вновь и вновь обращаются к Данте. Круг — основополагающая фигура Дантовой геометрин, на которой строилась его Вселен-



А. Орканья. Фреска в церкви Санта Мария Новелла во Флоренции. Фрагмент.



Д. Г. Россетти. Гравюра «Любовь Данте».
Д. Г. Россетти — переводчик Данте на английский язык, один из основателей братства «прерафаэлитов», художников, взявших за образец искусство дорафаэлевского времени. Россетти — подражатель Боттичелли.

ная,— использовался родоначальниками архитектуры Возрождения Брунеллески и Браманте в их произведениях. Зарисовки на полях «Комедии» архитектора Дж. да Сангалло представляли своего рода комментарий к научной стороне поэмы — оптике, акустике, природоведению. Их долгое время приписывали Леонардо да Винчи, знатоку и интерпретатору Данте.

Великая изобразительная фантазия Данте так близка к сущности пространственных искусств, что примеры воплощения образов, единичных эпизодов, просто духа творений Данте в различных видах, формах искусства поистине бесчисленны. От современника Данте Джотто, А. Орканьи в XIV, Л. Синьорелли в XV, Рафаэля и знатока поэзии Данте, воспевшего его в своих сонетах Микеланджело в XVI, божественного болонца Г. Рени в XVII, главы английской академии Дж. Рейнольдса в XVIII, О. Родена, Д. Энгра и Э. Делакруа в XIX веках до множества художников нашего столетия обращались к Данте.

По толкованию и восприятию Данте можно установить движение научной мысли, даже мировоззрение того или иного времени. А по произведениям композиторов и особенно художников, так или иначе посвященным Данте, можно проследить пути развития этих искусств в веках. В богатстве и разнообразии обращений к Данте предстают перед нами эпохи и государства. И каждый век имеет своего Данте.

Не только прочтение, но и оформление, издание произведений самого Данте многое может рассказать о характере и культуре эпохи. Поэтому вполне естественно, что именно книги стали основными предметами экспозиции к юбилею Данте в двух московских библиотеках. Ленинская стремилась показать свои сокровища — ценнейшие и редкие издания в любовно и со вкусом сделанной экспозиции. Иностранная собрала в витринах книги, изданные в разных странах. Разумеется, и та и другая выставки — капля в безбрежном океане изданий Данте всех времен и народов. Но и они — заметное явление в культурной жизни страны.

Прежде чем рассказать о выставках, хочу остановиться на узловых, особо примечательных вехах истории изданий Данте. Как известно, автобиографический оригинал «Комедии» был подарен сыновьями Данте Якопо и Пьеро в 1322 году Гвидо Новелло да Полента, властителю Равенны, где нашел вечное успокоение Данте. Но это бесценное сокровище было утеряно. Самый старый из известных — манускрипт, написанный Ф. Вилана в 1343 году, через двадцать два года после смерти Данте.

Первая печатная инкунабула из Фолиньо — 1472 года. Примечательно печатное флорентийское издание 1481 года, где расположение и организация текста, верстка, шрифт создают различные вариации пространственного определения страницы. Первое иллюстрированное издание с миниатюрами Г. Джиральди в изысканном вкусе феррарского двора — Урбинский кодекс — относится к 1482 году. Это издание принадлежало страстному любителю книг, владельцу примечательной тогда библиотеки герцогу Федериго де Монтефельтре, увековеченному в знаменитом портрете П. делла Франческа.

Лучшим среди самых признанных иллюстраторов Данте считают С. Боттичелли (конец XV столетия). Прекрасные линии его рисунков вторят музыке Дантовых терцин. Часто в пределах одного листа встречаются несколько повторений изображений фигуры Данте, чем определяется прохождение действия во времени. Боттичелли не просто ищет сюжетное соотношение изображения и текста, а организует целостное, последовательное их сочетание. Это первые в современном смысле иллюстрации к «Божественной комедии».



Дом Данте во Флоренции

Издания XVI—XVIII столетий, драгоценные и великолепные по оформлению, переплетам, хотя большей частью неиллюстрированные, соответствовали высоте Дантовых творений. Именно они и стали предметом пристального внимания создателей выставки в Библиотеке имени В. И. Ленина.

Особое место, как и С. Боттичелли, среди иллюстраторов Данте занимает художник XIX века Г. Доре. Его гравюры постоянно воспроизводятся, в том числе и в наших изданиях. Такую популярность он заслужил наибольшей точностью передачи содержания поэмы, огромным опытом и мастерством рисовальщика, хотя многие, например художник-неореалист и известный теоретик искусства А. Тромбадори, обвиняют Доре в слишком прямом иллюстрировании и тем самым «удалении» от Данте.



У. Блейк. Иллюстрация к «Божественной комедии».

В XIX веке примечательны иллюстрации утонченного английского поэта и художника У. Блейка. Его оформление скорее играет роль украшения книги. Выступает вперед вкусовое начало, которому должны соответствовать все элементы книги в деталях, в цвете, что предвосхищало увлечение от середины XIX века и в первых десятилетиях двадцатого стилизованными под старину изданиями.

На основе стилизаторства рождаются «любительские» элитарные книги, выпускаемые в небольшом числе экземпляров, как оформленная Фаццолини под рукописный кодекс «Божественная комедия» или «Сонеты» Данте в манускрипте Анны Симоне (итальянские издания 1921 года). Однако в ряде случаев такие издания тяготеют к вкусу тогдашнего «китча», вроде «Божественной комедии» итальянского издания 1921 года с «фантазиями в цвете» Ф. фон Байроса. Иллюстрации помещены в рамы, причудливость которых оттеняет сентиментальную патетику ситуаций, представленных художником. Результатом научных увлечений конца века явились издания, оснащенные взамен иллюстраций картами, дантовскими рисунками, схемами Вселенной («Божественная комедия», издание М.-А. Каэтани, 1886 год).



Л. Синьорелли. Фреска в соборе Орвьето. Фрагмент. Превосходства монументального изображения большого стиля на грани XV—XVI веков достигает Л. Синьорелли в росписях собора в Орвьето. Он использует дантовскую структуру, вписывая свои изображения в круг.

В XX веке за иллюстрирование Данте берутся выразители определенных направлений в искусстве: футурист Д. Северини, «метафизик» Де Кирико, экспрессионист Г. Гросс, неореалист



Итальянская миниатюра XV века.

Миниатюры из Урбинского кодекса.

Р. Гуттузо, поп-художник Р. Раушенберг и наши П. Бунин, Э. Неизвестный и другие.

Оригинальное оформление «Новой жизни» в 1934 году выполнено В. Фаворским. Его гравюры тесно связаны с текстом, каждое изображение — это элемент развития логики чтения. Книга очень красива и удобна.

Знаменитый сюрреалист С. Дали предлагает свою пространственно-временну́ю концепцию, построенную на чувственных и ассоциативных аспектах. Благодаря блестящему исполнению и интересному набору деталей Дали создает острое смысловое и пространственное звучание придуманной им сюрреальности. Он сопоставляет ее с миром Данте, помещая каждый рисунок рядом с текстом, как бы состязаясь с поэтом.

Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы дополнила экспозицию интересными листами В. Лактионова, наиболее полно проиллюстрировавшего все три части поэмы, вплоть до самых малых эпизодов, упоминаний, сравнений — в виньетках, буквицах, полосных, оборочных рисунках пером с введением цвета, золота и серебра. Всего свыше пятисот рисунков. Художник сосредоточивает внимание на соотношениях пространства и времени у Данте, моментах, формирующих логическую структуру. Особое значение в отличие от прежнего первенства «Ада» приобретает «Рай» как высшее обобщающее завершение, венчающее замысел.

Интерес к Данте не только не тускнеет и не ослабевает,— кажется, даже возрастает. «Читать Данте сегодня — это значит... употребить инструменты, которыми мы располагаем, чтобы выявить аспекты, пожалуй, неуловимые для инструментов культур, предшествующих нашей»,— пишет Ж. Риссе. Очевидно, он прав — каждая культура, читая Данте, находила в нем что-то новое, обогащая свое время. Справедливыми остаются и сегодня слова, сказанные в прошлом веке литератором Н. Томмазео: «Читать Данте — долг, перечитывать — необходимость...» ●



С. Дали. Иллюстрация к «Божественной комедии».



Фреска Д. ди Микелино в соборе Санта Мария дель Фьоре во Флоренции. Фрагмент. Надпись гласит: «Никогда не сможет суровая смерть погубить поэта, Которого делают живым доблесть поэта и изображение...»



С. Боттичелли. Иллюстрация к «Божественной комедии».

23-I-14

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/90

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Издание ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание»

№ 11 (761)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 05.09.90
Подписано к печати 02.11.90
Формат 70×108 1/16
Офсетная печать
Гарнитура литературная
Печ. л. 6,0
Усл. печ. л. 8,4
Уч.-изд. л. 12,76
Усл. кр.-отт. 36,4
Тираж 355 000 экз.
Заказ № 1748
Цена 50 коп.

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35
Всесоюзное общество «Знание»:
101813, Москва,
проезд Серова, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати,
142300, г. Чехов Московской области

Индекс 70332

В НОМЕРЕ

ISSN 0130-1640 «Знание — сила», 1990, № 11, 1—96.

0—1640
НАНИЕ-ИЛА 11/90
М